

ШАГАЕМ В НЕБО

В. Бонч

ВЛАДИСЛАВ ВОЛКОВ,

летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза

ШАГАЕМ В НЕБО

В феврале 1971 года Владислав Волков рассказал в издательстве о том, что пишет книгу. Он спешил завершить работу до очередного своего полета.

Последний вариант рукописи Владислав Николаевич привез в издательство накануне отлета в Байконур.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» сердечно благодарит Людмилу Александровну Волкову, журналиста Петра Скобелкина, фоторепортеров Александра Маклецова и Игоря Снегирева за помощь, оказанную по подготовке рукописи Владислава Николаевича Волкова к печати.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владислав Волков был очень мужественный, целеустремленный, жизнерадостный человек. Может быть, поэтому к нему никак не подходит слово «был». Он есть.

Он — в результатах той работы, которую успел сделать. Он — в наших сердцах и памяти. Он — в этой книге, которую не случайно назвал «Шагаем в небо».

Владислав считал, что у каждого человека есть свое небо. И оно должно быть высоким, это небо. Не всегда ясным. Но даже если на нем тучи — их надо пробивать.

Сам он именно так и поступал. Поэтому, наверное, он и считал себя счастливым человеком, хотя не все и не всегда было ясным в его небе.

Владислав был счастлив, что в числе первых летит на задание, которое ~~бы~~ него никто не выполнял. Он понимал, что это связано с риском, но шел уверенно, с улыбкой, с большим желанием выполнить его как можно лучше, выполнить полностью.

Он стремился к этому полету потому, что посвятил себя испытанию новой космической техники, исследованию неизведанных далей вселенной.

Он работал вместе с теми, кто создает корабли, и знал все сложности космического полета. Но пожалуй, именно сложности его больше всего и увлекали. Только на самом переднем крае новых исследований он мог чувствовать себя хозяином жизни.

Эти черты характера присущи не только Владиславу. Такие же и его товарищи ~~на~~ первом полету, о которых он с уважением и сердечностью рассказал в этой книге. Такие же его товарищи и по второму экипажу, о которых он написать не успел.

Несмотря на все самые современные достижения науки и техники, полет в космос — это жестокий поединок с небом, с самим собой. Небо брало у людей бесценную дань — самого человека. Не вернулся с этого поединка Юрий Гагарин, не пришел с задания Владимир Комаров. И сейчас опасности подстерегают космонавтов в их путешествиях: далеко в космосе и на пороге Земли, как это случилось с экипажем космического корабля «Союз-11» — Георгием Добровольским, Владиславом Волковым, Виктором Пацаевым.

На Земле всегда будут волноваться. На Земле всегда будут ждать.

Новые корабли, разорвав тишину утра, уйдут на стыковку со звездными причалами — будущими орбитальными станциями или еще дальше в просторы космоса. Тем, кто отправится в эти полеты, будет в чем-то немного легче, потому что до них огромную работу проделал на первой орбитальной станции мужественный экипаж «Союза-11» и в его составе бортинженер, автор этой книги дважды Герой Советского Союза Владислав Николаевич Волков.

Работу над книгой «Шагаем в небо» Владислав Волков считал для себя поручением комсомола. Писал он ее для тех, с кем встречался на комсомольских съездах и конференциях, в цехах заводов, в школах, — для девочек и парней, которым хотел пожелать высокого неба.

Дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

(А. С. ЕЛИСЕЕВ)

ПОЧЕМУ Я НАЧАЛ ПИСАТЬ ЭТУ КНИГУ

Однажды один из моих друзей, узнав, что я решил написать книгу, полусерьезно, полущутливо, а скорее всего с легкой иронией стал «заводить» меня:

— Значит, так: пишем мемуары? Торопимся обрадовать человечество и поведать ему о своем житии... А сколько тебе лет?

Не ожидая подвоха, я чистосердечно признался:

— Тридцать пять.

— Скажите: уже тридцать пять!..

И хотя я понимал, что это всего-навсего обыкновенный розыгрыш, просто милая несердитая шутка, я всерьез подумал: а в самом деле, имею ли я моральное право откровенно говорить с читателем о жизни, о космонавтике?

...В памяти пытливые глаза и десятки, сотни нетерпеливых вопросов, которыми засыпали дотошные слушатели во время каждой встречи. А встреч этих было немало. Дело в том, что сразу же после полета в космос по заданию ЦК ВЛКСМ я выезжал во многие республики и города Советского Союза для встреч с молодежью. Мне довелось быть делегатом XVI съезда ВЛКСМ, принимать участие в работе республиканских съездов Армении, Азербайджана, Узбекистана и отчетно-выборной комсомольской конференции Кировской области.

Помню, какой неиссякаемый интерес проявляли парни и девчата к космонавтике, к нашей не совсем обычной профессии. И не только молодежь.

Во время одной из таких встреч в городе Слободском Кировской области ко мне подошел мальчик и, сильно волнуясь, робко спросил:

— А я могу стать космонавтом?

— А почему бы и нет? Конечно, можешь.

Мальчишка покраснел и чуть слышно признался:

— У меня есть тройки...

Хотел я ему тогда сказать, что не все космонавты были круглыми отличниками в школе, но сумели поймав свою заветную мечту и она стала для них былью,

но понял, что для этого нужен большой, спокойный и доверительный разговор. Потому сказал как можно более ободряюще:

— Конечно, тройка — это плохо. Но ты же справишься?

Мальчик согласно кивнул головой, однако в глазах его я прочитал какое-то недоверие, разочарование: «значит, нельзя».

Может быть, в тот момент, а возможно, раньше или позже — встреч, повторяю, подобных было много — и утвердилось во мне решение поговорить с моим юным современником.

Сомнений было много. Я не писатель и не журналист. Заметки в институтской газете «Пропеллер» и маленькие зарисовки в некоторых больших газетах, разумеется, не в счет. На память пришли слова одного русского писателя: «Пиши только тогда, когда уверен, что сообщишь читателю что-то новое». Эти слова меня немного утешили. Ведь космонавтика — самая молодая отрасль науки и техники, и рассказ об освоении неизведанного безвоздушного океана сам по себе, независимо от автора, глубины его дарования, есть то новое, о чем хотят знать молодые люди.

Вот так я взялся за перо.

«Шагаем в небо». Название книги пришло не сразу. Наш путь в небо начинался не на старте. Перед ним было много трудных ступеней. Широкой столбовой дороги не было. И приходилось, выражаясь словами Маркса, к сияющим вершинам карабкаться, «не страшась усталости». Шаг за шагом. День за днем. Ступенька за ступенькой. Но только вверх.

Человек, видимо, так устроен, что сохраняет в своей памяти добро, которое он встретил на земле, радость, что дали ему люди. И не помнит зла, забывает горе. Потому что он человек и мыслит свою жизнь ближе к радости.

Пожалуй, так оно и бывает в жизни — ветер времени уносит из памяти прежде всего пыльный пепел пережитых тревог и несчастий.

Но когда я, вспоминая события своей небольшой жизни, попытался вызвать образы минувшего: маленькую светлую речку, например, на родине Сергея Есенина, где ловил с дедом кусачих раков, — по белому

как снег листу бумаги вдруг поползли, грохоча, черные тени танков.

Я вспоминал мамины добрые веселые глаза, но их тихую синь закрывали самолеты со зловещими крестами на крыльях.

А когда я смотрел на своего отца, идущего на рыбалку с моим Володькой, — видел голодные глаза ребятшек, своих сверстников.

Да, передо мной по первому листу моей первой книги начинается греметь война.

Как всякому нормальному человеку, мне ближе радость. Так откуда же это странное несоответствие?

Только потому, что это были годы самых трудных испытаний, явившихся тем горнилом, в котором рождались простые человеческие качества, без которых трудно идти по жизни, трудно стать мужем, человеком своего времени.

Вот почему первая хронологическая цифра, первая памятная дата времени — 1941 год.

СЕРДЦЕ ПОПОЛАМ

Небо в *отсветах войны ● Школьные годы.
Тимуровцы с Войковской ● Юность комсомоль-
ская моя ● Испытание наукой ● Нет друга
лучше

Мне тогда шел всего шестой год. Но я хорошо запомнил те дни и небо в отсветах пожаров.

Наша семья жила на Бакунинской, занимая небольшую комнату на седьмом этаже большого по тому времени дома серого цвета.

Над Москвой на разных высотах плавали аэростаты. Не знаю почему, но они мне казались большими рыбами. А когда небо темнело и по нему начинали шарить прожекторы, лучи и аэростаты натыкались друг на друга. И тогда рыбы казались еще страшнее. Огромные и неповоротливые, они неподвижно стояли над городом. И, встретившись с ними, прожекторные лучи тут же прятались в темной глубине неба.

Мои родители работали на авиационном заводе, который по распоряжению правительства должен был эвакуироваться на восток. И напрасно отец обивал пороги райвоенкомата с просьбой направить его на фронт. Ответ был один: «Фронт нуждается в новых

совершенных самолетах. Ваше место, как авиационного инженера, сейчас только там, на заводе».

И вот уже наша семья, взяв с собой только самое необходимое, в пульмановском вагоне, оборудованном под теплушку, отправляется на восток.

Время было военное, дорога — тревожной. У меня остался в памяти налет фашистских бомбардировщиков на наш эшелон, крики женщин и плач детей. Может быть, и я плакал, не помню, но было очень страшно. Подхватив меня и брата, отец и мать втиснулись в общую толпу и, захваченные ее потоком, куда-то бежали. Но все, кажется, окончилось благополучно.

А потом потянулись дни длинной дороги с частыми остановками на полустанках. Во время этих стоянок отец бегал за кипятком, и затем мы распивали незаваренный «чай» с маленькими кусочками сахара. Какое это было наслаждение!

Вечерами все собирались в середине вагона, где стояла железная печурка и, протянув к ней руки, молча сидели в темноте. Мужчины много курили. А матери наши в это время готовили постели на деревянных нарах.

Иногда в такие вечера отец брал гитару, он даже в далекую дорогу взял ее с собой (хорошая была гитара — с красным большим бантом) и начинал перебирать струны. Подходили к печурке женщины. Все мы ждали, какую же отец начнет песню. А он поднимался, брал аккорд, приглушал ладонью струны и начинал:

Славное море, священный Байкал...

Славный мой парус кафтан дыроватый...

И здесь все мужчины негромко подхватывали:

Эй, баргузин, пошевеливай вал,

Слышатся грома раскаты!..

И такую силу мы, пацаны, чувствовали в суровых голосах наших отцов, в словах «грома раскаты», что никакая война нам была не страшна.

23 июля мы прибыли к месту назначения, проделав путь в полторы недели. Разместили нас у коренных сибиряков, в старом районе города, в одноэтаж-

ном деревянном доме № 83, находившемся на окраине города.

Встретили нас хозяева поначалу не очень дружелюбно, но, когда познакомились поближе, стали жить как одна семья. Этому, наверное, в немалой степени способствовало то, что наши хозяева были бездетны.

Наша комнатка была небольшой, с одним окном, выходящим на улицу. В зимнее время снег засыпал наш дом почти под самую крышу. Вести с фронта шли одни тревожнее других. Фашисты подходили уже к самой Москве. Но мы и все эвакуированные верили в победу, и не просто в победу, а в самую скорую. Жили этим, ждали возвращения домой и терпеливо переносили все наши невзгоды. Более того, даже мы, «малышня», старались быть чем-то полезными. Мы слышали: армия нуждается не только в самолетах, танках, пушках и снарядах, но и в теплых вещах, лекарствах. И мы, дети, старались хоть как-то помочь взрослым: собирали лекарственные растения, вязали теплые носки, рукавицы, вышивали кисеты для табака и платочки.

Своих родителей мы с братом почти совсем не видели. С утра до вечера они пропадали на работе, а когда приходили поздно вечером домой, то буквально валились с ног от усталости. Мы это чувствовали и старались вести себя как можно лучше, чтобы лишний раз не расстраивать их.

Иногда у мамы и папы появлялось немного свободного времени, и тогда мы собирались все вместе в нашей теплой и уютной комнатке.

С раннего детства я любил рисовать и смотреть, как рисуют другие. Отец, зная мою слабость, сажал меня рядом с собой и на обратной стороне синьки с непонятными для меня чертежами рисовал самолеты, танки, пушки и обязательно убитых фашистских солдат. Мама тоже вносила свою лепту в наши художества: под ее карандашом на бумаге появлялись различные животные и домики с трубами, из которых, как мы с братом просили, должен был обязательно идти дым. Какой же это дом без печи! А раз есть печь, она должна топиться.

Потом мы пели песни, очень душевные и грустные. Несколько раз ходили в цирк и, как все дети, получали от этого неопишемое удовольствие.

С наступлением лета жизнь наша преображалась. Мы уже не сидели дома, а с утра до вечера играли с ребятами на улице. Особенно большое удовольствие мне доставляла езда на трехколесном велосипеде, который мы привезли с собой из Москвы (правда, как потом папа с мамой говорили, «на свое горе»). Велосипед имел на задней оси приступочки для ног, на которых я возил своего младшего братишку, не доверяя ему садиться за руль.

Здесь, на реке, я научился плавать. Однажды во время купания отец взял меня в охапку, затащил на небольшую глубину и опустил со словами: «А теперь плыви!» Не обошлось, конечно, без «пузырей», но после нескольких таких принудительных процедур дела мои пошли на лад. Не знаю, может быть, это и неправильный, с точки зрения педагогики, метод обучения, но я благодарен отцу за эту науку. Ведь главное в том, что маленький человечек перестал бояться воды и научился держаться на плаву.

Наступил сентябрь 1943 года. Маме, мне и брату было разрешено вернуться в Москву. Отец же оставался с заводом в городе. Очень жаль было расставаться с отцом, товарищами, с которыми я успел сдружиться за два года, и, конечно, нашими хозяевами. Но что делать? Меня ожидала школа и мой родной город Москва.

Мы поселились в Останкине, на территории нынешней ВДНХ, в одноэтажном бараке. Вокруг дома росло много деревьев, особенно дубов, отчего это место называли Дубки. Под окном мы, как и другие жильцы, разбили огород, на котором весной посадили картошку, помидоры и даже капусту. Время было тяжелое, с питанием, известно, дело обстояло туго, и огороды тогда здорово помогали. Даже сахар нам заменяла красная свекла, которую мама сушила на плите. Котлеты из картофельных очисток были большим лакомством. Я видел, как трудно было матери прокормить нас, и как только мог помогал ей. Носил дрова, таскал воду, помогал на огороде.

Через год приехал отец, и жить стало легче.

В начале сентября я поступил в школу, в которой проучился до 4-го класса. Наука давалась не сразу. Мне помнится один эпизод. Начали мы изучать таблицу умножения. Не знаю почему, но она мне не дава-

лась, особенно умножение на семь. И когда отец сказал, что вечером будет проверять мои знания по таблице умножения, я решил пойти на хитрость: выписал всю таблицу себе на ладонь и пораньше лег спать.

Когда отец пришел с работы, то, несмотря на угрозы матери и на мое притворство, что я сплю, был непреклонен: дано задание — отвечай! Я попросил разрешения отвечать лежа в постели. Когда я начал без запинки шпарить всю таблицу, даже умножение на семь, отец, вероятно, удивился, что я смог так хорошо выучить то, что долго мне не давалось, но все же похвалил меня. Уже не помню как, но мой обман был все же разоблачен. Я расплакался.

Отец не стал наказывать меня за шпаргалку, но то, что он тогда сказал, я и сейчас помню: «Не кого-нибудь ты, Владик, обманываешь, а самого себя. Это же, глупый ты человек, нужно не мне и не маме. Это нужно тебе».

Годы, прожитые в Останкине, оставили у меня самые добрые воспоминания. Нашелся какой-то энтузиаст, который собрал в полном смысле с улицы мальчишек и девчонок, живущих в бараках, и предложил нам поставить спектакль. Мне выпала роль партизана. С этим спектаклем мы ездили выступать даже в какие-то театры.

Как и все мальчишки, я страстно любил ходить в кино и на рыбалку, на озеро, расположенное рядом с шереметевским музеем. Там же был и летний кинотеатр. Денег на кино нам родители, конечно, давали. Но ведь каждый, понравившийся фильм нам хотелось посмотреть не один и не два раза. И мы наловчились лазать через забор или доставать оторванные корешки билетов и затем мылом, чтобы не было заметно для контролеров, приклеивать их к оторванному, тоже использованному, билету. С помощью таких уловок мне, например, удалось раз десять посмотреть фильм «Чапаев». И всегда в конце фильма, когда погибал легендарный полководец, мне хотелось плакать. Никак не мог мириться с мыслью, что Чапая не стало.

Были у нас и другие приключения. Я уже упоминал, что рядом с нашим домом за высоким зеленым забором находилась территория сельскохозяйственной выставки. Надо ли говорить, что ограда эта не явля-

лась для нас большим препятствием? Яблоки, груши, огурцы и помидоры были нашими трофеями. Но однажды эти пиратские набеги кончились. И довольно неожиданно.

Как-то в барак пришел бородатый мужчина и предложил нам, мальчишкам и девчонкам, поступить в кружок юных натуралистов, который он вел на выставке. Предложение было принято безоговорочно: ожидали худшего. Правда, работали мы там совсем недолго. Новое занятие увлекло меня и моих ближайших друзей: самокат. Что это за штука — самокат, сейчас знает каждый мальчишка. Сразу же после занятий в школе, когда, естественно, были сделаны далеко не все домашние задания, мы принимались за работу, связанную с изготовлением этого удивительного средства передвижения. Каждый стремился сделать самый хороший, самый красивый и, конечно же, самый скоростной самокат. А это зависело прежде всего от подшипников. А их-то достать было нелегко. И тогда к делу мы привлекали наших отцов.

«Гонки» устраивались на шоссе, возле скульптуры «Рабочий и колхозница», созданной скульптором Мухиной. Не обходилось, как правило, без ушибов и содранных коленок. Но это нас не останавливало...

Запомнились мне и зимние увлечения.

Наш конькобежный инвентарь отличался тогда необычайной простотой. Коньки «снегурочки», несколько прочных веревок и две палки, с помощью которых намертво прикручивались коньки к валенкам. Какое удовольствие доставляли нам эти примитивные коньки!

Помню, как однажды отец подарил мне хорошие по тем временам детские лыжи, ставшие предметом зависти моих друзей: Толи Васильева и Феди Воропаева. Да и не только их.

Особенно нравилось нам катание с гор. Сперва это были невысокие горки, а затем мы уже освоили и «большую» гору, которая осталась до сих пор у входа в парк за музеем Шереметева.

Участниками наших детских игр были и девочки. Валя и Галя Афанасьевы, сестры Копыловы и многие другие. Девчонки во всем подражали нам и старались ни в чем не отставать.

Однажды кто-то предложил поехать покататься на лыжах с железнодорожной насыпи. Насыпь эта дав-

но привлекала нас; она была высокая и крутая. Но главное ее достоинство, конечно, — трамплин. Тогда, в детстве, да и сейчас я всегда хотел сделать что-то первым. Так было и на этот раз.

На лыжах способом «лесенка» я забрался наверх. Внизу стояли ребята и девочки. И тут я почувствовал, что стою на настоящей горе. Но струсить — никогда! Да и поздно уже: я наверху.

Плотнее нахлобучиваю на голову широкую отцовскую «кубанку» и срываюсь вниз по склону. Скорость нарастает стремительно. Стараюсь не терять равновесия. Но когда до конца спуска оставалось уже совсем немного, моя любимая отцовская «кубанка» с красной армейской звездой стала сползать на глаза. Рука потянулась исправить положение, я потерял равновесие, перевернулся через голову и дальнейший спуск уже продолжал по инерции и без лыж. Правда, все обошлось благополучно, если не считать, что вместо двух лыж у меня стало три. Хотя мне и было очень жаль новых лыж, но я чувствовал себя героем — не струсил! — и как-то быстро успокоился. Домой мы возвращались пешком: я вынужденно, а ребята и девочки в знак солидарности.

Здесь же, в Останкине, состоялось мое первое знакомство с музеем графа Шереметева. Мне было интересно, сунув ботинки в большие тапки, которые администрация музея заставляла надевать при входе, скользить по гладким полам обширных залов и комнат музея. Когда это надоедало, я ходил по многочисленным залам и присматривался к окружающей обстановке, находя в ней много увлекательного и непонятного. Особенно мне нравились картины в золотых рамах.

А время летело быстро. Чувствовалось окончание войны. Победы все ждали с нетерпением. Мы по-своему готовились к этому событию. Были изготовлены самодельные деревянные пистолеты, которые заряжались пистонами.

И вот этот самый праздничный день настал. 9 мая 1945 года, когда страна салютовала нашим доблестным воинам, труженикам тыла, возвещая о победе над фашистской Германией, мы залезли на крышу барака и устроили свой салют. Это был та-акой салют, что жильцы барака долго еще потом не могли по ночам

спокойно спать. Ох и влетело же нам от взрослых! Ведь барак был старый и деревянный, и одной искры было бы достаточно, чтобы вспыхнул пожар.

Вскоре после праздника Победы нам пришлось распрощаться с баракком в Останкине. Отцу дали небольшую комнату неподалеку от завода имени Войкова, и мы всей семьей переселились туда. В этом доме и сейчас живут мои родители.

Дотошный и требовательный читатель, прочитав эти первые мои страницы, наверное, скажет: «Ну и что? Зачем все это написано? Что тут особенного? Где же детские мечты о звездах, космосе, полетах? Автор книги космонавт, он готовился к этому с малых лет».

Честно признаюсь — нет, не готовился я стать космонавтом с малых лет. И о космосе даже не мечтал. И о Циолковском ничего не знал.

Среди моих друзей-космонавтов есть, конечно, и такие, которые рано определили свою судьбу. Нет, не космонавтов, конечно. В дни нашей юности космические полеты — это была фантастика, дело далекого, далекого будущего.

Одни рано начали мечтать об авиации, другие чуть ли не с первого класса видели себя авиационными инженерами, конструкторами. И готовились к этому всю свою жизнь.

И те и другие стали хорошими летчиками, талантливыми конструкторами. И немалую роль в этом сыграли их детские мечты.

У меня же жизнь сложилась иначе. Я долго не мог твердо определиться: кем же я буду?

И сейчас, вспоминая свое детство, я не очень уж жалею, что сравнительно поздно (только в 10-м классе) выбрал свой жизненный путь. Всего, чего я решил добиться в юношестве, я добился, уверен, что и другие, более поздние мои мечты сбудутся.

Однако я думаю, что и мое детство сыграло в этом не меньшую роль, чем более целеустремленное детство некоторых моих друзей.

Трудное детство закалило мой характер, занятия спортом и другие мальчишеские увлечения дали мне здоровье, силу, ловкость, смелость, хорошую долю

упрямства, настойчивости. С таким «запасом прочности» шагать по жизни можно было довольно уверенно.

Я извлек из этого свой урок. И теперь, став отцом, не ужасаюсь, как многие родители, что мой сын к 10—12 годам не подает надежды стать великим музыкантом, олимпийским чемпионом или Альбертом Эйнштейном.

Главное — чтобы он был здоровым, сильным, честным человеком, любознательным, смелым и настойчивым. А призвание свое он найдет и позже...

Наш шестиэтажный кирпичный дом с пятью подъездами вытянулся вдоль Ленинградского шоссе, прямо напротив завода имени Войкова, вечно дымящего своими трубами, отчего прилегающие к нему районы имели свой, присущий только им вид и запах.

Здесь я прожил до 1957 года и, без сомнения, скажу, что это были самые лучшие годы, о которых сейчас вспоминается немножечко с грустью. Школа-десятилетка, поступление в институт, первая юношеская любовь, а затем и женитьба — разве все это можно забыть?!

После переезда на новое место я поступил учиться в школу № 212, в 4-й класс «А». Школа находилась от дома примерно в двух километрах, рядом с известной в Москве школой, носящей имя легендарной партизанки Зои Космодемьянской. Ничего особенного не было в архитектурном ансамбле нашей школы. Четырехэтажная, из красного кирпича, она ничем не отличалась от многих других школ.

Территория, которую занимал школьный двор, была невелика, но зато очень зеленая. За школой располагался прекрасный фруктовый сад, детище нашего преподавателя по естествознанию И. А. Язева.

Первое знакомство с ребятами началось для меня несколько необычно. Привела меня мама. По дороге она пыталась втолковать мне, в который уже раз, как надо себя вести на уроках, разговаривать с преподавателями и т. д. Особенно она просила меня, зная мой общительный характер, не связываться с «плохими» мальчиками, хотя я был глубоко убежден, что она

не смогла бы мне объяснить, какие из них считаются «плохими».

Классный руководитель Ирина Васильевна представила меня классу. Ребята приняли меня настороженно и с некоторым любопытством, как и всех новеньких.

Меня посадили за первую парту, прямо перед столом учителя. Надо сказать, что когда я исподтишка стал разглядывать класс, то пришел к убеждению, что среди учеников оказалось немало ребят старше меня и, конечно, здоровее меня. Это меня опечалило: невысокого роста, худенький, я чувствовал себя не в своей тарелке и понимал, что надо мной уже сейчас, в первый перерыв, начнут подтрунивать.

Первый урок пролетел незаметно, и мне кажется, что я ничего и не слышал, что говорила Ирина Васильевна. Звонок на перерыв вывел меня из этого состояния. Толпа повалила в коридор, я же вышел из класса последним.

В коридоре дежурный начал раздавать завтраки — бублики с фруктовой конфеткой. Когда очередь дошла до меня, то обнаружилось, что мою порцию уже кто-то взял и я остался ни с чем.

Начинаю искать глазами ловкача. Вижу посреди коридора в окружении ребят плотного черноволосого мальчишку, с наглыми, как мне показалось, глазами.

— Отдай завтрак, — твердо сказал я и сделал шаг ему навстречу.

Ответа не последовало, но зато я четко увидел почти под самым моим носом недвусмысленный «кукиш». Этого было вполне достаточно, чтобы между нами завязалась потасовка. Не знаю, чем бы она кончилась, но звонок, возвещающий об окончании перемены, заставил нас подняться с пола. Вид у обоих был далеко не блестящий.

В класс мы вошли, с трудом сдерживая порывистое дыхание и сильное сердцебиение. Дверь открылась, и вошла учительница.

— Волков и Алыков, выйдите из класса, приведите себя в порядок, а затем придете на урок.

Мы вышли в коридор.

— А ты молодец, — сказал мне Алыков, когда мы очутились с глазу на глаз. — Меня зовут Равиль; а тебя как?

— Владик, — ответил я и протянул руку.

Через несколько минут мы входили в класс как товарищи и уже в более опрятном виде. Правда, белых воротничков на нас не было, да и коридорную пыль не так-то легко было стряхнуть со штанов.

Во втором перерыве ребята обступили меня, и я почувствовал, что завоевал уже маленький авторитет: Алыков считался парнем отчаянным и сильным.

Так началась моя жизнь в новой школе.

Как-то раз мы играли во дворе дома. Не помню уже, из-за чего началась очередная драка. Одному из мальчишек здорово тогда попало. На плач выскочила из дому его мать и, узнав, что ее сына обидели, решила нас поймать и отвести к родителям.

Ее выбор почему-то выпал на меня, и мне пришлось пустить в ход ноги, чтобы не попасть в руки не на шутку обозленной мамыши. Я бросился бежать, шмыгнул в свой подъезд, пулей влетел на третий этаж и позвонил в квартиру. Почему-то никто не отвечал. Я еще несколько раз нажал кнопку звонка и в этот момент вздрогнул от прикосновения чьей-то руки. Сердце болезненно сжалось. «Все пропало», — подумал я и оглянулся. На меня смотрела незнакомая женщина очень строгим и пронзительным взглядом.

— Ты живешь в этой квартире? — спросила она.

— Да, — промямлил я.

— Ты учишься в школе? — опять спросила она.

— Да. В четвертом классе.

— Вот и хорошо. У меня такой же сын, как и ты, пойдем к нам, я хочу тебя с ним познакомить.

Так состоялось мое знакомство с Игорем Захаровым, которое затем перешло в крепкую дружбу. Игорь поступил учиться к нам в школу в тот же 4-й «А», что и я. Он стал моим постоянным партнером во всех делах. Там, где был я, там был и Игорь, и наоборот. В классе у нас образовалась очень дружная компания ребят: Миша Тюплев, Толя Балакин, Саша Кузьмин, Юра Дьяконов, Миша Косоруков.

Как только выпадал первый снег и появлялась возможность из маленького снежка сделать большой ком, во дворе дома появлялись снежные крепости, которые для прочности мы обливали водой. Нашими гранатами были туго сжатые снежки, а «противниками» — ребята из соседнего «морфлотовского» дома.

«Война» начиналась уже у школьных ворот, сперва маленькими стычками, а затем перерастала уже в крупные «сражения» с использованием всех людских и подручных средств во дворе дома. Я и Игорь были непременными участниками этих боев. Иногда попадало нам, иногда нашим «противникам», короче — бои шли с переменным успехом. Частенько после них многие из нас приходили домой с шишкой на лбу или синяком под глазом.

Эти, казалось бы, безобидные детские развлечения учили нас мужеству, смелости и чувству товарищеской взаимовыручки. Порой бывало и очень больно, но мы терпели.

Летом игры переносились в лес, где в ход пускались луки, стрелы и сосновые шишки. А когда наступал купальный сезон, естественно, наша любовь переходила к воде. С какой гордостью мы демонстрировали свое «плавательное» мастерство перед теми ребятами, которые не умели плавать или плавали очень плохо! А разве не выглядело по-мужски — раскатыться на ветке ближайшего дерева и прыгнуть «солдатиком» в воду, а еще лучше головой вниз.

Особенно нам доставляло большое удовольствие, преодолев чувство страха, прыгнуть с трех-, пяти-, а иногда даже и с десятиметровой вышки на стадионе «Водное Динамо». Правда, здесь, для того чтобы заставить себя прыгнуть с такой высоты, мы сперва повисали, держась руками за край барьера, и висели так до тех пор, пока позволяла сила в руках, а дальше все выполнялось уже по закону всемирного тяготения: следовало незамедлительное падение и удар о воду, иногда и не тем местом, которым хотелось бы.

Вечерами, когда только начинало темнеть и каждый предмет становился непонятным и страшноватым, мы устраивали набеги на фруктовые сады, расположенные тут же, недалеко от дома.

Нам не столько нужны были яблоки, сливы и груши, сколько возможность представить себя разведчиками, совершить «подвиг», преодолев заборы, канавы и проволоки, обманув собак и спящих хозяев. Такие набеги кончались не всегда удачно, и затем следовало достаточно серьезное внушение родителей.

В школе мои интересы делились примерно поровну между шахматной секцией и кружком по рисованию.

В шахматы меня научил играть отец. В школьных турнирах я делал успехи и даже получил третий разряд. С гордостью носил на курточке зеленый разрядный значок — первую свою спортивную награду.

В кружке рисования тоже занимался с охотой. Рисовал карандашом. Пробовал писать маслом. Кое-что получалось, и некоторые мои работы выставлялись на школьных выставках и даже в районном Доме пионеров.

В ту пору я много читал. Моим любимым писателем, как, впрочем, и моих сверстников, был Аркадий Гайдар. Его книги «Школа», «Дым в лесу», «Чук и Гек» и, конечно, «Тимур и его команда» зачитывались нами до дыр. Наверное, тогда и возникла у меня идея создать свой отряд у нас во дворе.

Собрал однажды я самых закадычных друзей и выложил свою идею. Она всем понравилась. Вопрос о Тимуре был решен без споров — избрали меня. Тут-то я понял, как это все не просто — быть руководителем. Нужно было найти место под штаб. А где? Из воздуха можно только замки строить. А программа отряда? Устав? Хотелось, конечно, быть самостоятельными, но я понял, что без помощи взрослых нам ничего не сделать.

Для начала пошел к домоуправу. Проявив на удивление большую заинтересованность, домоуправ выделил нам полуразрушенный сарай, строго предупредив, что будет внимательно наблюдать за нами. В первую группу тимуровцев объединились около десяти человек, все мальчишки. Начали с реконструкции сарая. В ход были пущены все старые, ненужные вещи из дома. Походы на свалки в поисках самых различных, но пригодных предметов тоже кое-что дали. Отыскивали стол и несколько старых стульев, провели примитивную сигнализацию.

На первом нашем заседании решался вопрос о членстве в отряде. Мнения разделились. Одни были за привлечение девчонок, другие доказывали, что это не дело. И все же большинством голосов решено было принять девчат. И мы об этом не пожалели. Девчонки навели у нас в «резиденции» отменный порядок, что сразу же облагородило наш «спартанский» сарай.

В программе отряда было перечислено несколько пунктов. Я их сейчас, конечно, уже все забыл, но та-

кой пункт, как помощь старикам и старушкам, инвалидам и маленьким ребятам, — это было точно. На стене сарая висел плакат, на котором было написано: «Один за всех, и все за одного». Это был наш девиз.

Тимуровцы начали действовать. Но так как наша организация была секретной, то мы взяли клятву со всех членов отряда не разглашать наших тайн, все делать скрытно. Вечерами подводили итог дня, где ребята и девочки сообщали о том, что сделано.

Но как бы мы ни скрывали свои тайны, скоро все стало всем известно. Нам завидовали другие ребята. Однажды, возвратившись из школы, мы увидели, что на штаб было совершено нашествие «противника». Помещение разрушено. Восстанавливать его не было большого желания — тайна перестала быть тайной. А без нее было неинтересно.

Шли годы. Мы становились взрослее. Менялись наши представления о жизни, одни игры заменялись другими, но уже более осмысленными. К занятиям в школе стали относиться значительно серьезнее.

С пятого класса нашим классным руководителем была назначена Анастасия Григорьевна Волощенко, преподаватель истории. Предмет свой она знала великолепно, к тому же была всегда строга к нам и сумела передать нам свою любовь к «магистравите».

Анастасия Григорьевна была для нас не только классным руководителем и преподавателем, она была для нас всех матерью, умеющей чувствовать наши сильные и слабые стороны и вовремя приходить на помощь, если человек оступился или нетвердо стоял на ногах.

В нашем классе, я уже об этом писал, были ребята различного возраста — от самого младшего Эдика Казимировского, над которым постоянно смеялись и подтрунивали, до Вени Исакова, самого старшего из нас, парня высокого и крепкого. Все остальные находились по возрастному цензу где-то между ними.

Однажды в классе появился очередной новичок, в морской форме, с небрежно заломленной набок бескозыркой. Это был Федя Ребров, сын полка, участник Отечественной войны. На груди у него поблескивали

медали. Война не дала Феде возможности учиться, так же, впрочем, как и многим нашим сверстникам. Слишком рано она столкнула его с тяжелыми лишениями фронтовой жизни. Большой шрам на голове говорил о том, что ему пришлось испытать. Федя был веселым и неунывающим парнем, остроумным рассказчиком. Очень скоро он стал любимцем класса. Особенно с ним сдружились Игорь Захаров и, естественно, вместе с ним и я.

Но вот дела в школе шли у Феде неважно, и это огорчало не только нас, его друзей, но особенно Анастасию Григорьевну, которая пыталась сделать все, чтобы как-то помочь парню. Большое участие в судьбе Феде сыграла и мама Игоря, Екатерина Ефимовна, которая приглашала Федю к себе домой, и мы все трое сообща делали уроки и готовились к очередным занятиям.

Как-то Федя заболел, и его положили в госпиталь, который находился недалеко от нашего дома в густом лесу. Анастасия Григорьевна по нашей просьбе установила дежурство, и мы почти что каждый день бывали у Феде, рассказывали ему о наших новостях и жизни в школе. Но все же, видно, война и особенно ранения не прошли для Федора бесследно. Учиться, несмотря на нашу помощь, ему было трудно.

Были у нас и другие ребята, которые не имели родителей или жили только с матерями. Последние были заняты на работе и не могли уследить за поведением и учебой своих детей. Анастасия Григорьевна старалась помочь им всем, чем могла.

Мне хорошо запомнились вечера отдыха, которые устраивались у нас в классе. Ребята пели, играли, читали свои любимые стихи. Зная о том, что я немножечко пою, Анастасия Григорьевна, как правило, просила меня спеть любимую ее песню «Одинокая гармонь».

Мы любили и уважали Анастасию Григорьевну, и у нас никогда не было с ней конфликтов.

Впрочем, нет, все-таки был, кажется, один случай, когда мы категорически отказались выполнять ее указание. Дело в том, что однажды нам было приказано состричь шевелюры. Несмотря на наши протесты, было сказано: если на следующий день к началу занятий мы не пострижемся, то к урокам нас не допустят.

На тайном собрании после занятий мы решили не

подчиниться и явиться на следующий день как ни в чем не бывало, с прическами. Но напрасно мы тешили себя надеждами. К урокам нас не допустили. Правда, не всех, кое-кто все-таки постригся, и мы вынуждены были сдаться.

Очень интересно проходили у нас занятия по литературе, которую вела Мария Ивановна. Она же преподавала у нас и русский язык. В нее почти все мальчишки были тайно влюблены. Это было связано не только с тем, что Мария Ивановна была до безумия предана своему предмету и хотела привить и нам эту преданность, но и тем, что она была очень красивой.

Но особой любовью пользовались у нас преподаватели математики и физики Федор Дмитриевич Репухов и Самуил Ефимович Каменецкий. Репухов, высокий, худощавый мужчина средних лет, был очень требовательный преподаватель. Отметки по его предметам имели преимущественно две величины: двойки или пятерки и только очень редко четверки. У нас в классе были свои «лобачевские», которых Репухов всегда ставил в пример и просил помочь «утопающим» у доски. Особенно силен был в математике Саша Лекутович.

У меня по математике дела шли очень неплохо, в чем немалая заслуга Саши, с которым мы вместе решали громадное количество различных математических задач, несколько даже вперед от школьной программы. Но была у Репухова одна такая «дежурная» шутка, которую он, если у него было хорошее настроение, позволял себе проделать со мной. Он вызывал меня к доске, рисовал несколько геометрических фигур и просил назвать их. Все продвигалось вполне благополучно до тех пор, пока дело не доходило до параллелограмма. Мне никак не удавалось выговорить это слово, что вызывало неописуемый восторг класса. Репухов смеялся вместе со всеми. «Пока не научишься правильно произносить название этой фигуры, не будет тебе «пять» по геометрии». И я научился.

Не знаю даже отчего, но мы любили математику и, без преувеличения скажу, хорошо знали ее почти все.

Преподаватель физики Самуил Ефимович Каменецкий — полная противоположность Репухову. Невысокого роста, предрасположенный к полноте, с темными

гладкими волосами, опрятно лежавшими на крупной голове, необычайно подвижной и энергичный, он появился в школе позже Репухова. Раньше он служил в авиации штурманом. Каменецкий сумел завлечь ребят в кружок физики и добился оборудования хорошего лабораторного класса.

Самуил Ефимович отличался большой эрудицией, веселым нравом и был отличным собеседником. Поэтому часто после окончания занятий многих из нас можно было видеть в его кабинете, где разгорались жаркие дискуссии на различные темы.

Единственным, наверное, предметом, который я так и не смог полюбить, была химия, несмотря на то, что преподавал ее нам Павел Михайлович Эрастов, участник Великой Отечественной войны, необычайной души человек, хорошо знающий свое дело. Ныне Павел Михайлович — директор школы.

Можно было бы и дальше рассказывать о тех, кто в школе вел меня по извилистым лабиринтам знания. Но пусть те, которых я не упомянул в книге, не обидятся на меня. Все преподаватели без исключения очень много сделали для того, чтобы передать нам свой богатый жизненный опыт и свои знания, искренне надеясь, что из нас получатся настоящие грамотные специалисты и преданные Родине люди.

Слово «учитель» для меня всегда останется святыней. Теперь я понимаю — это учителя, и прежде всего учителя физики и математики, привили мне любовь к точным наукам, что впоследствии помогло мне сделать выбор — пойти в авиационный институт и стать инженером-конструктором, о чем я не жалею.

14 лет. Еще не юноша, но уже и не мальчик. Сейчас это называют — подростковый возраст. А мне хочется назвать старинным словом «отрочество». В нас вдруг проснулась необоримая сила. Хотелось поскорее стать взрослым. Значимым. Быть на одной ноге со старшими. Хотелось самостоятельности. В мыслях, поступках. Если не быть, то хотя бы выглядеть старше.

По-разному понимали мы это пробуждение, по-разному и проявлялось оно у нас. Одни стали курить,

конечно тщательно скрывая это от учителей и родителей. Другие одевались на манер взрослых. Третьи без конца заботились о своих прическах. Перестали дергать девчонок за косички. На школьных вечерах, если встречались две школы — мужская и женская, играли в почту, писали девочкам записки; краснея и потея от собственной смелости, выводили сакраментальную фразу: «Давайте дружить».

Мир был полон ожиданий и открытий, и в этот мир вели тысячи дверей. Но почти на каждой нам читалось: «Детям до 16 лет вход воспрещен!»

Нужна была твердая почва под ногами, та самая, стоя на которой мы сразу бы стали на голову выше. Этой почвой и мечтой нашей стал комсомол.

Внутренне мы уже были готовы к вступлению в союз. И это совершенно искренне. Сейчас, спустя 22 года, могу сказать то же, что тогда думал. Решение быть комсомольцем, носить комсомольский билет, такой же, какой берегли Павка Корчагин и наша землячка Зоя Космодемьянская, родилось закономерно и осмысленно. Чувство неудовлетворенности собой, ощущение неопределенности мешали видеть мир в движении, в борьбе. Аркадий Гайдар в 16 лет командовал полком, а тут абсолютная непотребность в тебе со стороны общества!

Не хотел говорить красиво, но мы действительно чувствовали себя вполне готовыми к отплытию в неизведанное. Не было только ветра. Нам необходим был этот ветер. Ветер века. Нет, это не было тщеславием. Мы тогда еще не могли знать, что оно означает.

Короче говоря, вместе с Сашей Лекутовичем мы подали в школьный комитет заявления о приеме в комсомол.

Основания для этого шага, на наш взгляд, были довольно веские. Во-первых, с учебой у нас было все в порядке. С общественной работой тоже в норме — оба участвовали почти во всех больших и малых мероприятиях школы. И в-третьих, мы досконально изучили Устав комсомола. Единственное было «но» — возраст. По четырнадцать, откровенно говоря, нам тогда еще не исполнилось.

Однако заявления поданы. Началась напряженная подготовка к заседанию комсомольского комитета

школы. Простудировали подшивки различных газет двух- и трехгодичной давности. Выучили наизусть имена и фамилии секретарей коммунистических партий всех стран. Побывали не на одной лекции о международном положении. Мы были уверены, что все будет в порядке. И как часто бывает в таких случаях, нас ждало жестокое разочарование. Напрасно мы доказывали и комсомольским работникам, и преподавателям в школе: «Мы знаем все, что требуется для вступления в комсомол, примите нас». Ответ был краток: «Вы еще молоды. Вот на следующий год, пожалуйста. А за это время постарайтесь еще лучше учиться, еще лучше вести себя и покажете все, на что вы способны».

Пришлось на целый год оставить свои думы и желания о вступлении в ряды комсомола. Я был очень, очень огорчен.

И все же этот день настал.

В марте 1950 года в помещении Тимирязевского райкома комсомола мне был вручен членский билет — свидетельство о том, что я стал членом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Что со мной творилось! Пулей вылетел из подъезда райкома и на ходу вскочил в трамвай. Путь от остановки до дома я тоже проделал бегом. И вот, с трудом переводя дыхание, звоню в квартиру. Дверь открыла мама: что с тобой? Кто за тобой гнался?

Я поглядел в зеркало и увидел свое лицо, по которому градом катился пот. Волосы взъерошены. Только тут заметил, что ремня, которым я подпоясывал гимнастерку и который являлся предметом моей гордости и зависти всех мальчишек, на мне нет. Видимо, он у меня расстегнулся где-то по дороге. Но даже это в другой раз далеко не безразличное событие не могло испортить мне настроение. Обнимаю маму и кружусь с ней по комнате: «Понимаешь? Приняли! В комсомол!»

А мама вдруг разволновалась, хотя и ждала и все дома знали, что сегодня меня принимают. Она поправила мои волосы и негромко ласково сказала:

— Поздравляю, сынок. — А потом строго scomандовала: — Марш в комнату, приведи себя в порядок и приходи к столу. Да побыстрее, а то мы уже заждались.

Я тоже знал, что домашние готовят мне встречу. Но когда зашел в комнату, растерялся. По-праздничному белой скатертью накрыт стол. За столом в белых-белых рубашках сидят папа и Борис, мой младший брат. А когда я неловко устроился на стуле, пришли все соседи по нашей квартире, тоже нарядные и торжественные.

Встал отец. Подошел ко мне, обнял.

— Для тебя, Владислав, сейчас нет выше чести, чем носить это высокое имя — комсомолец. Запомни, что за право носить книжечку, которую тебе вручил сегодня райком, мои сверстники расплачивались не водичей, собственной кровью. Если бы ты об этом всегда помнил... Я верю тебе, сын. И надеюсь, что ты понял: сегодня тебе вручили не просто книжечку, а доверие миллионов молодых людей, доверие твоей страны. И с тебя спросится, и не раз, как ты им дорожишь, какими делами отвечаешь на доверие. Помни об этом всегда.

Отец крепко-крепко пожал мне руку, как мужчина мужчине. А мама почему-то вдруг стала грустной.

Потом поздравили меня все, кто пришел к нам.

Я чувствовал себя именинником. Мысленно дал себе клятву: «Быть еще лучше, чем это было до сегодняшнего дня, ведь я уже взрослый человек, комсомолец».

Наше вступление в комсомол не было простой формальностью. Мы стремились к действию. Свое первое комсомольское поручение помню и сейчас. Меня назначили вожатым в отряд пятиклассников. Я решал с отстающими ребятами задачки по арифметике, писал с ними диктовки, учил наизусть стихи о зиме и крестьянине, который, «торжествуя, на дровнях обновляет путь», катал их на санках, «себя в коня преобразив». Мы ходили вместе в кино, на каток, а потом мечтали о дальних странах и, конечно, о небе и далеких звездах, свет от которых так долго идет до Земли.

А еще я вел кружок шахмат, но это уже со сверстниками. И удивительно, на все хватало времени, и было страшно интересно. Уже значительно позже, когда я стал вполне самостоятельным человеком и возраст моего сына приблизился к тому же «критическому», я вновь и вновь размышлял о том давнем времени, которое, несмотря на перегрузку общественными дела-

ми, было благосклонно ко мне. Больше того, именно первые комсомольские годы приучили меня подчинять свои желания и волю какой-то (пусть небольшой), но вполне определенной идее.

Юность прекрасна сама по себе. И все-таки без комсомола она не была бы МОЕЙ. Она могла быть трогательной, печальной, светлой — тысячи прилагательных можно придумать, — но не стала бы той единственной ступенькой, с которой ступил я в большую жизнь, стал самим собой.

Не о себе только говорю. О своих сверстниках. О тех, кто пришел до меня, и о тех, кто сейчас с комсомольским значком ходит в свой подшефный пятый класс, спорит на комсомольских собраниях, мечтает о неизведанных тайнах Земли и околоземного пространства.

Приближались экзамены в седьмом классе. Хочу подчеркнуть такую деталь: в те годы свидетельство об окончании семилетки давало право поступления в техникум или военное училище. То есть уже в 15 лет мы могли совершенно определенно избрать свой дальнейший жизненный путь, определиться.

Очень многих ребят привлекала военная служба, романтика походной жизни, боевых учений, жажда подвига. В числе таких романтиков был и я.

Вместе с двоюродным братом Славой Четвериковым, никому из родных не сказав ни слова, решили подать заявление в артиллерийское училище. Но очень скоро я передумал и стал собираться в авиационное, а затем «твердо» решил: иду в морское училище.

Мне казалось, что без меня морской флот уж, конечно, никак не обойдется.

Незабываемое доброе время мужания, когда не существует никаких «но». Правда, романтического увлечения здесь было больше, чем твердого убеждения. Отец, будто угадывая мое состояние, сам заговорил со мной о моем будущем.

— Если нет еще у тебя твердого выбора, надо кончать десятилетку, а не шарахаться из стороны в сторону. Все это пока несерьезно, по-ребячески.

Успешно сдав экзамены, я перешел в восьмой класс. И тогда уже сам решил: буду кончать десятилетку.

Наш 8-й «А» отличал от других какой-то особый,

на мой взгляд, подбор ребят. Во-первых, по успеваемости и, во-вторых, по той дружеской атмосфере, в которой мы жили. Если уж решался какой-то вопрос, то обязательно это было коллективное мнение. Надумали как-то заниматься спортом, так почти что всем классом вступили в спортивное общество «Пищевик», где тренировались в самых различных секциях: кто занимался боксом, кто легкой атлетикой, а кто гимнастикой.

Я начал с бокса, а затем увлекся легкой атлетикой. Моими любимыми дистанциями стали 400 и 800 метров. В зимних соревнованиях на первенство Москвы я даже выполнил норму третьего разряда на дистанции 800 метров. Мои же товарищи Юрий Дьяконов и Михаил Тюпляев в своих видах спорта показывали результаты на уровне второго и первого разрядов.

Затем началось повальное увлечение волейболом и футболом. Вечерами нас можно было найти только на стадионе, рядом с нашей школой. С этим обществом у меня связано особенно много приятных воспоминаний. Здесь впервые я попробовал свои силы в футболе и хоккее и эту привязанность сохранил до сих пор. Особенно мне пришелся по душе хоккей с шайбой. Это действительно спорт сильных и мужественных людей.

В течение многих лет я выступал за различные команды, неоднократно участвовал в крупных соревнованиях, а в 1957 году мне был присвоен первый спортивный разряд.

Но мы увлекались, понятно, не только спортом, который являлся для нас хорошим подспорьем для занятий в школе. Многие из нас занимались в самых различных кружках. Это были кружки по физике, математике, химии. Некоторые из моих товарищей были участниками математических и физических олимпиад школьников. Из всех дисциплин я особенно любил физику и математику и поэтому, конечно, занимался в соответствующих кружках.

Не помню, как уж получилось, но на одном из комсомольских собраний в классе было принято решение о выпуске совместно с соответствующим классом женской школы имени Зои Космодемьянской литературного журнала. Меня включили в состав редколлегии.

И вообще надо сказать, как-то само собой получалось — этакое приятное наваждение, что ли, — где бы я ни учился и ни работал, меня обязательно рекомендовали в члены редколлегий. Видимо, за то, что я немного увлекался рисованием.

Через журнал мы здорово сдружились с девчатами из школы № 201. Вместе ходили в театры, кино и различные выставки. Стали завсегдатаями всех вечеров, которые проводились у наших соседок, и, конечно, девчата приходили к нам в школу, когда вечера проводились у нас.

Правда, тут была одна загвоздка. Не все из нас умели танцевать. И поэтому, когда в школе № 201 решено было открыть двухгодичный кружок балльных танцев, мы, не задумываясь, стали заниматься в нем.

Особенно запомнился первый весенний бал, который проводился в прекрасном актовом зале женской школы. Бал был великолепно и торжественно обставлен. Пришли многие родители. Это, безусловно, вводило нас в смущение, но и придавало какую-то неповторимую особенность.

Открылся бал полонезом. Потом объявили мазурку.

В быстром темпе, с какой-то приподнятостью мы выполняли сложные па этих прекрасных танцев. Приходится только сожалеть, что в настоящее время балльные танцы отошли как-то на задний план.

Были ли мы другими, чем сегодняшние подростки? Нет. Как говорится, из того же теста сделаны. Мы не были пай-мальчиками и иногда задавали немало хлопот своим преподавателям.

И все-таки немного о сегодняшнем дне. Как-то раз я был гостем в одной московской школе, и там мне рассказали такой случай. Десятиклассник, назовем его Володей (я не хочу предавать гласности его подлинное имя, потому что еще верю, что он сумеет разобраться сам в своих поступках, в своем сердце), так вот, Володя в сочинении на вольную тему написал, что его любимый герой Юрий Гагарин, что он покорен его беспримерным подвигом, его человечностью, его мужеством и что, если потребует Родина, он сможет в себе собрать столько же мужества, воли и решимости, как и Юрий Гагарин.

Сочинения зачитывали в классе. Прочитали и Во-

лодино. Сочинение как сочинение, все грамотно, все на месте. И вдруг встает один парень и говорит:

— Это ложь! Я не верю тебе. Не хватит тебя на подвиг! Никогда! Даже сегодня у тебя не хватает воли сделать самое элементарное: исправить двойку по физике. Ты пишешь о высоких материях, а сам оскорбляешь мать. У тебя не хватило мужества признаться, что обманул учителя. Так при чем же тут Юрий Гагарин?!

Он прав, этот парнишка. Свою биографию надо строить честными руками. Вера должна быть чистой. Без этого невозможно становление человека как личности.

Я не хочу делать обобщения, не хочу утверждать, что этот случай типичен для сегодняшней молодежи, но знаю, что он и не единичен. В наши дни такое было невозможным. Теперь кое для кого бросаться громкими словами стало делом пустяковым. Могут только сожалеть об этом...

Однажды у нас в школе появился военный летчик в звании капитана. Он рассказал нам о том, как нуждается наша авиационная техника в людях, и посоветовал поступить в аэроклуб. Я долго не раздумывал. С группой одноклассников — Анатолием Балакиным, Юрием Сусловым, Анатолием Семеновым — подал заявление в Московский аэроклуб, окончательно решив стать военным летчиком.

У каждого начинающего жить есть готовый пример уже пройденной жизни, свой кумир, с которого человек лепит свою жизнь, самого себя. Одни это делают «с товарища Дзержинского», другие с таких легендарных героев, как Чапаев, Гайдар, Антуан де Сент-Экзюпери, Валерий Чкалов. Для меня таким кумиром, примером подражания был мой дядя Петя — Петр Михайлович Котов.

Началось это еще в войну, в сибирские зимние вечера, когда мы, собравшись вечером всей семьей, по несколько раз перечитывали его письма с фронта. Я слушал незнакомые слова: «фронт», «контратака», «мессершмитт», «турель», которые проскальзывали между знакомых названий, и начинал понемногу осмысливать войну, учился понимать ее.

В моем воображении проносились красноезвездные истребители, они догоняли немецкие «мессершмитты» и расстреливали их. На одном из них, на самом первом, сидел в шлеме, конечно, мой дядя Петя.

Дома я не раз просматривал довоенные фотографии семейного альбома, на которых был изображен дядя со своими товарищами по аэроклубу. Молодой, высокого роста, ладно скроенный, в форме курсанта, он глядел на меня из-под густых светлых бровей веселыми глазами, как бы подзадоривая меня: «Ну, а ты сможешь быть таким?» «Таким» — имелось в виду таким же высоким, смелым и счастливым.

Иногда дядя со службы приезжал домой. У меня эти его приезды, а их было очень мало, остались в памяти навсегда. В форме военного летчика, с погонами капитана на плечах, перепоясанный портупеей, на которой висела кобура с пистолетом, он входил в комнату своей матери — моей бабушки, принося с собой какой-то совершенно необычный запах поля, неба и свежести.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что дядя Петя вовсе никакой не истребитель, а летает на обыкновенных транспортных машинах. Вначале это меня озадачило, так как не вязалось никак с моими детскими представлениями. И все-таки дядя остался моим кумиром. И может быть, именно поэтому в 1952 году без особых раздумий я поступил учиться в Московский аэроклуб при МАИ.

Теоретические занятия в аэроклубе проходили по вечерам в помещении МАИ или Центрального аэроклуба имени Чкалова, где мы изучали материальную часть. Руководил занятиями очень интересный человек, бывший военный летчик А. Д. Винокуров.

Нелегко началась моя дорога в небо. Трудно было совмещать занятия в школе, в аэроклубе и в спортсекциях. И все-таки я уже видел себя одетым в летную форму, которая, как мне по-мальчишески казалось, очень должна бы пойти мне, и уж тогда держись! Вот я выполняю петлю Нестерова, штопорю, делаю крутые виражи...

Но это были пока только мечты юноши.

Однажды дядя снова заехал к нам...

— Ну так, значит, решил стать летчиком, Владислав? — обратился он ко мне.

— Да, — твердым голосом ответил я. — Хочу быть таким же, как и вы. Летать хочу...

Дальше я не сказал, что хочу «летать так же и быть таким же знаменитым, как Громов, Чкалов, Кожедуб».

Дядя помолчал и сказал:

— Вот что, Владислав, послушай меня внимательно. — Дядя Петя устроился удобнее, закурил. — Ты уже взрослый человек и должен все понимать. Вот сейчас смотришь на меня и видишь таким, какой есть, — живым, здоровым, в красивой военной форме и, как говорят, вся грудь в орденах. Но это не все. Летать — дело в общем-то нехитрое. А не просто летать, быть крупным специалистом своего дела — это посложнее. Для этого надо иметь не только крепкое здоровье, отличные нервы, но еще и светлую голову. И большие знания. А где можно получить эти знания? Я думаю, ты и сам это понимаешь.

Современный самолет, вся авиационная техника требуют от летчика необычайно многого. Он обязан в совершенстве знать основы авиационной техники, аэродинамики, баллистику, системы управления, радиоавиационное оборудование, физику, математику. И это, дорогой мой, далеко не все. В общем, надо учиться дальше, а авиация, если ты ее любишь, от тебя не уйдет.

Трудно мне было что-то доказывать или спорить. Ведь я верил дяде, его большому опыту, приобретенному в годы Отечественной войны, а затем и в мирное время, когда он служил в военной авиации.

Но я не мог себе представить, как это так, вдруг, рушится моя мечта. Ведь скоро в аэроклубе зачетные экзамены. И я уже видел себя летчиком.

Не сразу, не тут же за беседой, я повернул свои рули. Единственное, на что у меня хватило мужества и самолюбия, — я обещал дяде подумать.

Отец за все время разговора не сказал ни одного слова. Я знал его хорошо, он предоставил мне право самому решить этот сложный вопрос и был уверен, он потом мне признался в этом, что я решу его правильно...

Наконец выбор был сделан: буду поступать в Московский авиационный институт.

А на дворе весна... Опасное, очень опасное время. Не обошло оно и меня.

Случилось все это так.

Как-то однажды несколько старших классов нашей мужской школы были приглашены на музыкально-литературный вечер в школу № 223. Откровенно говоря, желания особого у меня идти туда почему-то не было, но Миша Тюплев и Игорь Захаров уговорили.

К началу вечера, на котором пел Иван Семенович Козловский, мы опоздали. Кое-как устроились в проходе, возле входной двери в актовый зал. После концерта объявили танцы. Желающих танцевать было предостаточно, и я не успел оглянуться, как увидел только широкие спины своих товарищей, целеустремленно направлявшихся в заранее намеченном направлении.

Я решил первый танец пропустить, тем более исполнялся вальс, а при таком количестве народа вальсировать мало удовольствия. Около меня закружилась одна пара. На парня я внимания не обратил. Я увидел ЕЕ: выше среднего роста, худенькая, с белыми бантиками на коротких косичках. Напрасно позже я пытался найти ее в толпе танцующих, она провалилась как сквозь землю. В перерыве я решил все-таки разыскать ее и двинулся в обход зала.

Говорят, что человек даже спиной может «видеть», а спящие открывают глаза, когда на них пристально смотрят. Так и со мной случилось. В книжках иногда пишут про такие минуты: «Будто ток прошел по телу». Никакой ток по мне не шел. Просто меня словно ударили чем-то невесомым, и всполошилось все во мне в один миг. Я оглянулся и... столкнулся с голубыми глазами, смотревшими на меня. Это была ОНА.

Объявили новый танец. Делаю решительный шаг в ее направлении:

— Разрешите пригласить?

Мне показалось, что стою я очень долго. Сейчас она скажет: «Извините, я устала». Но она улыбается и одними глазами говорит мне: «Пожалуйста». И вот мы уже движемся по залу, лавируя между танцующими. Танец окончен, и я провожаю партнершу до места. Ничего-то о ней так и не узнал. Не хватило смелости. Но после вечера мне удалось проводить ее до дома. Мы оказались соседями. Ее звали Люся.

В мае выпускные экзамены были успешно сданы. На выпускном вечере, который проводился в помещении спортзала, директор школы П. М. Эрастов в торжественной обстановке вручал нам аттестаты зрелости.

Очередь дошла до меня. Выхожу на сцену. Павел Михайлович вручает мне выполненный на тисненой бумаге с гербовыми знаками один из самых дорогих документов, на котором крупными буквами написано: «Аттестат зрелости об окончании средней школы». Одновременно в память об этом событии мне дарят книгу А. Макаренко «Педагогическая поэма» с памятной надписью «За отличное поведение и хорошую успеваемость». Обращаясь затем к залу, директор сказал:

— Владислав Волков не только школу оканчивает. Он занимается еще и в аэроклубе. Давайте пожелаем ему летать выше всех, дальше всех и быстрее всех! И я думаю, он не уронит чести школы № 212 и выполнит наш наказ.

Директор еще не знал, что я принял решение идти в МАИ. И все-таки его слова оказались в какой-то степени пророческими. Я не стал военным летчиком, но перед своей школой и ее преподавателями отчитывался через 15 лет как летчик-космонавт.

Есть у меня свое священное число — 31316077. Это номер моего комсомольского билета. Я не старался запоминать его специально. Но, получив заветную книжечку, я уже не мог забыть эти восемь цифр, которые определили час моего вступления в комсомол.

О комсомоле написаны прекрасные стихи и научные исследования. Лично же я обязан комсомолу всей своей судьбой. И путевку в космос мне дал комсомол.

Часто во время встреч комсомольские активисты обращаются примерно с таким вопросом: «Комсомол пятидесятых и комсомол семидесятых годов: есть ли разница? Какая? Что приобрел комсомол семидесятых годов за эти 20 лет? А может быть, что-то утратил? Что именно?»

Короче говоря, «стали мы хуже или лучше».

Мне кажется, такая категорическая постановка вопроса «или — или» неверна. Здесь вступает в силу главный фактор — фактор времени. Простой пример.

В те годы (имеются в виду конец пятидесятых — начало шестидесятых) во весь фронт производства разворачивались отряды «легкой кавалерии», пришедшие к нам из первых пятилеток. Сейчас комсомол глубже вникает в самую суть производства, и кавалерийского наскока уже недостаточно. Но значит ли это, что «легкая кавалерия» была пустой забавой? Абсолютно нет. В свое время отряды «легкой кавалерии» оказали большую помощь хозяйственникам, руководителям промышленных предприятий, колхозов и совхозов в выявлении внутренних резервов, в устранении многих недостатков, тормозящих производство.

Опять же, если отталкиваться от фактора времени, надо признать, что изменились и сам комсомол, и формы, и методы его работы. Во-первых, количественно. 28 миллионов человек объединяет сейчас Союз молодежи в своих рядах. Тогда не более 15. Технический прогресс поставил молодежь перед необходимостью повышения общеобразовательного уровня. Да и в науке молодые ученые стали занимать все более видное место. В обкомах комсомола появились секторы по научной работе, советы творческой молодежи.

В силу чрезвычайно быстрого, подчас скачкообразного, развития технического прогресса мы подчас не успеваем за наукой, за временем. Возьмите хотя бы состав членов ВЛКСМ, его диапазон. Сейчас в комсомоле вместе с семиклассниками состоят и доктора наук, хлеборобы-механизаторы и молодые ученые. Причем последние занимают все более прочные и заметные позиции. Однако комсомольская работа часто еще строится с ориентацией на «среднего» комсомольца. Это, мне кажется, сужает рамки возможного.

Говорят, родителей и воспитателей своих дети не укоряют. Согласен. Но не обида и не желание поучать движут моим пером, когда я обращаюсь к комсомолу. Пишу об этом потому, что я сын комсомола и он мне всегда близок и дорог.

Его называют очень кратко — МАИ. Звучит это как восточное романтическое имя, вроде Шаганэ.

Да, это моя любовь — МАИ. Московский авиационный институт. Старейшая кузница наследников Икара.

Некоторые из них, как и он, сломали крылья. Многие стали крупнейшими авиаторами, и их имена яркими звездами горят на небосклоне науки.

Кто из школьников не мечтал заниматься в этом институте, кто из ребят не хотел участвовать в создании воздушного флота нашей Родины?

Заявление подано на факультет электромеханических установок. Через несколько дней предстоял первый экзамен — сочинение. Я шел на экзамен спокойно: наверное, уже перегорел на предэкзаменационных переживаниях.

Перед самыми экзаменами у меня получился маленький конфуз, который мог бы кончиться большими неприятностями.

Когда мы после консультации уходили с Игорем Захаровым из института домой, решили сократить свой маршрут и махнуть через забор. Забор оказался достаточно высоким, с острыми шпильями, напоминающими средневековые копыя.

Игорь закончил преодоление препятствия довольно благополучно, а я, когда забрался наверх и сделал попытку спрыгнуть, зацепился штаниной за острие копыя. Упал я на руки: пригодился вратарский навык, и все кончилось благополучно, не считая порванной штанины и вывиха запястья.

Боль была, конечно, сильная, но не идти на экзамен я не мог. В поликлинике мне тщательно перебинтовали руку, и я в таком виде прибыл на свой первый экзамен. Сочинение написано. Оценкой я был вполне доволен. Остальные экзамены сдал так же успешно, и вот я уже в толпе своих сверстников. Пробегаю глазами списки зачисленных в институт. Пятым сверху напечатано: Волков В. Н. гр. В-1-15. Хоть и надеялся, а сердце от радости скакнуло: я студент авиационного вуза.

Факультет назывался так — факультет электромеханических установок. Что ж, прекрасно: электромеханика, физика и математика — мои любимые дисциплины. Особенно физика, которая давалась мне относительно легко, и я всегда получал большое удовлетворение, изучая эту далеко не легкую науку.

Первое знакомство с группой, в которой мне придется заниматься более пяти лет, состоялось 1 сентября, в день начала учебных занятий. Собрались мы

тогда все на стадионе. Кое с кем я уже был знаком. Узнали друг друга во время сдачи вступительных экзаменов. Остальных увидел впервые. Четыре девушки, с еще школьными косичками, стояли несколько в стороне и с любопытством рассматривали нас. Игорь Захаров, мой старый школьный друг, как бы угадывая мои мысли, сказал: «Эти тоже в нашей группе!»

После общеинститутского митинга наш поток (старшекурсники называли нас «козерогами») пригласили в большой актовЫй зал главного корпуса, где нас приветствовал декан факультета Петр Иванович Матаев. Как и принято, он рассказал о традициях института, его делах и пожелал нам успеха.

Все дальнейшие часы были заняты чисто организационными вопросами. Был выбран староста группы (Володя Ракшин), а затем каждый из нас рассказал немного о себе. Беглое знакомство с учебными корпусами института заняло еще несколько часов.

А теперь можно и домой.

Так началась новая жизнь, именуемая студенческой.

Правда, четкого представления об учебной программе у меня еще не было. Мне почему-то казалось, что мы сразу же начнем заниматься конструированием самолетов и их отдельных агрегатов, испытанием их в гигантских аэродинамических трубах, о которых много слышал от отца. На самом деле все оказалось менее романтичным. В расписании занятий значились дисциплины, с которыми мы уже познакомились, правда в меньшем объеме, еще в школе: химия, физика, математика, английский язык.

«Ну зачем они? Нужно ли на них тратить драгоценное время?» — думалось мне.

Этими мыслями я поделился с отцом.

— Что тебе сказать на это? — несколько помедлив, ответил он. А потом вдруг неожиданно спросил: — А ты, Владик, видел где-нибудь, чтобы дом с крыши начинали строить? Чего улыбаешься — видел или не видел?

— Ну, конечно, нет! Что за вопрос.

— И я тоже не видел. Потому что ни одно сооружение без фундамента быть не может. На чем-то стоять оно должно? И уж ясно, чем крепче, прочнее фундамент, тем выше можно дом поднимать, тем дольше

он жить будет. Разве не так и в жизни? И в любом знании? Без таблицы умножения невозможны и интегральные исчисления. Помню, еще в авиационном техникуме поговорка у нас ходила: «Не знаешь закона Ома — сиди дома».

Что, по-твоему, будет, если строитель в котлован, отрытый для фундамента, заложит весь кирпич и цемент, но не так, как надо, а в беспорядке свалит все в кучу? Не устоит на этом дом, так как это вовсе не фундамент, а только материал для него. Вот и у тебя сейчас так же: материал есть — в школе ты его поднакспил. Но он у тебя пока еще весь в одной груде, без системы, без толку. На первых двух курсах тебе помогут разложить все кирпичики твоих знаний в том самом порядке, который называют системой. Да рас-теорчика, который свяжет эти кирпичики, добавят. Вот тогда ты и будешь стоять твердо.

Нельзя было не согласиться с отцом и в этом.

Наш факультет возглавлял большой специалист авиационной техники и прекрасной души человек Петр Иванович Матаев. Среди наших наставников были ученые, которые с успехом могли украсить любой крупнейший вуз страны: академики Юрьев, Пугачев, Артоболевский, ученые-математики Смирнов, Свешников, Победоносцев и многие, многие другие.

Эти люди, обладающие огромной научной эрудицией, педагогическим тактом и, я бы сказал, уважением к нам как к будущим коллегам, старались передать все, чего достигли сами за свою нелегкую жизнь.

Они ценили в своих питомцах способность к самостоятельному мышлению. И даже не просто ценили, а ставили выше многих других добродетелей. Они терпеливо подталкивали нас пусть не всегда к верным, но собственным решениям.

Правда, не сразу, не с первого курса.

Первые два курса — это, пожалуй, больше посвящение в студенты, чем само студенчество. И тем не менее занятия как-то незаметно увлекли меня. Может, частично тут повлияла и беседа с отцом.

Мне нравилось ходить на лекции и лабораторные занятия. Что греха таить, некоторые считали, что лекции вовсе не обязательное занятие, и предпочитали это время использовать для чего-то другого. Я не был пай-

мальчиком. Однако на лекциях старался садиться поближе к доске, чтобы меньше отвлекаться и лучше сосредоточиться. На задних рядах сделать это было очень трудно, так как там велись любые разговоры, чаще всего не имеющие ничего общего с темой лекции.

Особенно я любил ходить на лекции по высшей математике, которые читал Виктор Федорович Смирнов. Курс этот был новый для нас и откровенно трудный. Но Виктор Федорович сумел из этого, казалось, безнадежно сухого материала с огромным количеством формул, сложных доказательств и выводов сделать увлекательный и доходчивый предмет.

К своему стыду, на одной лекции В. Ф. Смирнова у меня произошел эпизод, который запомнился, пожалуй, на всю жизнь.

Лекция проходила в большой аудитории для всего потока. Материал показался мне несложным, и я решил отвлечься от науки и разместился на последних рядах. Тут же один из моих «коллег» предложил сыграть партию в шахматы, чтобы «убить» время. Я легкомысленно согласился, и на нашем столе появилась доска. Мы так увлеклись своим делом, что не заметили, как к нам подошел Виктор Федорович.

Аудитория подозрительно затихла и ожидала, что будет дальше.

— Ну что ж, позиция кажется действительно интересной, — услышал я над своим ухом спокойный голос профессора. — И высшая математика, конечно, ничто по сравнению с ней.

Он внимательно изучил положение черных и белых, затем сделал ход и сказал:

— Не знаю, может, из вас и вырастут когда-нибудь будущие Ботвинники, Смысловы, ну, а вот специалисты при таком отношении к делу навряд ли. И если вам все понятно, лучше бы пошли и занялись каким-нибудь более полезным делом, — закончил профессор.

Неловко, с грохотом убирая шахматную доску, мы поднялись, извинились и попросили Виктора Федоровича разрешить нам остаться на лекции.

— Ну что ж, вам виднее, — холодно сказал профессор и пошел к доске.

Что там говорить, это для меня было хорошим уроком.

Еще в школе я начал увлекаться электротехникой,

и этот предмет в институте нашел во мне преданного сторонника. Мои конспекты преподаватель часто приводил в пример как образцовые. «Хорошие конспекты — это уже восемьдесят процентов отличных знаний», — любил повторять он.

Незаметно наступила первая экзаменационная сессия. За месяц до сессии я на полторы недели был отпущен для участия в соревновании на первенство спортивного общества в составе сборной хоккейной команды Москвы. Первенство состоялось в городе Перми. Когда я вернулся назад, то мне пришлось «галопом» догонять своих товарищей, от которых я, безусловно, успел отстать. С утра до вечера штудировал материал, и результат не замедлил сказаться. Сессия была сдана с хорошими и отличными отметками. В итоге я положил родителям на стол первую полученную мною стипендию.

Кому из студентов не знакомы длинные вечера в «чертежке», мельтешение тысяч знаков, которые приходится зубрить по английскому языку, сложнейшие задачи по построению эпюр по сопрягату? А длинные формулы по математике, выведение которых надо было знать наизусть...

Как-то я пожаловался отцу: «Так мало времени...»

Отец улыбнулся:

— Это тебе, брат, испытание. Испытание наукой. Раз попал в воду, маши, маши руками и ногами. Глядишь, потом и поплывешь.

Недавно мне жаловались ребята из МАИ: «Запарились, ничего не успеваем». Я подумал, может, перегрузили ребят общественными делами и на учебу у них осталось мало времени? Поинтересовался — ничего подобного, не переработали: нагрузок как таковых вообще не оказалось. И подумал я, что, может, это идет вовсе не от дурных привычек или лени, а просто от неумения организовать себя, свое время?

Вспомнил свою учебу в этом самом МАИ. Троек не получал. Курсовые не затягивал. И общественных нагрузок было в институте у меня немало:

— член бюро ВЛКСМ факультета,

— математический кружок,

— хоккей с шайбой, институтская команда, городская сборная спортивного общества, позднее вторая команда «Спартак»,

- литературный журнал и стенная газета,
- участие в концертах самодеятельности.

Не собираюсь поучать, но один совет все же дать хочу нынешним студентам: нужна непременно цель в жизни и в приобретении знаний тоже. Диплом не цель. Диплом дают всем, кто подтвердит определенный минимум знаний. У меня была цель — стать инженером-испытателем авиационной техники. И этой цели я подчинил свое время. На эту же цель работали все мои общественные поручения. Для разгрузки, для снятия нервного напряжения необходим был отдых. Активный — спорт, спокойный, эстетический — музыка, рисование.

Вот и вся премудрость.

Но, повторяю, главное, что обязано постоянно жить с человеком, стать смыслом его «я» — цель, такая звездочка, которая всегда на его пути, всегда где-то впереди.

Если я скажу, что молодежь — самая потенциальная часть человечества, я ничего не открою, хотя, разумеется, буду прав. Если я стану утверждать, что для самоутверждения в этой роли молодым непременно необходимо дерзание, тоже ничего нового не сообщу, хотя никто меня не упрекнет в натяжке или тем более полуправде. А мужество для того, чтобы дерзать, должно присутствовать в человеке? Непременно. А раскованность мышления? А труд? Порой каторжный труд, когда в сутках, кажется, не 24, а только 2,5 часа? А риск? Риск, доходящий до дерзости, до самой последней грани, когда вдруг озаряет тебя абсолютная, ненужная особенно в эту минуту ясность, что тебе не донести свою ношу? Нет, не потому, что не хватит сил. У тебя не хватит времени. Ты просто не успеешь. Твои звездные часы не перпетуум-мобиле. Они встанут. Когда-то они должны остановиться, черт побери! Часы твоей жизни. Но не время вообще. Ведь будут другие...

Так будет ли тебе достаточно всех этих приобретений: мужества, дерзания, полета мысли, риска, дерзости — для сознания того, что надо продолжать идти? Будет ли у тебя достаточно уверенности в том, что другие пойдут по твоим стопам? Убеждения, что

звездные часы человечества будут работать без тебя и потом?

Только когда все эти движители придут на помощь (а заставить их работать — твой удел), человек может быть спокоен, что он состоялся как личность.

Наверное, нет ничего труднее, как писать о близком человеке. Тем более когда этот человек — твой отец.

Я люблю мою маму, женщину добрую, ласковую и заботливую. Она долгое время работала чертежницей в авиационной промышленности вместе с отцом. И только сейчас я понял, почему она оставила свою работу. Все время она отдавала мне и брату Борису. Растила нас. Заботилась. Переживала. Короче, мама — это мама...

Но отец — это не просто отец. Отец для меня — друг.

Родился он и провел детство на Рязанщине. Семья была многодетной. Из тринадцати детей сейчас в живых осталось шесть сестер и два брата. Все они получили образование. Бабушка была награждена орденом «Материнская слава» (умерла в 1971 году в возрасте 90 лет). Дед Григорий Федорович почти всю жизнь проработал на железной дороге.

Жилось большой семье нелегко. С трудом приходилось сводить концы с концами.

После окончания в 1929 году семилетней школы в селе Шилово семнадцатилетним подростком отец приехал в Москву без копейки в кармане, в одной тельняшке. Знакомых и родственников здесь у него не было. Но желание получить образование было велико. И он поступил в Московский авиационный техникум. С этого момента отец практически навсегда связал свою судьбу с авиацией.

После техникума был направлен на работу в конструкторское бюро.

За работу в оборонной промышленности в годы Отечественной войны был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза. Не бросая производство, в 1952 году закончил Московский авиационный институт.

Отец и мать сумели передать нам с Борисом все то, что сами получили от своих родителей. В большой семье трудно без строгости, и строгости прежде всего к самому себе. Отец не раз и не десять повторял мне: «Ты человек и должен уважать цену слова, данного кому-либо».

С самого раннего возраста нам прививалось уважение к труду. И этот труд не был в тягость — это естественное необходимое занятие на каждый день.

Мне вспоминаются дни, когда отец брал меня с собой для сбора картошки, которую мы сажали на огороде в районе Химок. Окончив работу, мы садились на высохшую ботву и ели заработанную своими руками неприхотливую походную пищу. Запеченная на костре картошка, мелкая соленая рыба хамса с черным хлебом и холодная вода, взятая из дома в бутылках, — что можно придумать лучше? Домой возвращались к вечеру на машине, нагруженной мешками. Я был на вершине блаженства, чувствуя себя настоящим мужчиной.

Все, за что бы ни брался отец, он делал с необычайной выдумкой и красотой. Это уважение не просто к работе, а к труду красивому, вдохновенному он старался привить нам с детства.

Отец никогда не препятствовал моим детским увлечениям. Будь то участие в художественной самодеятельности или занятия фехтованием, плавание на озере или детские игры. Он говорил маме, которая всегда боялась за нас: «Пусть привыкают ко всему, это им пригодится в жизни». И когда в День Победы над Германией мы заехали на крышу барака, рискуя свалиться оттуда, и, как я уже рассказывал, стали салютовать из самодельных пистолетов, за что нам здорово влетело, отец только сказал:

— Я тебя вполне понимаю. Праздник души своей надо отметить в памяти. Но для этого лазить на крышу совсем не обязательно.

Отец на многое не обращал внимания. Но когда дело касалось честности, порядочности и отношения со старшими и своими товарищами, отец был необычайно строг.

И я могу сказать ему за это только спасибо.

Отец очень внимательно следил за моей успеваемостью в школе, и я старался не огорчать его. Когда

наступила пора выпускных экзаменов в школе, он, наверно, переживал за меня больше, чем я сам.

Позади остались школьные годы. В школе я приобрел друзей. Там я подружился с моей будущей женой Люсей Бирюковой. Школа дала мне очень много, и прежде всего знания, любовь к Родине и понимание своего места в жизни.

Напряженные занятия в институте. Многие, в том числе и мама, старались отговорить меня в то время от занятий хоккеем, футболом и другими видами спорта. Но отец рассудил иначе: «Пока молодой, играй, это только на пользу. Конечно, если не во вред занятиям».

Отец, сам большой любитель спорта, часто ходил на соревнования, когда выступал я, и, забыв, казалось, обо всем на свете, болел за меня.

И с какой благодарностью, уже готовясь к поступлению в отряд космонавтов, я вспоминал своего отца. Спорт дал мне здоровье, силу, ловкость и чувство пространственной ориентации.

В 1957 году, мне тогда шел 22-й год, я сообщил своим родителям о том, что собираюсь жениться на Людмиле Бирюковой. По-разному восприняли они мое решение. Мама заплакала, стала уговаривать, чтобы я разобрался как следует, что я очень молод и мне надо сперва закончить институт. Отец, вначале несколько шокированный неожиданным моим заявлением, рассудил иначе:

— Если ты все взвесил и уверен, что это серьезно и на всю жизнь, благословляю. Надеюсь, ты понимаешь, какая на тебя взвалится ответственность? Ведь будет семья, а ты еще не совсем крепко стоишь на ногах. Ну, в общем, поступай как сам знаешь...

И я решил. Решил бесповоротно. И вот сейчас, по прошествии 14 лет совместной жизни, ни о чем не жалею. Спасибо отцу за то, что и в этом вопросе он проявил такт и не подавил моей воли.

На орбиту Земли был выведен первый советский искусственный спутник. Весь мир был потрясен этим не укладывающимся в голову событием. Мир напряженно прислушивался к позывным первого посланца космоса: «Бип-бип-бип».

Это событие на 180 градусов изменило мое отношение к выбору профессии. Только туда, где делают

такие машины, там, где ум человека побеждает, казалось бы, незыблемые силы природы.

С этими мыслями и чувствами я и пришел, как всегда, к отцу. И как всегда, все тщательно взвесив и обсудив, отец не стал препятствовать моему новому желанию. После окончания института я становлюсь работником конструкторского бюро. Потянулись годы напряженного, но удивительно интересного труда. Казалось бы, все правильно, все идет своим чередом. И вдруг — полет человека в космос. Появилась новая профессия — космонавт. «А почему не я? — подумалось мне. — Почему бы мне не стать космонавтом?» И опять советуюсь с отцом. Он, наверное, единственный раз не поверил мне, посчитал, что из этого ничего не выйдет. И поэтому только слегка пожал плечами, когда я спросил, каково его мнение.

Долго и трудно путь в отряд космонавтов, и все-таки я добился своего. Но вплоть до знаменательного для меня дня — 12 октября — отец, по-моему, оставался при своем мнении — не очень был уверен в правильности моего решения идти в отряд космонавтов.

Я на всю жизнь запомню его смущенную улыбку на лице, блестящие глаза при встрече во Внукове после полета и скупые, но идущие от всего отцовского сердца слова:

— Поздравляю... Маму-то поцелуй! — и он крепко пожал мне руку.

Все это, наверное, и сделало нас с отцом не просто близкими людьми, а настоящими большими друзьями.

ВСЕ-ТАКИ ПОЛЕЧУ!

**В памяти навсегда ● Право на мандат
космонавта ● Звездный открывает двери**

Для памяти отсчет времени люди делают по какому-то своим приметам. Они становятся вехами жизненного пути, началом поворота или стремительного подъема. Моя веха — 11 мая 1964 года. День, когда меня вместе с другими, кто изъявил желание лететь в космос, испытывать новую технику, вызвали к С. П. Королеву.

Ровно в 17. 00 (а пунктуальность была одной из самых характерных черт академика Королева) открылась дверь рабочего кабинета и появился Сергей Павлович в сопровождении ряда товарищей. Академик был одет в темную шерстяную рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. Пиджака на нем не было. Значит, встреча не будет строго официальной.

Мы сидели в зале совещаний, похожем на вытянутый прямоугольник. Обстановка зала отличалась необычайной простотой. Одна стена закрыта светло-коричневой шторой, другая имела два широких окна. В проеме между окнами темнел небольшой простенок, на котором висела Почетная грамота Президиума Верховного Совета СССР, подписанная К. Е. Ворошило-

вым. Этой грамотой была награждена организация, возглавляемая Сергеем Павловичем Королевым.

Вдоль стены с окнами выставлены мягкие удобные диваны. У торцевых стен с одной стороны стояло два кресла и круглый, типа журнального стол, над ним портрет Цандера; у другой, имеющей дверь для входа в рабочий кабинет академика, висела небольшого размера доска и стоял еще один стол с креслом и тумбочкой с установленными на ней несколькими телефонными аппаратами.

Посреди зала размещался длинный и широкий полированный стол с большим количеством массивных стульев по бокам. В торце стола на вращающемся кресле сейчас сидел академик Королев, или «С. П.», как часто его называли за глаза. Человек, с именем которого связаны многие современные достижения в области ракетной и космической техники.

Сергей Павлович в общих чертах нарисовал картину будущего развития космонавтики, делая упор на том, что будущие корабли станут несравненно более сложными в управлении, потребуют большего знания бортовых систем, чем это было на кораблях серии «Восток». Будущие корабли рисовались более просторными, рассчитанными на длительное пребывание на орбите. Расширялись возможности для проведения широкого комплекса научных и технических экспериментов.

Сергей Павлович говорил, что недалеко то время, когда космические корабли с экипажами, в составе которых будут люди самых различных профессий, полетят к Луне, Марсу, Венере, а возможно, и дальше.

Но Сергей Павлович, будучи большим мечтателем и фантастом, в то же время оставался и большим реалистом, четко представляющим себе возможности решения той или иной задачи в текущий момент. Тогда речь шла о новом корабле, которому впоследствии было дано название «Союз»...

Сергей Павлович пробежал взглядом лежавший перед ним список людей, подавших заявления о зачислении в группу космонавтов.

— Владимир Зайцев! — назвал он первую фамилию и внимательно взгляделся в человека, который встал. — Что, собственно, побудило вас подать заявление? Для чего вы хотите летать в космос?

— Ну, конечно, Сергей Павлович, не для приключений, — ответил Зайцев.

— Вот тут я с вами не согласен, — перебил Сергей Павлович. — Мы сейчас стараемся работать в таком направлении, чтобы в космос могли летать и млад и стар, а вы говорите — «не для приключений»...

Затем Сергей Павлович обратился к одному из ребят, которого звали Олег, и поинтересовался родом его занятий, где летал, на чем и когда (в характеристике у Олега было записано, что он закончил аэроклуб).

После некоторого молчания Сергей Павлович встал и, подходя к каждому из нас, задавал тот или иной интересующий его вопрос.

Как только все были в какой-то степени опрошены, Сергей Павлович вернулся на свое место и уже стоя обратился к нам:

— Мне было очень приятно сегодня познакомиться с вами, и я рад, что вы имеете серьезные намерения быть испытателями космических кораблей. Вы набираетесь в группу для очень тяжелой, трудной и кропотливой работы. Может быть, и не всем вам придется слетать в космос. Но к этому надо идти упорно и терпеливо. Для работы в космосе требуются настоящие работающие и думающие инженеры, готовые до конца служить делу, которому вы хотите посвятить себя. Желаю вам успеха. До свидания.

Собрание было закончено. Мы вышли в приемную. Разговаривать не хотелось. В голове пролетали сотни самых, казалось бы, невероятных картин.

11 мая 1964 года. Для меня это знаменательный день, хотя сразу я еще и не понял, что случилось. Испуг и радость приходят чуть позже свершившегося.

А когда я осознал все, в мой мозг, в мое сердце вошла одна категорическая мысль — сделаю все, абсолютно все, что в моих силах, но добьюсь заветной цели. Добьюсь для того, чтобы оправдать надежды людей, поверивших в нас.

Через несколько дней после разговора с Сергеем Павловичем группа инженеров, в том числе и я, была направлена на медицинское обследование. Никто из нас и представить себе не мог, что нас ожидало.

В комплекс медицинских проверок входили: барокамера и вращающееся кресло, артостатическая проба и неоднократные психологические тесты, сдачи многочисленных анализов и записи электроэнцефалограмм, исследования остроты зрения, обоняния, слуха и т. д. Можно без конца было бы продолжать этот перечень.

Одним словом, не заскучаешь!

Вечерами, после пяти часов, когда заканчивались обследования, мы отдыхали. Кто играл в шахматы или бильярд, кто читал книги, а кто смотрел фильмы по телевизору. Короче, каждый находил себе занятие по душе.

Большое удовольствие нам и даже обслуживающему нас персоналу доставляли запуски самодельных ракет. Инициатором этого дела был Володя Бугаев. Конструкция его ракеты была довольно-таки проста. Выстругивалась из дерева тонкая палочка. К одному концу ее привязывалась металлическая баночка из-под валидола. Один торец банки имел отверстие определенного диаметра, из которого вытекали «продукты горения». «Продуктами горения» были свернутые в упругие трубочки тонкие рентгеновские пленки, обрезанные по размерам баночки. Таких трубочек заготавлилось несколько штук. На нашу долю доставалась самая «ответственная» операция, как уверял «главный конструктор» Бугаев, — скручивание. Когда трубочки были свернуты, они плотно упаковывались в баночку. Сверху укладывали несколько спичечных головок с серой. Затем баночка заворачивалась. Двигатель будущей ракеты был готов. Дело оставалось за стабилизатором, который изготавливался из плотной бумаги и вставлялся в расщепленную палочку с другой стороны.

Стартовой площадкой служил лист найденного где-то гофрированного шифера. Шифер устанавливался под углом 70—80 градусов на траве и поддерживался палкой.

«Ракета» ставилась в одну из выемок шифера. Стартовик с помощью спичек и кусочка ленты из той же рентгеновской пленки поджигал «двигатель». Пламя! «Ракета» с шипеньем разгонялась по шиферу и улетала высоко вверх, оставляя за собой след дыма, а также запах сгоревшей пленки.

Скоро эти забавы пришлось прекратить, так как бдительное хозяйственное руководство стало опасать-

ся, как бы вместе с баночками не улетел в тартарары и наш корпус. Во всяком случае, вероятность пожара была довольно солидной.

Но забавы забавами... Основное, что нас волновало, это результаты медицинского обследования. Многие ребята, не отвечающие требованиям, предъявляемым к будущим космонавтам, были отчислены уже в начале комиссии, другие выбывали по мере обследования. Нас оставалось все меньше и меньше. Наконец настал день, когда обследование было закончено. Замечаний у медиков ко мне не имелось.

Настроение — лучше не бывает. Но я прекрасно понимаю, что это только начало.

Впереди еще много, много дел.

Нас несколько человек. Все инженеры. Начинаем изучать космическую технику, небесную механику, астрономию, радиотелеграф и другие дисциплины, которые могут пригодиться в нашей будущей работе. Нам предлагают попробовать свои силы и в парашютном спорте, ведь будущему космонавту надо уметь держать себя в руках даже тогда, когда, кажется, нет никакого выхода.

Конец июня. В 8 часов утра отправляемся на учебный аэродром.

По прибытии туда расположились в деревянном доме. Из Москвы взяли с собой все необходимое для жизни в полевых условиях с расчетом на 3—4 дня. Но чтобы начать прыгать с самолета, требовалось прежде пройти некоторую наземную подготовку. А вечером того же дня прыгнуть еще и с 30-метровой вышки. Некоторые уже имели опыт прыжков с парашютом, но прыжок с вышки трудно даже с чем-то сравнить. Очень неприятно подниматься на такую высоту по скрипучей лестнице, ведущей на открытую площадку. Отсюда округа видна как на ладони и люди кажутся какими-то неестественно маленькими. Здесь нужно надеть на себя подвесную систему и, доверясь только прочности металлического троса и небольшого купола над твоей головой, ринуться вниз.

Но все кончилось благополучно. Прыжки закончены, получены последние указания и наставления инструктора. Возвращаемся на аэродром.

Спать в тот день легли рано, но выспаться как следует не удалось, так как вечером пришлось выдержать

целый бой с армадой неведь откуда появившихся комаров.

Утром, после завтрака, приступили опять к наземной подготовке, на сей раз учились покидать самолет АН-2, но только пока на земле. Прыгали на растянутый брезент. Учились укладывать парашюты, надевать и подгонять парашютную систему.

В 17.00 объявили выезд на старт. Много хлопот доставил нам подбор необходимой спецодежды для прыжков. То шлем не лез, то брюки комбинезона были коротки, то из рукавов по-смешному торчали голые по локоть руки.

— Да что же у вас парашютисты такие низкорослые, — смеясь, спрашивали мы.

— Мал золотник, да дорог, — отвечал нам без улыбки инструктор.

С большим трудом, но все же кое-как оделись. Поводов для шуток было больше, чем надо.

Короткий отдых, и мы на старте. Тщательно проверяем свои парашюты. Ребята, которым предстоит прыгнуть впервые, заметно нервничают...

Небольшой разбег самолета, и мы уже в воздухе. Зацепляем фалы к протянутым вдоль борта тросам. Самолет кругами набирает высоту.

Входит штурман и показывает инструктору, что высота 800 метров. Инструктор открывает дверь самолета. В салон врывается свежий ветер. Внизу вижу землю. Почему-то кажется, необычайно высоко. Но волнения нет. Как-то свyksя с мыслью, что все равно прыгать придется. У всех сосредоточенные и серьезные лица.

Раздается неприятный звук сирены. Это означает, что надо подготовиться.

Прыгаем четверками. Наша встает. Вторая сирена, и тут же инструктор командует: «Пошел!»

Я прыгаю вторым. За мной — Алексей Елисеев.

В лицо ударяет поток воздуха, и тут же резкий хлопок над головой.

Смотрю наверх. Надо мной полностью раскрытый купол с многочисленными продольными и поперечными швами — местами стыка листов парашютной материи. Хорошо!

Теперь можно оглянуться и по сторонам. Где-то чуть выше и левее купол парашюта Алексея, а внизу

под ногами шоссе. Несколько сзади лента реки. Меня несет прямо на аэродром. Делаю несколько пробных разворотов, держась руками за лямки подвесной системы. Это необходимо сделать при подходе к земле, чтобы земля набегала на тебя и ты видел ее. Даю себе несколько успокоиться и отдохнуть. Готовлюсь к приземлению. Земля совершенно неожиданно оказалась передо мной. Секунда, и я уже ударяюсь ногами о землю и падаю на бок. Быстро встаю, собираю парашют и укладываю его в транспортировочную сумку.

Подъезжает машина, и мы едем на старт. Руководитель группы, Леонид Михайлович, чувствуете, доволен и поздравляет с благополучным приземлением. Кому-кому, а уж ему-то, столько лет просидевшему за штурвалом истребителя и испытывавшему не одну новую машину, это чувство хорошо знакомо.

После прыжков все вместе едем на реку купаться. В машине весело. Играю на гитаре, и все вместе поем нашу любимую песню:

На заре стартуют корабли.
Гром трясет отвесные дороги.
От земли на поиски земли,
От тревоги к будущей тревоге...

Чувствуем необычайный прилив сил. Еще один барьер воспитания воли преодолен.

Через несколько дней мы снова на аэродроме. Но теперь задача совсем уже другая, да и аэродром не тот. Нам предстоят полеты на тренировочном самолете МИГ-15 УТИ.

Отрабатываем одновременно несколько заданий: пространственная ориентация; опознавание наземных предметов по карте; оценка ситуации по различным приборам на борту самолета; знакомство с перегрузкой при исполнении фигур высшего пилотажа.

Но прежде чем все это выполнить, надо было сдать зачеты по оборудованию самолета. Несколько дней занятий, и мы уже могли спокойно ориентироваться в кабине самолета, понимали, для чего предназначено то или иное оборудование.

Первым нашим инструктором был отличный летчик, веселый и жизнерадостный человек Л. Рыбиков.

Мне хорошо запомнился первый вылет на реактивном учебном самолете.

Раннее утро. Плотнo позавтракав, идем на предполетный осмотр. Все в порядке. Допуск на полет дан. Но я лечу третьим. Придется немного подождать.

Выхожу на улицу. Погода прекрасная. На небе ни облачка. Воздух еще свеж, но чувствуется по всему, что будет очень жарко. Садимся с ребятами на одну из скамеек, стоящих под густыми кустами акаций. Время тянется необычайно медленно.

Наконец где-то около 12 часов меня вызывают на стоянку. Как заправский летчик, в специальных ботинках, летном комбинезоне и шлемофоне, на котором болтается, ударяя меня в грудь и в плечо, шнур с разъемом, иду к стоящему вдалеке самолету.

Надеваю парашют и занимаю свое место в задней кабине.

Сейчас надо подсоединить этот шнур к бортовому разъему, чтобы была обеспечена радиосвязь. Подсоединяю.

Подгоняю кислородную маску и регулирую подачу кислорода.

А теперь можно пристегнуть парашютную систему. Колпачок катапультирования на предохранителе. Проверяю связь. Кажется, все нормально. Закрываю фонарь кабины.

— Поехали, — обращается ко мне командир.

— Поехали, — в тон ему отвечаю я.

Выруливаем на полосу. Короткий разбег, и вот уже шасси убрано. На высоте 300 метров делаем разворот и идем с набором высоты в зону пилотажа.

На высоте около 3 тысяч метров выполняем «бочки», «петли», развороты, бросаем машину по параболе вниз, имитируя невесомость.

Необычайно красивое зрелище открывается при взгляде на землю. Наверное, я никогда не перестану восхищаться видом нашей прекрасной планеты, откуда бы я ее ни наблюдал.

...Откуда-то появились небольшие кучевые облака. Как белые хлопья снега, они неподвижно лежат на воздушной подушке. В разрывах между ними проглядывается земля. А при взгляде наверх вижу яркое солнце и голубое-голубое небо.

Несколько раз при выполнении фигур пилотажа были кратковременные перегрузки порядка пяти единиц. Самочувствие остается хорошим.

— Молодец, — хвалит меня Леонид Денисович, когда мы заруливаем на стоянку. — Годен к летной службе, — смеется он.

Занятия по технике и специальные тренировки мы сочетали с физической подготовкой, которая проводилась три раза в неделю. Сюда входили бег, гимнастика, штанга, прыжки на батуте и, конечно, спортивные игры. Особенно футбол. Четыре на четыре или пять на пять в маленькие ворота без вратаря.

Полюбились нам и водные лыжи. Этот вид спорта воспитывает чувство устойчивости (особенно при езде на одной лыже), силу, выносливость и смелость.

Но первые шаги на водных лыжах давались нелегко. Не один синяк украшал наши физиономии, да и на всем теле их было немало. Но это не пугало нас, а, наоборот, подзадоривало.

Незаметно летело время. Деревья стали потихоньку терять ставшие желтыми листочки. Наступала осень.

Вызов к генералу Николаю Петровичу Каманину для меня был неожиданным. В группе товарищей, которых пригласил генерал, находились Алексей Елисеев и Валерий Кубасов. Тему предстоящей беседы мы не знали, однако предполагали, что будет важное для нас сообщение. —

Познакомившись с каждым из нас, генерал рассказал в общих чертах о программе нашей подготовки, необходимой для выполнения будущих заданий. Здесь же были названы четыре кандидата, которым предстояло после прохождения медицинской комиссии (со времени первой прошло достаточно много времени) направиться в Центр подготовки космонавтов.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что не включен в эту четверку. Правда, меня тоже вместе с этой группой направили на медицинскую комиссию, но только в качестве запасного, на случай, если с кем-нибудь произойдет что-либо непредвиденное.

Нас поместили в старинном, судя по архитектуре, здании. Кругом лес. Тишина. Зеленый простор.

Наше знакомство с «медициной» началось с приемного покоя, куда мы стали заходить с интервалом в один час.

Первый осмотр. Давление, пульс и температура. Если все в норме, тебя просят пройти в соседнюю комнату, где уже приготовлены трусы, белая рубашка с длинными рукавами, носки и коричневого цвета шерстяные брюки с синими окантовками внизу, такого же цвета пиджак с таким же синим обрамлением на рукавах.

Принят душ, и вот уже любезная медсестра ведет в уютную комнату, откуда с завтрашнего утра мы будем выходить к врачам согласно расписанию. Можно долго рассказывать об этой необычайной медкомиссии, где требовательные врачи пытались узнать о нашем здоровье буквально все, ибо мы были гражданскими специалистами, а не летчиками, с которыми им приходилось иметь дело до сих пор. Программа обследования для некоторых из нас, кто уже проходил комиссию раньше, была сокращена. Это объяснялось тем, что уже подходил срок, когда мы должны были приступить к тренировкам в Звездном городке. Правда, кое-что нам все-таки добавили. Например, исследование на центрифуге при предельной перегрузке в 5 единиц. Перенес я эти перегрузки, кажется, нормально. Но врачи народ замкнутый и открыто о результатах ничего не сказали.

И вот 5 сентября 1966 года. Звездный городок распахнул для нас свои двери.

Звездный городок. Это не просто поселок с неожиданным и красивым названием. О людях, работающих здесь, мы слышали немало рассказов и легенд. Для нас Звездный был и остается школой воспитания мужества. Сколько сильных и отважных людей прошли по крутым ее ступенькам, прежде чем шагнуть в небо! Здесь начинали свою подготовку к полету прославленные летчики-космонавты СССР: Юрий Гагарин и Герман Титов, Андриян Николаев и Павел Попович, Валерий Быковский и Валентина Терешкова, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов, Константин Феоктистов и Борис Егоров.

Расположен Звездный в очень живописном месте. Со всех сторон его окружает густой старый лес. Приятно поражает какая-то благоговейная тишина. Наружу

шается она лишь веселым пением птиц и негромкими гудками проходящих неподалеку электричек.

На всем здесь лежит отпечаток собранности и деловитости. Сама территория городка как бы делится на две независимые части: одна — это жилой район с современными зданиями, магазином, яслями, школой, гостиницей и великолепным Домом офицеров. Здесь живут космонавты, те, которые уже летали, и те, которым еще предстоит летать, специалисты, которые готовят космонавтов к полету по научным, техническим и медико-биологическим программам, а также семьи обслуживающего персонала. Короче говоря, это обычный по внешнему виду, небольшой жилой массив с отличной планировкой зданий, дорог и зеленых насаждений.

Другая часть городка — служебная территория. Здесь расположены учебные корпуса, где идет непосредственная подготовка космонавтов. На служебной территории также есть прекрасный спортивный комплекс с большим футбольным полем, окруженным гравийными дорожками и трибунами; тут же теннисные корты, баскетбольные и волейбольные площадки и закрытый плавательный бассейн.

Встретил Звездный городок нашу группу приветливо. Поначалу нас прибыло только трое: Валерий Кубасов, я и еще один товарищ, его звали Георгий. Разместились мы в гостинице, находящейся на служебной территории, в уютных номерах по два человека. Я поселился вместе с Георгием.

В этот же день состоялось наше знакомство с самим городком, с распорядком, который нам предстояло неукоснительно соблюдать. Раньше мне приходилось бывать здесь, и поэтому, естественно, многое уже было известно, да и многих космонавтов и инструкторов приходилось встречать еще прежде.

И тем не менее это прибытие в Звездный оставило чувство первого открытия, неожиданного откровения. Так бывает, видимо, когда встречаешься с близким или родным человеком. Но это не просто тихая радость при встрече, это уважение и гордость за то, что у тебя есть такой человек и он признает в тебе надежного друга.

Вечером меня пригласил зайти в гости Герман Степанович Титов. Прекрасный, остроумный собеседник,

Герман Степанович много и интересно рассказывал о своей новой работе летчика-испытателя. Он уже успел сделать несколько самостоятельных полетов на сверхзвуковых самолетах и, не скрывая, гордился этим. Я его вполне понимал: такая же мечта о небе, о самостоятельном полете была и у меня. Мы сыграли с хозяином до десятка партий в шахматы, посмотрели по телевизору матч сборных волейбольных команд СССР и Чехословакии и расстались уже около десяти часов вечера. На улице было тихо и влажно. Сверху давил потолок закрытого тучами неба. Надолго ли оно закрыто для меня? Да и откроется ли вообще? Это, пожалуй, уже не такие простые вопросы. В свои силы и возможности я уверовал. Но в жизни не всегда получается все так просто и счастливо. Порой обстоятельства становятся сильнее тебя. И все-таки надо верить до конца. И я верил. Минутные сомнения проходили, оставалась уверенность. Надо шагать. Шагать в свое небо.

Завтра у меня первые занятия и снова медицинские обследования. И так, или почти так, будет до того самого дня, когда придет мой черед, пробьет мой час.

А сейчас в гостиницу. Надо хорошо выспаться.

С первых дней прибытия в Звездный городок я начал делать записи в дневнике, и хочется привести в этой книге несколько тех первых, что сделал я тогда.

9 сентября

С утра занятия по астрономии в планетарии. Тема занятий: изучение звездного неба северного и южного полушарий.

В 10 часов 15 минут начались вестибулярные тренировки. 15 минут крутился в кресле. Самочувствие хорошее.

После обеда занимались кинофотоподготовкой, а затем физкультурой. Занятия проводились в спортзале — на улице дождь. Работал на батуте. До совершенства мне еще далеко, не раз становился на голову (совершенно не запланированное упражнение). После батута плавал на время в бассейне.

Поздно вечером, когда на небе вдруг высыпали звезды, работали с навигационными картами, определяя по ним свое местонахождение.

10 сентября

Поездка на предприятие. Знакомились с космическими кораблями в цехе сборки. Облазили все, все обстукали и даже обнюхали.

Сегодня суббота, и нас отпустили домой. Дома меня ждал сюрприз: наконец-то поставили телефон. Теперь можно знакомым позвонить.

26 сентября

Начались полеты на самолетах МИГ-15 УТИ. Сегодня мне сообщили, что я назначен к испытаниям в термобарокамере.

Вечером после ужина с Лешей Елисеевым играли на бильярде. Общий счет партий 11:8 в его пользу.

Поздно вечером выехали на предприятие для участия в электроиспытаниях корабля.

27 сентября

Утро началось с приема лекарств, которые нам теперь будут давать каждый день для проверки реакции организма на эти возбудители. Все они из бортаптечки.

В 11.00 выезжали на предполетную подготовку. После обеда спортивная подготовка (бегали на 2 километра, плавали, играли в теннис).

Вечером продолжали бильярдные баталии с Лешей. Разрыв сократился — 12:10.

28 сентября

С утра у нас полеты. Мой вылет был назначен на 10 часов 15 минут. Надев полетный костюм, я сидел в комнате и дожидался своей очереди. Зашел мой инструктор В. Мальков.

— Вадим, полеты сегодня, наверное, нам с тобой отменят. Видишь, какой глаз? Врачи не пускают.

Тут и слепой бы увидел — глаз у Малькова был красным.

В 11 часов пошел на КП в надежде прояснить обстановку. Там все куда-то торопились. Пробежал мимо знакомый летчик.

— Саша, что случилось? — успел я его окликнуть.

— ЧП, — только и мог услышать я в ответ.

Скоро узнал, что самолет, на котором летал с инструктором Леша Елисеев, совершил вынужденную по-

садку на самой кромке запасной полосы. В полете отказал двигатель, и только самообладание и искусство летчика помогли предотвратить аварию. Все кончилось благополучно. Но о продолжении полетов сейчас не могло быть и речи.

После обеда снова вестибулярные тренировки. На этот раз на качелях Хилова. Затем радиотелеграфная подготовка и, как всегда, физкультура. Играли с Володией Комаровым в теннис. После игры он сказал мне, что, если еще потренируюсь, пожалуй, толк из меня получится.

29 сентября

Изучали программу научных исследований. Спорили с методистами по поводу проведения экспериментов. Долго спорили, но в конце концов, кажется, поняли друг друга.

После обеда поехал к родителям в Москву. Они только что вернулись с юга, где отдыхали в санатории. Вид у них был отличный. Особенно я обрадовался за отца. В последнее время он очень много работал и уставал. Иногда даже жаловался на головные боли.

3 октября

Погода разгулялась, и на завтра нам разрешили полет. А сегодня, как всегда в таких случаях, предполетная подготовка.

После обеда термобарокамера, где нам предстояло проводить тренировки и проходить испытания.

Около пяти вечера в комнату зашел Леша Леонов. Сагитировал идти в магазин за театральными конфетами: мы решили бросать курить. Вернувшись после прогулки, сидели в комнате, и Леша нам рассказывал подробности своей одиссеи — как он выходил в открытый космос.

— Придет время, и кому-нибудь из вас придется делать то же самое, — сказал он.

4 октября

Погода все-таки нас подвела. Уже в который раз! В общем все получается по «закону падающего бутерброда». Будем заниматься по резервной программе.

9 октября

Вечером выехали на прыжки. Прибыли на аэродром часов в десять. Нас встречал новый инструктор по парашютному спорту Анатолий Васильевич Вонярко. Очень интересный и строгий товарищ.

10 октября

Утром нам прыгать не дали.

— Пока смотрите, как прыгают другие, — сказал инструктор, — не спешите, укладывайте парашюты, тренируйтесь. А к вечеру, как стихнет ветер, выпустим и вас.

Мы его понимали: у нас за плечами всего по три прыжка, и инструктор решил просто не рисковать.

К вечеру ветер действительно утих. Солнце в спокойном свете зари катилось к горизонту.

Сделали мы тогда по одному прыжку с высоты 900 метров. Приземление прошло благополучно. Валера Кубасов умудрился даже попасть в самый центр круга.

11 октября

Встали очень рано. За окном темень. После небольшой легкой разминки, как уже здесь установлено, медицинский осмотр. У меня и Леша Елисеева обнаружили почему-то чуть повышенное давление. Видимо, плохо спали.

Легкий завтрак, и вот мы уже на стоянке самолетов. Время 7 часов утра. Солнце. Ветер несильный, но на траве еще роса. Нам, Валере Кубасову, Леше Елисееву и мне, сегодня только по одному прыжку запланировали. И тем не менее мы торопимся.

— Рано еще, — как будто заучил инструктор эту фразу.

В это время под куполом парашюта к земле приближался мой сосед по комнате — Георгий.

— Смотри и учись, как надо работать, — наставлял меня инструктор. — А то приземляешься, и ноги наперекосяк. — И он сделал очень выразительный жест, изображая мое приземление.

— Научимся, — согласился я, тем более что инструктор был прав.

И тут вдруг что-то произошло, пока непонятное нам. Купол распластался на земле, а Жоры не видеть.

Похоже, что он не может встать. Метров тридцать до него мы бежали как угорелые. Жора лежал на земле как-то боком и стонал. Попытались его приподнять. Прощупали руки, ноги. Оказался перелом правой ноги. Малейшее движение причиняло Жоре острую боль.

Подоспели врачи, наложили шину. Мы погрузили пострадавшего на носилки и отнесли к самолету. Жору отвезли в главный военный госпиталь имени Н. Н. Бурденко. А нам опять прыжки отложили.

Нелегко шагать в небо.

12 октября

Сегодня вторая годовщина полета «Восхода». Жалею, что не пришлось поздравить Володю Комарова, так как с самого раннего утра мне пришлось уехать на отливку ложементов и снятия мерки для скафандра.

Здесь я впервые. Все происходящее незнакомо. Операция, надо прямо сказать, очень любопытная. Сперва тебя, раздетого до плавок, кладут на наклонную доску, выполненную из плексигласа. Производятся замеры тела. После этого на спине и на груди красной краской наносится продольная линия для определения симметрии на кресле. Затем тебя укладывают в металлическую форму, где ты принимаешь позу, соответствующую той, которая будет у тебя во время старта космического корабля. Специалисты строго следят, чтобы все было симметрично, без малейшего перекоса тела.

Когда все подгонки закончились, в форму начинают заливать жидкий гипс. Буквально «по горло». В таком положении ты находишься до тех пор, пока гипс не застынет. Затем очень аккуратно, не поломав получившейся отливки, вылезаете из формы. По этой отливке будут изготовлены индивидуально для каждого космонавта ложементы, которые установят в кресло космического корабля. У меня отливка получилась только со второго раза, так как первую я случайно сломал.

27 октября

Ездили на предприятие, где нам читали лекции по системе шлюзования. Потом примеряли скафандры. Хотя они были и не маленьких размеров, я еле влез. Пришлось попотеть порядком. Но, как говорится, «лю-

бишь с горочки кататься, люби и саночки возить». Плохо еще то, что не было в тот раз хорошей вентиляции. С какой радостью после всех необходимых манипуляций я вылез из этой «шкур»! Меня утешили: скафандр будет больше, а это всего-навсего технологический комплект.

30 октября

Едем на испытания ЦФ (центрифуга). С нами Виктор Горбатко.

О том, как происходит вращение на ЦФ, много писать не буду. Кабина, в которой пришлось крутиться, большими удобствами не отличалась. Дело в том, что твоя поза в кабине не соответствует нормальной. Нет возможности схватиться за что-либо руками, чтобы сгруппироваться.

Каждому вращению предшествовал тщательный медицинский осмотр. Все заносилось: данные кардиограммы, мнения невропатолога, терапевта. Ну и естественно, как обязательное условие, — сдача анализов после каждого вращения.

Вращение я перенес хорошо. Но вот там, где не надо, вдруг обнаружился белок и эритроциты.

После этого начались мои мытарства. Во-первых, намеченное на завтра вращение по новой программе было для меня забито. Я целый день только и делал, что сдавал анализы, а в это время Елисеев и Кубасов вращались.

Все-таки вечером мне сообщили, что 3 ноября я смогу снова проходить испытания. Включили меня в группу с Комаровым и Хруновым. На этот раз все обошлось благополучно. После медицинского осмотра решили поехать домой.

4 ноября

Позавчера выпал первый снег. Мы думали, что ненадолго. Но вот уж третий день, а он не собирается таять. На улице мороз — минус 18.

А еще за два дня до снега у нас было испытание в термокамере. Для нас это было новинкой.

Как всегда перед испытанием, у нас был полный врачебный контроль. Перед началом встал вопрос: кому идти первому? Решили тянуть жребий на спичках. Первым оказался Валера Кубасов. Я — последним.

Мое испытание началось примерно в 14 часов 30 минут. Но вначале записали все мои «показатели»: давление, температуру, пульс.

Затем одели в легкую полетную одежду. На ноги обули унты.

И вот я вхожу в камеру. Воздух раскален. Усаживаюсь поудобнее, с тем чтобы больше уже не ворочаться. Руки кладу на колени. Доктора накрывают их полотенцем. Камера закрывается.

Связь с доктором только через окошко в двери.

Для того чтобы не соскучился, включают музыку. Температура довольно высокая, как в парилке. Как ни странно, но я потею не очень здорово.

Через каждые 10 минут в камеру входит врач, который с ходу сует в рот градусник, а другим прибором быстро измеряет давление. На тридцатой минуте испытания прекращаются. Но это только еще ознакомительный этап.

Через день испытания повторяются. Разница только та, что сидел я не 30, а 53 минуты. Любопытная штука: температура тела поднялась до 38,7 градуса (исходная 36,7), давление — 200/140 (исходные 110/60).

Несмотря на эти показатели, самочувствие было в общем хорошее и можно бы еще посидеть. Но у медицины законы строгие. Главный врач на «чистом латинском» языке подытожил: «Будя!»

7 ноября

Праздник провел в кругу друзей, где познакомился с автором книги «Космонавты живут на Земле» Геннадием Александровичем Семенихиным. В обсуждении книги приняли участие почти все гости.

11 ноября

Сегодня назначены полеты на невесомость. Для меня это первый полет. На борту нас трое: Леша Елисеев, Валерий Кубасов и я. Выполняем две «горки». Затем идут исследования на вращающемся кресле. Еще две — свободное плавание. Первая часть испытаний для медицины: снятие фоновых данных организма, вторая — ознакомление с невесомостью. На нас надеты тренировочные костюмы, поверх которых закреплены подвесные парашютные системы. Сами же

парашюты лежат в сторонке. Это, как говорится, на всякий непредвиденный случай.

...Через две минуты самолет приступит к выполнению «горки». На табло вспыхивают слова: «Внимание! Невесомость!» Космонавты занимают исходное положение. Инструкторы дают последние наставления. Врачи включают регистрирующую аппаратуру. Кинооператоры наводят объективы.

Гул моторов усилился. Стала заметной вибрация. Самолет достигает критической скорости, и летчик плавно переводит его в набор высоты. На плечи давит перегрузка.

Проходит еще десяток секунд. Невольно задерживаешь дыхание: наступает необыкновенная легкость. Гул моторов затихает, мы в невесомости. На эмоции, впрочем, обращать внимание некогда. Все заняты заданием. Лишь один из врачей пристально следит за секундомером. «Конец!» — произносит он, и все тут же стараются «приземлиться». После невесомости наступает режим перегрузки.

В тот день после выполнения первого полета на невесомость мы готовились к повторному. Но неожиданно появилась облачность. И мы скучаем в салоне.

Наконец раздается команда: «Приготовиться!» Заработали моторы. Быстро надеваем парашютные системы. Все повторяется, как в первом полете.

Тяжелая физическая работа в скафандре предъявляла большие требования к компенсаторным возможностям организма.

После приземления все едем на врачебный осмотр. Затем разбор полетов.

Один экипаж сменялся другим, одна программа работ сменяла другую. Много повторялось: обследование, подготовка, полеты, разбор. Иными словами, шла обычная будничная работа.

18 ноября

Опять занятия на комплексном тренажере. На этот раз нас трое: Юрий Гагарин, Виктор Горбатко и я. На этих занятиях я еще раз смог убедиться, как четко работает Юрий Алексеевич. Инструкторы умышленно давали нам «аварийные» ситуации, из которых он, как командир экипажа, с честью выходил, своевременно принимая правильное решение.

21 ноября

С утра комплексный тренажер. В том же составе: Гагарин, Виктор и я. С собой остался недоволен. Связь с Землей веду еще неуверенно. Надо стараться. После тренажера физкультура. Сегодня упражнения для развития силы. Работаю со штангой. В конце занятий вращение на расстопоренном «лопинге». Это уже тренировка вестибулярного аппарата.

После ужина, где-то около шести часов, подготовка к завтрашним испытаниям на тренажере. Занимаемся у Юрия Алексеевича в кабинете. После занятий он подарил мне значок с изображением В. И. Ленина.

23 ноября

Ну, во-первых, начну с того, что сегодня у меня день рождения. Мне исполнился 31 год. Пошел четвертый десяток. Да, время летит быстро, а сделано еще очень мало...

4 декабря

В эту неделю очень много занимался вечерами, ведь скоро госэкзамены.

4 апреля

Вечером провожали наших товарищей на космодром. Готовится первое испытание космического корабля «Союз».

23 апреля

Я находился в группе управления в Центре космической связи. В 5 часов 35 минут в космос поднялся Володя Комаров на космическом корабле «Союз». Все шло хорошо.

Когда нам сообщили, что объект приземлился, мы выехали на аэродром, с тем чтобы успеть к самолету, вылетающему в Москву.

И вот здесь-то по дороге нас застала весть о трагической смерти Володи. Я плакал, как ребенок. Меня с Володией связывала хорошая давнишняя дружба.

ВОТ КАКОЙ ТЫ, КОСМОС!

**У порога космической орбиты ● Нас осталось
пятеро ● Ночь перед стартом ● Воскресенье,
12 октября 1969 года ● Счастливого пути,
мушкетеры!**

Под крылом лайнера, насколько хватает глаз, выцветший, невзрачный ковер степи, совершенно неотличимый на горизонте от такого же блеклого из-за безжалостного солнца неба. Кажется, этой однообразной картине не будет конца, и наш самолет уже не движется вперед, а просто висит в раскаленном воздухе. Наконец — посадка.

— Ну вот и приехали, космодром! — кто-то громко произнес у меня за спиной.

В открытую дверь кабины ворвалось сухое и жаркое дыхание раскаленной степи, пахнуло незнакомым горько-пряным ароматом. Так пахнут полынь и донник перед ожиданием дождя. Усталый посвист выключенных турбин потонул в звнящем стрекоте цикад.

Так вот она какая, земля космодрома, порог космической орбиты!

Чувство необыкновенного, неземного властно за-

хватило меня. Оно напомнило тот день, когда Левитан, сдерживая ликование, торжественно донес до нас по радио слова о том, что первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту вышел на орбиту вокруг Земли и что пилотом-космонавтом этого космического корабля-спутника является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Я не заметил, как пролетела дорога с аэродрома и мы внезапно очутились в городе. Именно в городе, а не в городке. Замелькали современные дома, магазины. Театр. Стадион. Обычная, в общем-то, картина. Но жадно смотришь вокруг, невольно выискиваешь какие-то особые приметы, печать того необыкновенного дела, что вершится здесь, посреди бескрайнего простора казахстанской степи.

Главные приметы космодрома, конечно, в его рабочей зоне. Огромная машина монтажного корпуса, где проводятся подготовка, сборка и испытания ракет и кораблей. Грандиозность сооружений стартового комплекса меня прямо-таки поразила. Вероятно, потому, что эти строения на фоне монотонного степного пейзажа выглядят как-то уж очень громадно.

После беглого осмотра космодрома вся наша семерка участников предстоящего нового большого эксперимента в космосе: Г. Шонин, В. Кубасов, А. Филиппенко, В. Горбатко, В. Шаталов, А. Елисеев, я и наши дублеры — отправилась снова в город, в гостиницу.

Поели и легли спать. Честно признаюсь — мне не спалось. Долго ворочался. Потом накинул куртку на плечи и вышел на балкон...

Похоже, что скоро наступит утро. В воздухе посветлело, и над степью потянул сухой низкий ветер. Мелкие листочки карагача звонко забились на тонких ветках, что-то лопотал не по-русски остролистный клен, да за сопками тяжело и монотонно гудели моторы автомашин.

По всему видно, скоро утро. Но сейчас пока над миром царствует ночь. Осенняя ночь. Россыпи звезд на небе. Молчаливые. Таинственные. Холодные. И бесконечно далекие. Сколько же их? Не пересчитать.

Здесь они иные, непохожие на подмосковные. Вот созвездие Ориона, чуть в стороне — Девы. А вот Скор-

пион. Самая яркая его звезда Антарес. По гороскопу Скорпион покровительствует родившимся в ноябре. Выходит, что Антарес — моя звезда.

...После завтрака ездили на площадку, где стоит несколько маленьких уютных стандартных домиков. Они окружены невысоким забором. Вокруг домиков — кустарник и несколько уже успевших подрасти тополей. К крыльцу дома ведут неширокие, посыпанные битым красным кирпичом дорожки.

Два домика стоят особняком: «королевский» и «гагаринский» — так их называют здесь. Все здесь осталось так, как было много лет назад. На улице жарко, а в домике прохладно. Говорить не хочется, а если и надо что спросить или ответить, то делаем это только шепотом. Выходим на улицу.

Два домика стоят рядом.

Домик конструктора первых ракетно-космических систем и домик первого в мире космонавта. Два музея истории величайшего свершения. С. П. Королев и Ю. А. Гагарин будут жить в памяти родных, друзей, однокашников, в памяти всех людей Земли. Жизненный подвиг двух коммунистов был и останется на все времена примером нестигаемого мужества, воли и упорства, высокой требовательности к себе, беспредельной преданности делу своей жизни, Родине, партии. Он всегда будет звать к новым дерзновенным свершениям, вести навстречу мечте.

Домик Гагарина являлся для него и многих его космических крестников: Титова, Николаева, Поповича, Быковского — последним пристанищем на Земле перед дальней дорогой. Здесь проводили они ночь перед полетом, отсюда со своими дублерами выезжали на старт.

Сейчас построен уже другой, современного типа дом-гостиница, на стене которой написано: «Космонавт». Это даже не дом, а целый комплекс для пребывания космонавтов во время их предстартовой подготовки на космодроме. Этот комплекс располагается в получасе езды от стартовой площадки.

Здесь все для занятий и отдыха космонавтов: отличные уютные комнаты, закрытый спортивный зал, большая столовая, кинозал.

Территория комплекса большая. Зеленые аллеи, многочисленные молодые посадки кустарника и деревьев, два теннисных корта, баскетбольная площадка.

Наша семерка живет на втором этаже. Меня определили в небольшую, со вкусом обставленную комнату. Анатолий Филипченко и Виктор Горбатко разместились в двухместной. Двухместные комнаты и у Шаталова с Елисеевым, и у Шонина с Кубасовым. Но это, разумеется, сущая формальность. Практически я у себя только сплю, а все остальное время провожу вместе с ребятами.

Распорядок дня у нас, прямо скажем, жесткий.

Подъем в 7 часов 30 минут. Зарядка, а затем душ и завтрак.

До обеда идут напряженные занятия или здесь же, или на старте. После обеда отдых и затем опять занятия.

Перед ужином, если выдается свободное время, — спортивные. Тогда же можно посмотреть кинофильмы или заняться чем-нибудь другим в зависимости от собственного желания и запаса личного времени. В холле установлены телевизор и радиола. Отбой в 23.00.

Наш подъем почему-то всегда начинается со знакомой всем «Черемшины», записанной на пластинку, которую доктор Николай Александрович ставит по утрам, проявляя при этом поразительное упорство и постоянство.

...Сегодня во второй половине дня еще один, освященный традицией космодрома ритуал. Едем на митинг к тем, кто готовит корабль к старту, отправляет его в космическую высь.

Вдали показались знакомые очертания мощной ракеты, величественно вытянувшейся по стойке «смирно». В верхней части головного обтекателя хорошо видны двигатели системы аварийного спасения. Это они в случае аварии во время старта уведут на безопасную высоту кабину с космонавтами и обеспечат возможность всада парашюта. А дальше все произойдет, как записано в штатной программе посадки.

Автобус бьезжает в ворота.

Подъезжаем к подножию ракеты. Здесь, на широ-

кой площадке, нас уже ожидают стартовики, выстроившиеся П-образной группой.

Как только мы подошли, группа замкнулась квадратом, и мы оказались посредине. Выстраиваемся линией в том порядке, в котором нам лететь: Георгий Шонин и Валерий Кубасов; Анатолий Филипченко, Горбатко и я; Владимир Шаталов и Алексей Елисеев. Дальше стоят наши дублеры. Некоторые из них вам уже знакомы: Андриян Николаев, Виталий Севастьянов, Николай Рукавишников.

Приветливо машет из толпы невысокого роста широкоплечий руководитель бригады монтажников Юрий Иванович. Мы с ним старые приятели еще со студенческой скамьи. Подходит Анатолий Васильевич, старейший конструктор, работающий на предприятии с момента его основания. Он обнимает меня и похлопывает по спине. Анатолий Васильевич часто бывает в доме родителей. Они с отцом закончили один авиационный техникум, затем вместе работали.

И снова рукопожатия, добрые слова, искренние пожелания успеха.

Начинает немного накрапывать дождик, как бы проверяя у людей настроение.

Но стартовики и не думают расходиться. В руках у многих цветы, которые они осторожно укрывают полами плащей и пальто.

К микрофону, прикрытому от дождя, подходит руководитель группы обслуживания. Он докладывает о полной готовности кораблей к полету и заканчивает свой доклад такими словами:

— Мы знаем, что любимые сувениры космонавтов — ключи, которыми открывают на пульте управления предпусковые операции. Мы сбережем их для вас. Возвращайтесь с победой! С нетерпением будем ждать вас на родной земле!

Нам преподносят — где только взяли в это время года — пурпурные гвоздики.

Многие выступают с напутственными словами, читают собственные стихи, посвященные космонавтам, может быть, и не очень складные, но зато искренние, идущие от сердца.

Растроганные, мы благодарим всех за добрые слова, твердо обещаем сил своих не жалеть для выполнения программы полета, с честью оправдать оказанное нам

доверие там, в далеких космических далях. Казалось, самые обычные в таких торжественных моментах слова, даже несколько громковатые, но как мы благодарны за них этим труженикам «земного» космоса!

Торжественно звучит над степью Государственный гимн Советского Союза. Это одна из тех сокровенных минут, когда с особым волнением думаешь о Родине. Думаешь как о живом человеке, бесконечно дорогим и близком тебе. О партии. И конечно, о самом полете.

Какое это огромное счастье чувствовать, знать, что тебя признают достойным представлять такой народ, что тебе вверяет свой труд, свои помыслы и надежды многомиллионное братство людей, объединенных дорогим и самым священным понятием — твоя Отчизна.

Митинг закончен. Построившись по экипажам, мы идем живым коридором провожающих нас людей к автобусу.

Завтра сюда придут первые из нас, экипаж «Союза-6», а послезавтра...

Возвращаемся к себе в гостиницу. Время ужинать. После ужина решаем собраться в комнате, где живут Шаталов и Елисеев. Нам есть о чем поговорить за несколько часов до старта.

По русской традиции накрываем стол. Правда, он сегодня не совсем обычный. На столе бутылки «Боржоми» и большая коробка шоколадных конфет с интригующим названием «Птичье молоко». Это жена В. Шаталова положила ему в чемодан на «дорожку».

Деловая часть заняла не больше получаса. А затем...

Командир нашего космического экипажа предельно лаконичен:

— Ну что ж, за успех!

Разом подняли и сдвинули стаканы с искрящейся водой. «Закусили» конфетами. Через минуту коробка оказалась пустой.

Повертев в руках красивую упаковку, Володя вздохнул:

— А теперь по «домам». Отдыхать.

Расходимся по своим комнатам. Шонин и Кубасов на время попадают в руки врачей.

И вот он, 11-й день октября.

Начинаем его легкой разминкой в зале. В 8. 00 собрались на завтрак. Все за одним длинным столом — основные экипажи и дублеры. Сегодня пища еще земная, но в меньших, чем обычно, количествах: кусочек мяса, ломтик белого хлеба, стакан сока.

Разговор не клеится, на шутки никто не реагирует, лишь улыбаемся, чтобы не обидеть неугомонных весельчаков. Каждый думает о своем, хочется тишины и того самого внутреннего уединения, которое позволяет сосредоточиться перед броском.

Георгий Шонин и Валерий Кубасов позавтракали первыми и тут же отправились к врачам. Последний предстартовый осмотр.

Перед отъездом на стартовую площадку вся семерка: Шонин, Кубасов, Филипченко, Горбатко, Шаталов, Елисеев и я — собралась в комнате, где жил экипаж «Союза-6».

Тесновато. Присели кто на чем. Помолчали, как положено перед отъездом. Не сговариваясь, запели, почти разом, вполголоса:

Присядем, друзья, перед дальней дорогой,
Пусть легким окажется путь...

Песня — лучше не придумаешь!

Лица у всех задумчивые, серьезные. Расставание всегда где-то рядом с грустью. Мне тоже не бог весть как весело. Но сейчас время не для грустных размышлений.

Спрашиваю Шонина, что делать с его семечками.

— Думаю, у вас не пропадут, — смеется он, намекая, что я всегда с удовольствием составляю ему компанию по этой части.

В холл гостиницы пришли космонавты, дублеры, врачи, инженеры. Последние напутствия, крепкие мужские рукопожатия. Шонин и Кубасов садятся в автобус. Вот он тронулся и скрылся за поворотом. За ним сопровождающие машины. А мы еще долго стоим и смотрим вслед, терзаясь мыслью, которая приходит с опозданием: так и не успели сказать товари-

щам все те теплые слова, что были у каждого сбережены на душе.

До завтра, до встречи на орбите!

...В гостинице «Космонавт» нас осталось пятеро. Завтра очередь нашей тройки. Аккуратно заправлены кровати в комнате Кубасова и Шонина. На столе книги, пачка исписанных листов бумаги, тот самый пакет с семечками. У зеркала чей-то бритвенный прибор... Все это будет ждать возвращения ребят.

— Убери лишнее в шкаф, — попросил меня перед отъездом Валерий.

Выполнив его просьбу, уйду, прикрыв дверь опустевшей комнаты.

— Завтра я займусь твоими вещами, — шутит мой дублер. — Надеюсь, что все оставишь в таком же порядке...

— Надейся...

Странное состояние. Заниматься ничем не хочется. Раздумывать — тоже. Уже все сделано и все предусмотрено.

Чертовски медленно тянется время. Постоянно (это уже стало какой-то навязчивой потребностью) смотрю на часы. Стрелки ручного хронометра словно прилипли к циферблату. Хочется, чтобы как можно скорее наступил завтрашний день. И послезавтрашний тоже. Ведь на космическом перекрестке должны встретиться сразу три корабля.

Ветер хлещет колючим дождем в стекла холла. По серому, как земля, небу несутся тяжелые тучи. Кажется, им не будет конца. Но вот очередной порыв буйствующего степняка разорвал на небе мгlistую пелену. Солнечный зайчик пробежал через зал, скользнул лучом по зеленому сукну бильярда, ударил в костяной шар, но тот так и остался неподвижно лежать у борта...

Подходило время космической земной связи.

Все заторопились к телевизору. Смотрим, как наши товарищи на старте «обживают» корабль «Союз-6», слышим их голоса. Земля и борт обмениваются последними командами.

— Старт!

Когда ракета ушла ввысь, выскакиваем во двор, чтобы посмотреть на ее огненный след. Стоим, задрав

головы, но, кроме облаков и дождя, ничего не видим. Только ветер доносит раскаты ракетного грома. Звук тает во влажном воздухе. Он расстается с Землей и сейчас принадлежит только «Союзу-6».

Распорядок дня на космодроме строг. Но журналисты народ напористый. Добились-таки своего. Нас, экипаж «Союза-7», приглашают на встречу с ними. Располагаемся в холле гостиницы, под развесистой пальмой, ставшей уже знаменитой. Корреспондентов — они в марлевых масках — усадили метрах в пяти от нас (врачи опасаются инфекции, нахлынула волна гриппа).

Я частенько встречался с журналистами во время пребывания в отряде космонавтов, наблюдал за их работой, следил за выступлениями в печати. Временами просто поражался, сколько же нужно энергии, знаний, изобретательности, настойчивости, умения, чтобы всюду поспевать, мгновенно схватывать существо дела, толково и доходчиво доносить до читателей тайны чужих профессий и дел.

Многих из журналистов я знаю лично. Прямо перед нами в первом ряду степенный «правдист» — Герой Советского Союза Сергей Александрович Борзенко, внушающий мне благоговейное уважение почти идеальным сочетанием писательского мастерства со всеми достоинствами настоящего человека, коммуниста, воина. Вон стоит с краю неугомонный бородач из «Комсомолки» Ярослав Голованов. Рядом с ним — высокий военный с безупречной выправкой. Это Михаил Ребров, инженер-подполковник, специальный корреспондент «Красной звезды». Он мне знаком, пожалуй, ближе других. Ему я открыл свое сокровенное желание приобщиться к журналистскому ремеслу. Теперь уже я могу с уверенностью сказать, что он стал для меня своего рода «крестным отцом» в этом деле.

На первый вопрос журналистов: «Какое сейчас самое большое желание?» — ответ мы выпаливаем единым духом:

— Поскорее сесть в корабль.

Эта мысль действительно засела в голове, не дает сосредоточиться на другом. Наверное, оттого и чувствую себя, что называется, не в своей тарелке.

У Анатолия Филипченко и Виктора Горбатко за плечами годы службы в авиации. Для них отряд кос-

монавтов — продолжение летной биографии. К тому же им доводилось испытывать предстартовое волнение: они бывали дублерами.

Для меня предстоящее «завтра» вовсе не продолжение, а самое настоящее начало. Мне не пришлось походить в дублерах. Правда, от этого путь в кабину космического корабля не стал короче или легче. Так, может быть, немного наивно, размышлял я, слушая, как рассказывают о себе журналистам товарищи по экипажу.

Но вот вопрос непосредственно ко мне. Как говорится, по существу:

— Какова программа полета «Союза-7»?

Я невольно улыбнулся. «Ничего себе задача — рассказать в двух словах о том, что записано в наших толстенных бортжурналах». Но все-таки в чем же главное? Наверное, так:

— Объем программы исследований в наших трех полетах настолько обширный, что его даже трудно сравнить со всеми предыдущими. Наш корабль, в частности, представляет собой настоящую научную лабораторию. Очень много самой разнообразной аппаратуры и весьма сложной, так что практически невозможно коротко о ней рассказать. Основная же цель исследований и экспериментов — получить новый материал для совершенствования космической техники, сделать еще увереннее поведение человека в космосе.

Пресс-конференция окончена. Николай Петрович Каманин отправляет нас на очередные процедуры. Корреспонденты шумно желают нам успеха, всего доброго. Смотрю, боком-боком, осторожно подвигается ко мне Михаил Ребров и молча вкладывает в карман куртки какой-то конверт.

— Сейчас не вынимай, — предупреждает он мой невольный жест, — посмотришь потом, в комнате, и дашь знать, как твое мнение.

Но человек я любопытный, и меня мучает вопрос: что же все-таки положил в мой карман Миша Ребров?

Вот это да! В конверте оказалось удостоверение специального корреспондента газеты «Красная звезда» и командировочное предписание «с получением сего направиться в космос для выполнения задания редакции».

Даже немножко неловко стало. Уж очень не хочет-

ся, чтобы это было только формальностью. Но не зря ведь сказано: «Назвался груздем — полезай в кузов».

Чуть позже, на занятиях по физической подготовке, улучив момент, сказал Реброву:

— Спасибо, Миша. Сделаю, что смогу.

Разминка закончилась. Теперь волейбол. За долгие дни пребывания на космодроме у нас были созданы две полноценные и примерно равные по силам волейбольные команды из числа «летного состава». А как быть теперь? Ведь Георгий и Валерий работают на орбите... После долгих споров команды были все же укомплектованы, пришлось привлечь конструкторские кадры.

Космонавты народ темпераментный и острый на язык. И поэтому наша игра, может быть, и далекая от термина «высокого спортивного мастерства», отличается большим азартом и, конечно, розыгрышем кого-нибудь из партнеров. Особенно если он дал «слабинку».

— Подавай на Жору, это же не игрок! — подсказываем мы подающему.

Мяч действительно летит по адресу, и, как часто бывает, игрок тушуетя.

— Давай на Жору! — продолжаем горланить мы.

— Да не надо ему блока, он все равно в сетку ударит!

Каждый выигрыш мяча сопровождается ребячьей бурей восторга. Проигравшей команде потом долго не дают прохода, намекая на «неполноценность» или задавая традиционные вопросы:

— Ну как себя чувствуешь? Может быть, заболел? Грудная жаба донимает?

— Нет.

— Ну, тогда переходи на «домино». Интеллигентнейшая игра, а волейбол не для тебя. Хотя... если лучше потренироваться...

И дальше в таком же духе. Но все прекрасно понимают шутки и охотно поддерживают их.

Игра закончена. Теперь — в душ, и пора идти на ужин.

Прежде чем сесть за стол, мы проходим в угол, к тумбочке. На ней большое блюдо с ватными тампонами, пропитанными спиртом. Это предписание медицины — с целью профилактики. Ребята предварительно

обнюхивают тампон и, притворно передергиваясь, фыркают:

— Фу, какая гадость!..

— Ужасно неприятный запах. Неужели это спиритус-виниус?

Это вопрос к доктору. Тот утвердительно кивает головой и традиционно улыбается, понимая, что за этим последуют и другие вопросы, столь же «глубокомысленные».

— А вы знаете, доктор, я где-то читал, что в старину наши достопочтенные предки тоже в целях профилактики потребляли подобные составы, правда, в несколько большем количестве и обязательно внутрь. Сейчас что, это уже устарело?

— Ах, ты уже забыл! — продолжает кто-то из ребят, не давая доктору вставить слово. — Сейчас медицина сделала качественно новый скачок вперед! Вот так-то, братцы! — это уже обращение к товарищам.

За стол садимся каждый на свое место, которое было закреплено негласно с первого дня приезда. Где первый раз сел, там и сиди.

— Валя, — обращается Леша Елисеев к официантке, — ты этих ребят сегодня можешь не кормить, — показывает он на Филипченко, Горбатко и меня. — Зря только продукты будут переводить. У них сегодня вечером... медицинские процедуры!

Громкий смех прерывает его. Официантка только пожимает плечами.

— Он шутит, шутит, — выручает ее Толя Филипченко. — Несите всем, а Владиславу дайте две порции, а то он совсем «исхудал».

Это уже в мой адрес. Мой относительно большой вес — дежурная шутка.

— Смейся, смейся! Но есть хорошая пословица: «Пока толстый похудеет, тощий концы отдаст», — парирую я.

— Что да, то да... — но это уже в адрес Виталия Севастьянова — у него вес «мухи».

Все переключаются на Виталия. В общем, скучать не приходится.

Ужин закончен. До сна еще часа два с половиной. А между отбоем и ужином еще должны прокрутить фильм. До начала картины есть еще время. Часы показывают 19.30.

Заказываю разговор с домом. Соединили быстро. Телефонистки просто молодцы, как будто понимают наше состояние.

Последний разговор с семьей перед завтрашним днем.

— Это ты? — раздается в трубке близкий и родной голос жены. — Как себя чувствуешь, как дела? — волнуется она.

— Все в порядке, и самочувствие отличное, — подчеркнуто бодро отвечаю и сам тороплюсь узнать о родных: — Как дома, все здоровы? Как у Володьки дела в школе, как мама, папа?

— Все живы, здоровы. Волнуемся за тебя. Будь осторожен! — Это уже чисто по-женски. Но в самом деле, как бы не обзавестись насморком.

— Хорошо, хорошо. Все будет в порядке. Как Аполлошка?

— Кусает меня за ноги! Это значит, он просит есть, — говорит Людмила.

Речь идет о маленьком котенке, которого я перед отъездом на космодром принес домой, и мы успели полюбить его. Уж больно он веселый и смывленный.

— Дай-ка Володьку к телефону.

— Здравствуй, па! — разносится в трубке уже почти что мужской голос сына.

— Володя, слушайся маму и во всем ей помогай. Понял? Ты сейчас в доме остался за хозяина! Мужик как-никак.

— Хорошо, все сделаю! До свидания!

— Ну до свидания! Целую вас! Привет всем родным.

По заведенной традиции фильм заказывают отбывающие в космос. Вчера заказчиками были Георгий Шонин и Валерий Кубасов. А сегодня право выбора предоставлено нашему экипажу. После недолгих дискуссий останавливаемся на фильме «Кавказская пленница» (которую Алексей Елисеев упорно называет «племянницей») с участием замечательных комедийных актеров Ю. Никулина, Е. Моргунова и Г. Вицина. Фильм самый подходящий для разрядки. Но на этот

раз я смотрел его как-то рассеянно. То ли оттого, что не в первый раз, то ли потому, что подступало завтра.

Отсмеялись те, которым смеялось, и нас взяли в свои руки врачи (разумеется, не для того, чтобы пощекотать для веселья). После положенных процедур расходимся по своим комнатам. Анатолий и Виктор к себе, а я в свою «однокомнатную квартиру» — напротив. Им, понятно, повеселее — вдвоем. Я один... И почему не предусмотрели трехкоечный номер при проектировании, подумал я, в душе поругав архитекторов. Не люблю одиночества. На людях куда приятнее.

Присел за стол. Просто так. Положил локти и... «Буду о чем-нибудь думать. Сидеть и размышлять», — решил я. Но мыслей никаких не рождалось, какой-то провал. Пустота. Но не та пустота, которая абсолютный вакуум. Пустота, чем-то заполненная. И пожалуй, не просто «чем-то», а значимым и даже подсознательно осязаемым. Но поток информации настолько велик, что своим объемом он ставит в тупик, мозг не успевает обработать ее. Да-да, это не пустота, не провал. Так, наверное, бывает весной на реке — затор. Все кружится, трещит, стреляет, а сдвинуться не может. Машинально стал перебирать личные вещи, журналы, которые читал в редкие свободные минуты... В некоторых из них были кроссворды, но они уже наверняка заполнены. Это мое одно из любимых занятий на досуге, особенно в дороге.

Перед глазами почему-то встали все детали дневных событий, отрывочные слова, отдельные реплики, какая-то калейдоскопическая мешанина.

Вспомнились проводы на космодром.

Мы вылетали с одного из подмосковных аэродромов. Времени до отлета оставалось около часа, и мы сгруппировались в кругу товарищей и друзей недалеко от стоянки самолета. Погода прекрасная. На небе ни облачка, слегка пригревает осеннее солнце.

Внешне настроение у всех приподнятое. Лица П. Беляева, П. Поповича, В. Быковского, А. Леонова выражают искреннюю радость за всех нас. Ну, а что стоит за их улыбками? Тревога? Воспоминания?

Павел Беляев, обняв меня за плечи, сказал:

— Ну вот, Владислав, настал и твой черед. Твой

звездный час. Дождался наконец-то. Будем встречать!

— Спасибо, Паша.

Я прекрасно понимал, что об этом еще рано вести речь. Как говорят у нас в Звездном, пока не вышел на орбиту, не строй иллюзий...

Но вот наш старт стал реальностью. Завтра — в полдень.

...Теперь все убрать со стола, кроме того, что надо будет взять с собой в корабль. Рука невольно потянулась к полетному бортжурналу. Он лежал на тумбочке, возле кровати. Для нас он сейчас настольная книга. Сине-серая плотная обложка, на которой золотыми буквами выдавлена надпись: «Журнал бортинженера космического корабля «Союз-7» 1969 г.».

В левом углу герб Советского Союза, внизу четыре крупные буквы — «СССР».

Журнал аккуратно переплетен. В нем как бы две части. Одна заполнена страницами с расписанной по минутам программой полета, бланками радиограмм, инструкциями на проведение динамических операций, научных и технических экспериментов, различными графиками и таблицами. В них могут разобраться только специалисты.

Другая часть — это чистые листы, на которых космонавты делают всевозможные записи, расчеты и пометки во время космического полета. Они-то, эти листы, в первую очередь и просматриваются после возвращения на Землю.

Словом, бортжурнал — это целая «космическая энциклопедия».

Перелистываю его в который уже раз. Кажется, ничего не забыто. Все в полном порядке. Даже автоматическая ручка и специальный карандаш уложены в свои отделения сбоку бортжурнала и привязаны к нему капроновыми нитками. Ведь в космосе все, что не закреплено, обязательно «поплывет».

Смотрю на часы. Время до отбоя еще есть. Пойду-ка загляну к ребятам. Как они там?

А они сидят за столом и тоже листают бортжурналы. Просто удивительно, подумал я. Ведь каждый из нас знает почти наизусть всю программу от витка к витку и все равно еще и еще раз пробегает ее от корки до корки.

Выходим с Виктором на балкон. Кутаемся в кожаные куртки и пониже нахлобучиваем шапки. Не дай бог простыть!

Вокруг тишина, нарушаемая редкими гудками, и темень с мигающими светлячками фар проезжающих неподалеку машин.

Не слышно возни в конуре и лая собаки, которая прошлую ночь не давала нам заснуть. Может быть, понимает, что лаять сегодня ни к чему. Она же умная. По-моему, Павлов сказал, что собака вывела человека в люди... А может, ее просто на эту ночь увели в другое место.

Позади здания, в черноте южной ночи, рубинами горят огоньки высокой телевизионной вышки. Молча смотрим на черное небо с рассыпанными по нему звездами. Мысли наши сейчас там. Не хочется говорить. И поверить трудно: где-то в этой бездонной тьме Валера и Георгий. А завтра отправимся туда и мы, чтоб отыскать их. Непостижимо просто...

Наше молчание прерывает вышедший на балкон Анатолий.

— Ну, как там, на небесах?

— Что, не выдержал, командир? Заходи, гостем будешь! Правда, вот сесть не предложим, — приглашаю я.

Анатолий обнимает нас за плечи:

— Шутки шутками, а завтра мы можем быть уже там, — говорит он, устремляя свой взгляд на небосвод.

— Честно, как-то не доходит, не укладывается в сознании все сразу, — отвечает, чуть помедлив, Виктор.

Я его понимаю. Ведь из нас троих он дольше всех ждал своего часа. Для этого нужно незаурядное упорство.

Невольно я подумал, что совсем не так представлял себе ожидание встречи с космосом. Почему-то нисколько не волнует то, как воспримутся перегрузки, коварная невесомость. Мысль о том, что полет сопряжен хотя бы с минимальным риском, не приходит в голову.

Вся забота — точно, не упустив ни единой мелочи, выполнить программу исследований и экспериментов.

Наверное, это сказывается подготовка. И не только спортивная, а чисто техническая. Ну и психологическая самоподготовка. Ведь в ней бесценный опыт наших предшественников. И прежде всего Юрия Алексеевича Гагарина.

Я убежден, что в становлении каждого космонавта, и нынешних и будущих, заложена огромная доля его подвига, его труда, его мужества. Его жизнелюбия. И, если хотите, юмора.

Ведь в ту апрельскую ночь перед стартом легендарного «Востока» Юрию Гагарину довелось испытать и преодолеть одному за всех нечто неизмеримо более трудное.

Но он никогда не говорил сам об этом.

Впрочем, Николай Петрович Каманин как-то рассказывал нам, что накануне старта он спросил Юрия:

— Между нами: когда ты узнал, что полетишь?..

Тот, словно ждал этого вопроса, заговорил, не дослушав Николая Петровича до конца:

— Я все время считал мои шансы и Германа одинаковыми и только после того, как вы объявили нам о решении комиссии, поверил в выпавшее мне счастье.

Юрий, по словам Николая Петровича, тогда немного помедлил, потом смущенно улыбнулся и продолжил:

— Знаете, Николай Петрович, я, наверное, не совсем нормальный человек. Завтра полет. Такой полет! А я совсем не волнуюсь. Ну ни капли не волнуюсь. Разве так можно?..

Не знаю, как кому, а для меня вот это отсутствие истерии риска, героизм, уложенный в скромное до предела поведение, говорят о человеке несравненно больше и ярче, чем самые красивые слова о совершенном им подвиге. При всей одержимости таких людей своим делом оно для них не арена, а сама жизнь. Поэтому волнение о своей личной судьбе, естественное чувство страха перед неизвестным отступает, отходит куда-то на второй план.

Из задумчивости меня выводит голос командира:

— Пошли в комнату. Что-то холодновато стало.

Пожалуй, верно. Хотя мы и в теплых куртках и

шапках, промозглая прохлада может «одарить» нелепостью вроде насморка, и тогда...

Но об этом лучше не думать.

Шаги в коридоре.

Наш врач Николай Александрович приоткрыл дверь в комнату и напомнил, что пора идти отдыхать.

— Иду, иду, Николай Александрович! Только «Боржомчика» выпью стаканчик.

Около выходных дверей старательно мерзнут холодильники. Достая бутылку «Боржоми», наливаю себе и ребятам.

— Ну, я пошел! Спокойной ночи! — прощаюсь до утра.

В комнате на стуле аккуратно уложено нижнее и верхнее белье, которое надену завтра утром.

Гашу свет и залезаю под теплое одеяло.

Одиннадцать часов. Значит, дома в Москве жена отправляет сынишку спать. Тот, конечно, будет тянуть волюнку: то ему пить захочется, то забудет сходить в туалет, и все в таком же духе. Наверное, все ребята одинаковы. Почему им никогда не хочется спать? Станный народ.

Вспомнились настороженные, вопрошающие глаза сына, которыми он смотрел на меня, узнав о моем отъезде. Потрепав его густые и жесткие волосы, с нарочитой безмятежностью пояснил:

— В командировку, Володька. Скоро вернусь.

— Папа, возьми, пожалуйста, туда с собой...

Он протянул мне спичечный коробок.

— Это еще что? — спросил я и стал открывать коробок.

— Земля... с Малахова кургана... Мы с ребятами привезли. Возьми с собой, ну что тебе стоит?

— Ну хорошо, так и быть, возьму.

С этими мыслями я и заснул.

Раннее осеннее утро. Из коридора опять несутся знакомые звуки «Черемшины».

Пора вставать. Выспался хорошо. Надев тапочки, выхожу в трусах в коридор и иду к весам. 78,5 килограмма. Полный баланс: вес и рост (179) соответ-

ствуют друг другу. Ну что же, все в норме. Доктор записывает цифру в свой журнал и делает первый беглый осмотр. Пульс и давление без изменений.

Заглядываю в комнату к ребятам.

— Мужики, подъем! — громко заявляю о своем присутствии.

Но Анатолий и Виктор уже на ногах.

Через несколько минут, одетые в теплые тренировочные костюмы и шапочки, выходим на улицу.

Маршрут бега хорошо знаком. Дышится легко. После пробежки делаем обычную разминку на деревянном помосте и стоящих здесь же «шведских» стенках. Сегодня зарядка несколько легче, чем обычно. Перенапрягаться ни к чему.

— А теперь в душ, — командует преподаватель физкультуры Иван Назарович.

Мы его уважаем. Он неприменный участник всех наших спортивных батальи. На космодром приехал с нами один. В Звездном остались другие наши преподаватели физкультуры. Среди них и Юрий Антонович, подготовивший не одну группу космонавтов, и молодые симпатичные ребята, отличные спортсмены Виктор, Андрей, Саша. Им всем обязаны мы, разумеется, не только спортивной осанкой и боевой выправкой.

После душа туалет. Надо тщательно выбриться, ведь за пять предстоящих суток полета такой возможности больше не представится. В безопасную бритву ставлю новое лезвие и аккуратно, чтобы не порезаться, бреюсь. Говорят, бритье — любимое занятие англичан, которые считают, что это единственная возможность остаться наедине со своими мыслями, с самим собой.

Стук в дверь.

— Ну-ну!

Как гриб после дождя вырос доктор.

— Владислав Николаевич, повеселее, — торопит он. — Может быть, помочь одеться?

— Спасибо! Попробую сам!

Надеваю нижнее, ослепительно белое белье и верхний полетный костюм мышиноного цвета. В костюм входят куртка, длинные брюки и мягкие, типа «борцовок», черные туфли.

На куртке костюма два верхних кармана с «мол-

ниями», сюда будут уложены различные документы, в том числе и удостоверение космонавта под номером 20. Документ с фотографией. Внизу слова:

«Волков Владислав Николаевич, бортинженер космического корабля «Союз-7».

Последний медицинский осмотр и последняя фоновая запись электрокардиограммы. Все идет хорошо. Врачи претензий к моему здоровью не предъявляют.

Настроение приподнятое.

Теперь осталось надеть медицинский пояс с установленными на нем датчиками. Конец разъема кабеля, идущего от пояса, чтобы не болтался, запикиваю в карман брюк.

Спускаемся вниз, в столовую.

Говорят, человек в радости все окружающее воспринимает через эту свою радость. Но сегодняшнее утро в самом деле удивительно светлое и торжественное.

Стулья Георгия Шонина и Валерия Кубасова свободны.

Сегодня еще три должны освободиться.

А пока последний земной завтрак: чашка бульона, кусочек постного мяса и ломтик белого хлеба. Как жаль, что в космосе нам придется есть другую, мало похожую на земную пищу.

Благодарим поваров и официанток, поднимаемся к себе в номера. На 11.00 назначена посадка в автобус. Он стоит уже у подъезда.

На полетный костюм надеты обычные брюки и кожаная куртка. Ботинки тоже пока земные. Космические будут надеты перед посадкой в корабль. На голове теплая сине-голубая шапочка, которая так же, как и брюки, кожаная куртка и ботинки, будет оставлена перед посадкой в корабль.

Забираю аккуратно уложенные в целлофановый пакет бортжурнал, навигационные карты и логарифмическую линейку.

Спускаемся на первый этаж в вестибюль. Прощаемся с обслуживающим персоналом гостиницы «Космонавт», людьми, готовившими нас к полету, инструкторами и остающимися пока здесь Шаталовым и Елисеевым. Они будут следить за нашим стартом по местному телевизору, так же как и мы вчера за Шониным и Кубасовым.

Снова, как вчера, как всякий раз перед отъездом к месту старта, мы, улетающие космонавты, прощаемся с теми, кто остается. Все они прекрасно отдают себе отчет, насколько сложен любой космический полет.

Садимся в автобус, который отвозил на старт многих наших предшественников. Сопровождать автобус будет несколько машин, обеспечивающих безопасность движения до самого места старта.

Отбрасываю висящие на окнах автобуса занавески. Машем провожающим руками. Наконец мы плавно трогаемся с места и медленно выезжаем за ограду. До свидания, гостиница «Космонавт»! До встречи через пять дней!

Дорога бежит широкой лентой, проложенной в степи. Справа проезжаем садовые участки. Слева остается железнодорожная станция, неподалеку от которой разбросаны маленькие домики местных жителей. Проезжаем базар. Тут же за коновязь привязаны несколько низкорослых лошадей.

Пригород остается позади, а дальше, куда ни кинешь взор, бескрайние просторы степей.

В автобусе весело. Сопровождающие пытаются как-то отвлечь нас и запевают песню. Громче всех звучит могучий баритон основного нашего инструктора Альберта Анатольевича. У человека такой заметной комплекции, настоящего сибиряка, иного голоса и не представишь. Ермак, да и только. Это он руководил нашими расчетами во время проведения многочисленных тренировок на комплексном тренажере. И наша пятерка за проведение зачетной тренировки — это и его пятерка. Уж мы-то знаем!

А песня качает автобус. Пели все, даже шофер что-то мурлыкал себе под нос, явно довольный столь дружной и веселой компанией. Посмотреть бы в это время на нас со стороны: ни дать ни взять на пикник собрались.

Песни сменяют одна другую без всяких интервалов. Даже больше — одна кончается, а кто-то уже затягивает другую. Вот разошлись!

Степь особенно хороша под ярким осенним солнцем. Смешно, как верблюжата, горбатятся невысокие сопки. Султанами рыцарских шлемов вздымаются на ветру пучки ковыля, трепещет еще зеленый типчак.

А сверху манит поразительная голубизна неба, которая бывает только, наверное, над степью.

Показалась махина многоэтажного корпуса, откуда некоторое время назад торжественно вывозилась ракета-носитель с установленным на ней и закрытым головным обтекателем космическим кораблем «Союз-7». Нашим кораблем.

Автобус делает остановку. Это традиция. Здесь же 12 апреля 1961 года останавливался Юрий Гагарин, а затем и все наши старшие товарищи. И мы тоже не хотим быть исключением.

С этого места стартовую площадку видно очень хорошо. Отчетливо просматривается корпус гигантской ракеты и стелющиеся по нему клубы белого дыма.

Незабываемое зрелище! Это надо непременно видеть самому, чтобы понять наши чувства. Увидеть и поразиться.

Есть такое слово — обомлеть. Обомлеть от восторга, от ожидания сверхъестественного. Вот все это вместе я ощущал, когда стоял перед нашей огненной колесницей.

В нескольких метрах от стартовой площадки белеет скромный обелиск, установленный в честь тех, кто первым пришел сюда и вбил первый колышек в расстрескавшуюся от солнца землю, тех, кто осуществлял запуски первых ракет-носителей, а затем и выводил в космос первые космические корабли. Поклон вам, люди!

Вот и конечная остановка. Автобус замер на большой площади перед стоящей на старте ракетой. Выходим. В глаза ударяет не по-осеннему яркое солнце.

Выстраиваемся в линию. В центре командир, Виктор слева от него, я справа. Так же, как и в корабле. Нас отделяет от стоящих недалеко людей несколько десятков метров.

Анатолий Филипченко негромко, так, чтобы слышали только мы, командует: «Пошли», и все трое одновременно шагаем навстречу комиссии.

Стараясь не выдать волнения, командир экипажа докладывает:

— Товарищ председатель Государственной комиссии! Экипаж космического корабля «Союз-7» к работе

готов. Самочувствие экипажа отличное. Командир корабля подполковник Филипенко.

— Посадку в корабль разрешаю. Желаем вам счастливого пути.

Вот они, долгожданные минуты!

Направляемся к лифту. Занимаем место в кабине. Нас сопровождает ведущий конструктор. Захлопнулись дверцы металлической клетки. Подъем. Остановка. Выходим на площадку, где нас уже встречают стартовики. Радостные и добрые лица. Подходим к краю фермы обслуживания. Она слегка шатается под ногами. Смотрим вниз и поднимаем над головой в знак приветствия руки. Традиционное прощание. Начало ему положил Юрий Гагарин.

Мы стоим у зыбкого барьера фермы обслуживания. Откуда-то сверху вдруг слышим голос:

— Ребята, посмотрите же хоть раз сюда!

Не сговариваясь, инстинктивно оборачиваемся на звук: на самой верхотуре фермы обслуживания, непонятно как, примостился фоторепортер. Машем и ему приветственно руками.

Пора садиться в корабль. Перед входом в люк-лаз орбитального отсека в виде коврика расстелен толстый кусок поролона, закрытого целлофановой пленкой. По очереди встаем на него, предварительно сняв земные ботинки, стаскиваем транспортную одежду и остаемся в полетных костюмах.

Занимаем место в орбитальном отсеке и приступаем к первому осмотру: все ли на месте, все ли взяли. Порядок!

Теперь можно занимать рабочие места в спускаемом аппарате. Первым, опять же через люк-лаз, сажусь в свое кресло я. За мной Виктор. Последним займет место командир Анатолий Филипенко.

Через этот же люк-лаз прощаемся с монтажниками, которые после нашей посадки выполняют свою последнюю операцию по закрытию и задраиванию люка орбитального отсека. Все остальное будем делать уже мы.

Занимаем рабочие места. Располагаемся в креслах с установленными в них ложементами, индивидуально изготовленными на земле для каждого из нас.

Теперь надо проверить привязные системы кресел.

Пока затягиваться рано, и мы оставляем их с небольшой слабинкой.

Сквозь иллюминаторы спускаемого аппарата пробивается свет, отчего становятся видными наборы швеллеров и уголков, идущих вдоль по внутренней части головного обтекателя. Значит, технологический люк еще не закрыт. Но вот и его закрыли. Стало темно. Включаем светильники внутреннего освещения.

Остаемся одни.

Внизу Земля, вверху космос.

Мы где-то между ними.

До того как прозвучит последняя команда, остается два часа. За это время мы должны проверить все бортовое оборудование и подготовиться к старту. Теперь уже стрелки часов не стоят на месте. Свободные минуты найдутся лишь в самом конце этого завершающего этапа на пути в космос.

Позывной нашего экипажа «Буран». Филиппченко — «Буран-один», Горбатко — «Буран-три», я — «Буран-два». А все вместе мы просто «Буран». За годы знакомства и месяцы тренировок все трое привыкли друг к другу, сработались и, как говорят, притерлись. Все трое разные по характеру. Несхожи наши вкусы. У каждого свои любимые книги. Собраться нам в культпоход не так-то просто. Один будет звать в Третьяковку, другой — в «Современник», третий — в Лужники. Мы и «болеем» за разные футбольные команды: всенные, как и положено, за ЦСКА, а я «старый» динамовец.

Над нами небо. В нем мы все трое становились на крылья: ребята в авиационных училищах, а я в аэроклубе.

У нас под ногами одна земля, наша, советская, на которой мы все родились. Мы все в ответе за наше общее дело, за наш полет.

Сказать, что все у нас шло гладко, без срывов, без споров, — будет неправдой. Всякое случалось. Были обиды, споры до хрипоты... Но не было разлада. Все это не разъединяло, а, наоборот, объединяло нас, сближало. Помочь товарищу во всем — в большом и малом, в личном и общем — стало законом для экипажа «Союз-7». Впрочем, по этому же закону жили и другие наши экипажи.

Мы вместе за долгие месяцы подготовки учились разбираться в сложнейших схемах корабля, вместе отработывали каждый пункт программы полета, вместе готовились к государственным экзаменам. Пятёрки в итоговой графе были победой каждого и всех вместе.

Анатолий, Виктор и я приступаем к работе. Много раз мы уже выполняли все эти операции в кабине корабля-тренажера. До мелочей знакомы окружающие нас приборы, табло, тумблеры, индикаторы, рукоятки. Привычно и обращение с ними. Оттого и сейчас такое чувство, будто мы на очередной тренировке. Ведь мы уже много раз летали в космос, как говорят, понарошку. Но ни разу по-настоящему.

Горбатко нажимает клавишу на пульте управления. В шлемсфонах появляются характерный шорох и потрескивания: включился первый передатчик ультракоротковолнового динамика.

— «Заря», я «Буран-три», как слышите меня на первом? — начинает Виктор проверку связи.

— «Буран-три», я «Заря». Слышу вас хорошо. Как вы?

— И я хорошо.

Сейчас то же самое проделает командир корабля, а потом и я — «Буран-два».

Наконец с проверкой оборудования корабля управились. Даже осталось немного времени.

Теперь, как договорено было заранее, комментатор Центрального телевидения Юрий Фокин задаст нам троим какой-нибудь вопрос. Интересно, что припасено на этот случай у дотошных тележурналистов, кроме ставшего обычным: «О чем вы думаете перед стартом?»

— Дорогие друзья, — звучит бодрый голос Юрия Фокина, — о чем вы думаете сейчас, перед стартом?..

Да, телевидение проявляет стойкую приверженность традициям.

В считанные секунды полно ответить на подобный вопрос, по-моему, просто невозможно. Слишком велико волнение. Но одна мысль отчетлива и ясна: «Сделаем все, чтобы с честью оправдать оказанное нам доверие. В этом наш долг и наше счастье».

— Готовность тридцать минут, — извещает Земля.

«Тридцать минут. Тридцать минут. Тридцать минут», — радостно пульсирует каждый капилляр, повторяет каждая клеточка. Всего только тридцать минут отделяют меня от исполнения мечты. Ровно через тридцать минут наша огненная колесница разрежет сию небосвод и помчится в свисте космического ветра к своей цели. Теперь пора и потуже подтянуть привязные системы кресел. Помогаем друг другу. Плотнo прижатые ремнями к ложементам, ожидаем дальнейших команд.

В корабле зазвучала музыка. Это нам на борт передают маленькую концертную программу. «Заря» голосом Георгия Берегового интересуется настроением и самочувствием. Отвечаем: «Все в норме!»

— Может быть, сами споем? — предлагаю ребятам.

В три голоса начинаем: «С чего начинается Родина...» Поем старательно, не пропуская ни одного куплета.

Земля предупреждает: «Готовность пять минут».

Еще раз потуже подтягиваем привязные ремни.

Ждем.

Отошла кабель-мачта.

С поста управления, расположенного неподалеку, выдаются предстартовые команды:

— Ключ на старт!

— Есть ключ на старт!

— Протяжка один!

— Есть протяжка один!

— Продувка!

— Есть продувка!

— Ключ на дренаж!

— Есть ключ на дренаж... Есть дренаж!

— Зажигание!

— «Буран»! Я «Заря»! Зажигание!

— Предварительная!

— Есть предварительная!

— Промежуточная... Главная! Подъем!

Ожившим секундомером начинает отсчет хронометрист:

— Одна, две, три...

Снизу, откуда-то из глубины, поднимается, нарастает глухой клокочущий рокот. Такое впечатление, как будто сидишь над кратером вулкана, извергающего огонь и дьявольскую энергию. Выходят на режим двигатели первой ступени. Появилась легкая вибрация, будто ракета вздрагивает от нетерпения в цепких объятиях стартовых захватов. Но вот быстрым рывком кто-то решительно подтолкнул всю эту громадину. «Распались» захваты. Значит, двигатели — на расчетном режиме. Медленно, очень плавно корабль начинает подъем. Затем все быстрее и быстрее. Наверное, именно в этот момент Юрий Гагарин и произнес облетевшее весь мир слово: «Поехали!»

— Двигатели работают устойчиво! — слышим голос Георгия Берегового. — Счастливого пути, мушкетеры!

Мы и сами чувствуем, что все идет нормально. Ровно режут двигатели, слегка подрагивает корпус корабля. Вдруг мне показалось, что на какое-то мгновение ракета остановилась. И тотчас же с Земли донеслось:

— Первая отработала. Все идет по программе.

Начали расти перегрузки. Нас вдавливают в кресла, но, пожалуй, на центрифуге во время тренировок приходилось потруднее. Пробую оторвать голову от спинки ложементов кресла, приподняться, пошевелить руками. Получается.

Вибрация стала сильнее. Мы пытаемся определить ее направление и частоту. Чтобы передать это на Землю, Филипченко в такт колебаниям водит рукой перед объективом телекамеры. Ощущение, будто едем по ухабистой дороге. Ничего, потерпим! Мы уже знали об этом по рассказам наших товарищей и были готовы.

Еще один толчок. С ракеты сброшен обтекатель. Но в иллюминаторах по-прежнему чернота. Звезд не видно. Это понятно: включено телевизионное освещение, дающее яркую засветку кабины.

На меня возложена обязанность контролировать магнитофонную запись радиопереговоров, а командир корабля как раз докладывает на Землю:

— Разделение обтекателя прошло нормально.

Третья ступень включилась очень плавно. Настолько мягко, что даже не заметили, когда это произошло.

Засаекаем время. Точно по расчету выключаются двигатели, и снова такое ощущение, будто все остановилось: мощными толкателями корабль отделился от последней ступени ракеты-носителя. Сейчас он должен начать беспорядочное, хотя и медленное, вращение.

Так и есть. Но это ненадолго. Двигатели ориентации по командам от датчиков угловых ускорений останавливают его вращение. Кажется, что я вишу вниз головой. Горизонт Земли, который просматривается в иллюминатор, плывет где-то подо мной.

Такая иллюзия не только у меня. Анатолий и Виктор тоже испытали подобное чувство. Длилось оно буквально секунды.

Теперь нам с Виктором Горбатко надо поскорее отстегнуть плечевые ремни, чтобы посмотреть через боковые иллюминаторы, как раскроются панели солнечных батарей и антенны бортовых радиотехнических устройств.

Секунды ожидания обрываются глухим ударом сработавших пироболтов. Тут же под действием пружин последовательно разворачиваются панели солнечных батарей и звенья антенн. Схваченные фиксаторами, они замирают в раскрытом положении. Докладываем командиру: «Все в порядке».

Включились и заработали бортовые часы и глобус. Мы на орбите.

Поздравляем друг друга с выходом нашего «Союза» на космическую трассу. Настроение превосходнейшее. Хочется песни петь. Но эмоции в сторону. Надо работать.

Рой светящихся частиц несется за иллюминаторами. Маленькие и большие, они бегут, суеются, играют веселыми блестками, создавая феерическую, сказочную картину. Их так много, что за ними ничего не видно. Все внимание на них.

Но вот они постепенно исчезают, и в черноте неба вспыхивают мириады ярких немерцающих звезд и звездочек. Сразу отмечаешь, что их гораздо больше, чем видно с Земли. Нахожу созвездие Ориона. Ярким и очень красивым предстает оно в космосе. То, что мы привыкли наблюдать с Земли, совсем не похоже на возникшую перед глазами картину здесь, на орбите.

Так вот ты какой, космос!

А невесомость?

Ее появление мы заметили не сразу. Во время тренировочных полетов на самолете все было не так. Там «в бассейне невесомости» мы ожидали ее появления с каким-то волнующим трепетом. Наверное, потому, что переход к ней был довольно резким, явным. Сначала шли перегрузки. Потом вспыхивало предупреждающее табло: «Внимание, невесомость!» И тут же наступал момент, когда все внутри словно приподнималось и душа замирала. Какое-то непривычное, странное ощущение охватывало тело. Вдруг наступала удивительная легкость.

В корабле же не было этого чувства, не было томительного ожидания, напряженности. Невесомость словно незаметно подкралась. Я обнаружил ее лишь тогда, когда увидел, что некоторые вещи стали парить по кабине. Сдернул с головы шлемофон и отпустил. Он на миг завис, а затем, робко покачав «ушами», поплыл.

Мы с Виктором полностью освободились от привязных ремней, легко выбрались, точнее, выплыли из кресел. Пора переходить в орбитальный отсек, готовить «рабочий инструмент» — научные приборы, фотокамеры, секстанты, астродатчики и все остальное.

Анатолий Филиппченко помогает нам открыть люк-лаз. Я «ныряю» через него в орбитальный отсек. Здесь гораздо просторнее, и мне показалось, что даже прохладнее, свежее, чем в спускаемом аппарате.

Перед тем как достать из «серванта» «патронташи», то есть сумки с инструментами и приборами, решаем с Виктором сделать несколько закруток и кувырков. Получается очень легко и просто. Никаких неприятных ощущений.

Командир, глядя на такие лихие упражнения, не без опасения окликает нас со своего поста и поднимает в руке специальные мешки. Их назначение соответствует роли бумажных пакетов на пассажирских самолетах. Всем своим видом даем понять: «Что за намеки! Пакеты нам ни к чему».

Не зря мы так много тренировались. Работа на специальных стендах, полеты на самолете-лаборатории, тренировка вестибулярного аппарата на Земле — все это сыграло свою роль. Сюрпризов и неожиданно-

стей не было. Космос не смог лишить нас главного — работоспособности.

Впрочем, одна неожиданность была. В момент, когда я вылезал из кресла, мне показалось, что, отталкиваясь от него, я раскачиваю корабль. Наверное, каждому знакомо подобное ощущение, когда идешь вдоль лодки, качающейся на волне.

Мелькнула мысль: «Неужто можно вот так легко оттолкнуть такую махину, как наш многотонный «Союз»?» Но это только иллюзия, связанная с адаптацией вестибулярного аппарата. Она прошла, как и появилась, очень скоро.

Корабль уходит за пределы радиовидимости с территории Советского Союза. Последнее, что мы слышим сквозь шум радиопомех:

— Счастливого пути, мушкетеры!

ЗВЕЗДНАЯ

ВАХТА

**Корабль на орбите ● Будни космической работы
● Только один виток ● „Видим вас, „Гранит“
и „Антей“!**

13 часов 54 минуты московского времени. Космический корабль «Союз-7» начинает свой длительный рейс, опутывая планету Земля невидимой нитью витковой паутины.

Наша «научная лаборатория», как иногда называют космический корабль «Союз», представляет собой новое современное сооружение, пришедшее на смену кораблям «Восток» и «Восход».

Наличие двух жилых отсеков в отличие от «Востоков» и «Восходов», кабины космонавтов (спускаемого аппарата) и орбитального отсека, надежные бортовые системы и двигательные установки различного назначения позволяют выполнять в космическом пространстве не только разносторонние научные исследования, эксперименты и наблюдения, но и довольно сложное маневрирование на орбите.

Оттолкнувшись ногами от «потолка» орбитального отсека, в котором находились мы с Виктором Горбатко, плавно через люк-лаз влетаем в спускаемый аппарат и занимаем свои рабочие места.

Если на Земле во время тренировок подобные переходы требовали значительных усилий и, как правило, сопровождались предостерегающим возгласом командира: «Осторожно, ребята, не задавите!», то в невесомости все проходило иначе — легче, свободнее.

Сейчас предстоит снятие технических характеристик бортовых систем, или, проще говоря, проверка бортового оборудования. Перед проведением динамических операций надо убедиться, что все в порядке.

Беглым взглядом — в который раз! — окидываю нашу кабину, командную рубку корабля. Все здесь знакомо до мелочей. В ней мы находимся при выведении корабля на орбиту, в ней же мы возвращаемся на Землю. Герметичный корпус с нанесенным на него снаружи специальным теплозащитным покрытием предохраняет нас от интенсивного аэродинамического нагрева при спуске на Землю.

Наша кабина рассчитана на размещение трех космонавтов, для чего здесь и установлены три специальных кресла.

В космическом кресле поза космонавта и его положение относительно действующих при спуске перегрузок выбраны таким образом, чтобы обеспечить переносимость даже больших перегрузок, которые могут возникнуть в отдельных непредвиденных ситуациях.

В центре кабины кресло командира экипажа Анатолия Филипченко. Мы его называем «центральным». Слева и справа от «центрального» кресла под небольшим углом к горизонтальной плоскости соответственно расположены наши кресла: инженера-исследователя — Виктора Горбатко и бортинженера — мое кресло. Здесь мы сейчас и находимся.

Если посмотреть на нас со стороны люка-лаза из орбитального отсека, то наше расположение в кабине напоминает три лепестка ромашки. В сердцевину ее упираются наши ноги. Перед нами находится пульт управления системами корабля, разбитый как бы на три части: центральную, правую и левую. Центральный пульт управления с многочисленными стрелочными индикаторами и транспарантами находится прямо перед командиром корабля Анатолием Филипченко. В верхнем левом углу пульта расположен оригина-

нальный по своему замыслу прибор, выполненный в виде миниатюрного глобуса. Он позволяет нам решать ряд задач, в том числе и такие, как:

— определение своего положения на орбите относительно наземных ориентиров;

— определение предполагаемого района посадки и т. д.

По центру пульта — телевизионный экран, используемый не только для своего прямого назначения, но и выполняющий роль индикатора для считывания отдельных параметров систем.

Рядом с ним еще один экран, несколько больший по размерам, служащий для контроля прохождения «меток» автоматических программ. Когда он работает, по кабине, даже если выключены все светильники, разливается мягкий зеленоватый свет, отчего различные предметы приобретают своеобразную расцветку.

В правом углу пульта — блок цифровой информации. Его назначение в основном сводится к тому, чтобы задавать соответствующие цифровые величины, по которым будут осуществляться программные развороты корабля на гироскопах.

Чуть ниже блока цифровой информации светится табло, сигнализирующее о величине ресурса двигателя и о выборе основного или дублирующего двигателя. Эти табло на нашем языке называются «подсказкой».

В нижней части пульта управления слева направо вытянулись многочисленные стрелочные индикаторы, показывающие температуру воздуха и его давление в кабине и отсеках корабля, температуру жидкости в системе терморегулирования и другие параметры. Здесь же, на пульте, расположены кнопки для включения и выключения основного двигателя, а также панель с тремя рукоятками для регулировки громкости звука в наушниках шлемофона при ведении радиопереговоров.

В основном управление в этой части пульта осуществляется командиром экипажа. Ему это наиболее удобно.

Перед лицом бортинженера и инженера-исследователя расположены боковые вспомогательные пульта. Они намного меньше по своим габаритам, да и назначение их совершенно иное.

Если центральный пульт является большей частью контрольным пультом, то боковые позволяют произвести выдачу с них любой команды, предусмотренной на борту.

Конструктивно пульт выполнен в виде плоской коробки неправильной формы, напоминающей аккордеон-баян, правда, с меньшим количеством клавиш.

Неширокое световое окно позволяет контролировать выбор нужных систем, программ и агрегатов. Управление с правого или левого вспомогательных пультов можно вести как вместе, так и отдельно в зависимости от сложившейся обстановки.

На каждом боковом пульте, как и на центральном, расположены ручки регулировки громкости при радиопереговорах, а также клавиша — «Передача» — для связи с Землей.

У меня над головой расположены специальный вентилятор для дополнительного обдува кабины и телекамера внутреннего обзора с выходом изображения на Землю. С ее помощью многочисленные телезрители могли наблюдать нас в кабине корабля во время выведения на орбиту или во время проведения телерепортажей с борта.

Рядом с Виктором Горбатко на специально закрепленной пластине установлен радиотелеграфный ключ. Мы его иногда называем «морзянкой».

Сейчас в кабине светло, несмотря на то, что за нашими окнами-иллюминаторами ночь. Черная-пречерная стена! Мне кажется, что на Земле я никогда не видел такого черного неба. Кабина освещена светильниками, расположенными чуть выше, над головой командира. Включено пока только рабочее освещение, но можно включить и дежурное, оно несколько слабее, и в нем сейчас нет никакой необходимости. Рядом со светильниками рабочего и дежурного освещения в специальном держателе установлена небольшая переносная лампочка, шнур которой выполнен в виде скрученного телефонного кабеля, и его можно растянуть во всю длину кабины.

Эта лампочка использовалась нами, когда необходимо было проводить работы в затемненной кабине: например, при наблюдении звездного неба с одновременным ведением записей в бортжурнале.

Между мною и Анатолием Филипченко — точнее,

между нашими креслами — стоит контейнер каплевидной формы. В нем почти все, что потребуется нам в случае вынужденной посадки на воду или в нерасчетной точке, — это наш аварийный носимый запас. Примерно такой же формы контейнер находится и между креслами командира корабля и инженера-исследователя. Он предназначен для хранения бортового запаса пищи на первые сутки полета. После того как эти запасы будут использованы, он станет местом хранения отснятой пленки и различных приборов, которые необходимо будет возвратить на Землю.

Здесь же, в кабине космонавтов, размещены разнообразное оборудование и аппаратура систем управления кораблем, аппараты радиосвязи, системы жизнеобеспечения. С помощью этих систем в кабине поддерживаются нормальные, чисто земные условия жизни (давление, температура, газовый состав, влажность). Все это при высокой герметичности кабины позволяет нам находиться во время полета в обычной одежде без затрудняющих движение скафандров.

Все агрегаты этих систем в основном размещены под креслами, на днище спускаемого аппарата.

Ко всему этому надо добавить, что внутренний интерьер кабины дополняет удачно подобранная по цвету «обивка», не утомляющая зрение и придающая своеобразный земной уют, так необходимый в этих условиях.

Беглый осмотр кабины закончен. И, пока еще не наступило время связи с Землей, можно посмотреть в иллюминатор. Их у нас в кабине космонавтов три. Два установлены по бокам, и они имеют светонепроницаемые шторки. Через первый веду наблюдения я, через второй — Виктор. Третий иллюминатор расположен в центре, против кресла командира корабля. На нем установлен прибор, который мы называем «оптическим визиром-ориентатором».

Если подплыть к иллюминаторам поближе, то хорошо видны панели солнечных батарей. Их полезная площадь около 14 квадратных метров. На концах панелей оцетинились антенны радиотехнических систем.

Панели солнечных батарей укреплены на приборно-агрегатном отсеке, расположенном в хвостовой части корабля.

У нас осталось еще немножко свободного времени, и можно полюбоваться чудесной картиной выхода корабля из тени Земли. ...Вот на горизонте появилась яркая голубая полоска. Она как будто бы выпирается наружу другой, еще более яркой красной полоской. Это предвестники восхода Солнца. Через несколько секунд появляется и его ярко-оранжевый диск.

Уже стали хорошо различаться наземные ориентиры, постоянно убегающие из поля зрения и возникающие вновь.

Все так, как и должно быть: наш космический корабль совершает облет планеты, подобно предварительно закрученному волчку, солнечные батареи которого все время смотрят на Солнце.

Бортовым системам корабля постоянно нужно питание электрическим током. Его они получают из центральной системы питания — буферных батарей. Последние, в свою очередь, получают постоянную дополнительную энергию от солнечных батарей.

Однако время связи с Землей приближается. Нам с Виктором Горбатко пора перебираться в орбитальный отсек. Обратный переход занял у меня несколько больше времени.

Вначале я отправил в орбитальный отсек свой бортовой журнал, легко подтолкнув его в этом направлении, а затем стал выплывать медленно и сам.

Но что это?

Уже находясь по пояс в отсеке, я почувствовал, что меня кто-то или что-то не пускает дальше. Первая мысль, конечно, — это шутки Анатолия.

— Толя, кончай баловаться, слышишь? — говорю я ему.

— Да это не я, — отвечает командир. — Плыви назад. Видишь, в чем дело?

Теперь-то и я вижу, что произошло. Конец медицинского кабеля в виде многоштырькового разъема попал в щель, образованную крышкой люка-лаза, и там заклинился. «Так недолго его и оторвать», — подумал я и в душе поругал себя за нерасторопность. Ведь этот кабель идет от медицинского пояса, надеваемого на нас и служащего для объективного контроля нашего состояния.

Электрокардиограмма, частота пульса и дыхания по телеметрическим каналам передаются на Землю,

где и оцениваются специалистами, находящимися на пунктах связи.

Теперь все в порядке — разъем вытасчен. Беру его в руки и спокойно, без всяких помех выплываю в орбитальный отсек, где уже начал работу Виктор Горбатко.

Командир корабля Анатолий Филипченко проверяет, в каком положении находятся ручки ориентации объекта. В момент перехода в орбитальный отсек мы с Виктором могли случайно задеть их, отклонив от исходного положения. Правда, ничего страшного в этом нет, пока не включена сама система ручной ориентации. В противном же случае корабль моментально среагировал бы на это отклонение, и, как следствие, была бы «сбита» закрутка корабля на Солнце. И пришлось бы тогда начинать все сначала, а за это нас на Земле не похвалили бы.

Ручек ориентации в кабине корабля две. Они расположены симметрично слева и справа от центрального кресла и имеют «подлокотники» для удобства работы с ними. Правда, понятие «подлокотники» в невесомости весьма относительное. Такое название больше подходит применительно к земным условиям.

Ручки ориентации, или ручки управления, выполнены в виде очень небольшой по диаметру сферы и имеют специальные углубления для трех основных пальцев руки: большого, указательного и среднего.

С помощью правой ручки можно производить развороты корабля вокруг любой из трех его осей. Такие развороты мы чаще различаем по тангажу, рысканию и крену.

С помощью тумблера, установленного на левой ручке, можно производить разгон и торможение корабля вдоль продольной оси, а самой левой ручкой — линейные перемещения корабля вверх-вниз и влево-вправо.

Короче, ручки управления позволяют задать кораблю любое нужное положение или переместить его в любом направлении. Особо стоит отметить, что они не требуют каких-либо мало-мальски усилий для отклонения их вверх-вниз, влево-вправо, по часовой или против часовой стрелки. И поэтому нужен определенный навык в работе с ними.

Эту работу можно сравнить с работой гравера, ма-

лейшая ошибка которого может испортить нанесенный с трудом рисунок. У нас же приведет к дополнительному расходу топлива.

Но Анатолий Филипченко ас в этом деле. Сказался, безусловно, и опыт летчика, и годы кропотливых тренировок. На Земле инструкторы были безжалостны. Высокая оценка выставлялась только тогда, когда расходы по топливу составляли минимальные величины.

— Ребята, — слышим мы в наушниках голос Анатолия, — через несколько минут начало радиосвязи. Будьте готовы. Разговоры в сторону.

— Поняли! — в один голос отвечаем ему.

А пока есть время, в иллюминаторы рассматриваем проплывающие далеко под нами материки и океаны.

Чуть влево, внизу появляется побережье Черного моря, несколько правее — высокий горный массив с шапками снега на вершинах. Это Кавказ.

— Виктор, — обращаюсь я к Горбатко, — а твоего конного завода не видно?

— Завода-то нет, а вот Кубань — это да! Чуть выше, видишь? — не поняв, что я шучу, отвечает Виктор.

Да, орбитальный отсек с четырьмя диаметрально расположенными иллюминаторами существенно увеличил обзорность пространства. Шутка ли сказать, четыре! Видна почти вся сфера. А на кораблях «Восток» был всего один иллюминатор.

Что же представляет собой орбитальный отсек, место проведения научных наблюдений и исследований, используемый также как шлюзовая камера при выходе человека в космос и как место отдыха космонавтов?

Я уже говорил о том, что орбитальный отсек расположен над кабиной космонавтов и соединен с ним переходным люком-лазом.

Конструктивно он выполнен из двух полусфер, соединенных между собой цилиндрической вставкой. При первом, беглом, взгляде напоминает собой крупное куриное яйцо. Размеры его довольно значительны: по объему он примерно вдвое превосходит кабину космонавтов. Если прибегнуть к земной терминологии, то он имеет «пол», «потолок» и даже «боковые стены».

На «потолке» — светильники, похожие на те, что установлены в кабине корабля. Они закрыты прозрачными колпачками. Большую часть «пола» занимает круглый люк-лаз. На остатках «пола» установлены фиксирующие ремни. Надоест парить по отсеку, залезешь ступнями ног под эти ремни и стоишь как дома на полу. Правда, это больше напоминает стояние на палубе корабля во время качки: чуть ослабил бдительность — и полетел с ног. У нас в корабле тут же окажешься на «потолке».

Чтобы избежать такой участи, при необходимости мы надевали на себя поверх полетного костюма фиксирующие пояса и, цепляясь идущими от него фалами за дополнительные скобы, закреплялись, как говорится, «намертво».

С одной стороны орбитального отсека расположен «диван», напоминающий по конфигурации сегмент окружности. Это место отдыха, а также и спальное место. Спинки у «дивана» нет, ее нам заменяет сам корпус отсека. Поэтому вернее было бы «диван» называть «тахтсй». Поверхность ее ровная и мягкая, не считая нескольких рядов поперечных широких резинок. Под них мы залезаем во время сна. Боковая стенка «тахты» также имеет средства фиксации и может использоваться как второе спальное место. Кому что нравится.

Напрстив «тахты» расположен такой же по форме «сервант». Он оборудован как место для работы. На нем расположен пульт управления орбитального отсека. Он значительно меньше, чем центральный пульт кабины, да и количество команд, выдаваемых с него, тоже меньше.

Рядом с пультом в специально установленном гнезде стоит телекамера. Она переносная. Ее мы используем для телерепортажей, показа внутреннего оборудования корабля, а также обзора земной поверхности через иллюминаторы. Камера небольшая по своим размерам и очень удобна в эксплуатации. Мне кажется, что земные операторы телевидения могут нам только позавидовать. Бортовая телевизионная система корабля обеспечивает передачу изображения нормального стандарта (625 строк при 25 кадрах в секунду) и высокого качества.

Микрофон и динамик орбитального отсека позво-

ляют вести как внутренние переговоры, так и переговоры с Землей, не надевая шлемофона.

Боковая стенка «серванта» имеет специальные подсобные помещения в виде отдельных ящиков. В них уложена аппаратура для проведения различных экспериментов. На «серванте» находится также пульт управления для проведения навигационных измерений и контроля звездного датчика.

Сам прибор для проведения навигационных измерений — секстант — стоит в специальном кронштейне на «тахте». Это его так называемое транспортировочное место, а рабочее расположено на иллюминаторе, прямо над «сервантом».

По всему периметру корпуса орбитального отсека тянутся два ряда металлических поручней. Основное их назначение — дополнительные средства фиксации. Без них в полете нам было бы очень трудно. Помимо этого, на них устанавливаются несколько светильников телевизионного освещения, а также кинокамера для внутренней съемки. Мы же использовали их и для оборудования еще одного спального места. Ну об этом несколько позже.

Между поручнями — место для эстампов. Мы их подбираем по своему вкусу. К одному из поручней прикреплена рамка с портретом В. И. Ленина. Портрет Ильича был с космонавтами во всех полетах без исключения.

Внутренняя обшивка орбитального отсека, я имею в виду стены, выполнена из того же материала, что и кабина космонавтов. Несколько отлична по цвету поверхность «тахты». Она уже не ровных тонов, а в мелкую клеточку. «Пол» отсека — точнее, его малая часть — зеленоватого цвета.

Бачок с запасами воды, а также санузел есть не только в кабине, но и в орбитальном отсеке.

Бортовая аппаратура, размещаемая в отсеке, скрыта от нас крышками и стенками «тахты» и «серванта». За ними же хранятся и продукты питания, расположенные в специальных ячейках контейнеров. Там же аптечка и средства личной гигиены.

Чтобы полнее представить, как выглядит корабль на орбите, необходимо добавить следующее: помимо двух отсеков, кабины космонавтов и орбитального, в состав корабля входит еще приборно-агрегатный от-

сек, примыкающий к кабине космонавтов. В нем размещены основная бортовая аппаратура и двигательные установки корабля, работающие в орбитальном полете.

Однако нам придется прервать рассказ о корабле. Начинается очередной сеанс радиосвязи.

— «Буран», «Буран»! Я «Заря» — на связь! — зовет нас Земля.

— «Заря», я «Буран». Слышу вас отлично. Готовы передать радиограмму по форме три.

— «Буран», я «Заря». Давайте форму три.

— Вас понял.

Анатолий Филипченко четко, не торопясь сообщает на Землю данные о состоянии борта:

«Первый — двадцать».

«Второй — семьсот шестьдесят».

Кажущийся на первый взгляд для непосвященного непонятным этот набор цифр на пункте управления после соответствующего анализа превращается в ясную картину состояния систем на борту космического корабля.

Мы с Виктором Горбатко в орбитальном отсеке слышим переговоры командира с Землей и готовы в любой момент по вызову включиться и дать нужную справку. Одновременно занимаемся раскладкой патронташей. Так мы называем выполненный из специальной ткани мешок с многочисленным количеством больших и малых карманов. В них разложена различная научная аппаратура. В условиях невесомости такое средство фиксации и раскладки кажется нам наиболее удобным.

Надо достать нужную вещь — открыл кармашек и вытащил прибор. Закончил работу и положил его на место. Чтобы не забывать, где и что лежит, на карманах сделаны соответствующие надписи.

Таких патронташей два. Один лежит в «серванте», другой — на «полу» орбитального блока. Место их крепления на стенке отсека. Если на Земле это сделать довольно сложно и даже, я бы сказал, тяжело: разложенный в длину патронташ занимает около полутора метров и имеет весьма значительный вес, то в не-

весоности все это сущий пустяк. Патронташ без всяких усилий всплывает при малейшем толчке вверх, и его попросту «приклеивают» полосками ворсистой «молнии» к такой же «молнии» на стенке орбитального отсека. Вот и все.

Но вот разборка патронташей закончена. Еще раз внимательно просматриваем содержание карманов.

Кажется, порядок. Теперь осталось перенести секстант на специальное посадочное место на иллюминаторе над «сервантом» и оценить удобство работы с ним.

— «Буран-2», я «Заря». Подстыкуйте медицинский разъем! — подсказывают мне с Земли.

Что поделаешь! Забыл. А Земля внимательна!

— «Заря», разъем состыкован, — отвечаю я.

— «Буран», связь с вами кончаем.

— Вас поняли. До свиданья! Привет всем ребятам!

Только сейчас был день, ярко блестело солнце, а через несколько минут снова будет ночь. Вот она, смена космических зорь! Семнадцать раз за одни сутки! И у нас впереди еще очень, очень много работы.

Переход от света к тени, помимо своего прикладного научного подхода, интересен и с точки зрения чисто зрительного восприятия.

Вначале на Земле хорошо просматриваются проплывающие под нами ориентиры, окрашенные только в свойственные им цвета. Постепенно окраска начинает теряться. Появляется пелена сине-серого цвета. Ориентиры еще видны, но они уже какого-то безжизненного оттенка. ☾

Затем, трудно даже уловить этот момент, все вдруг становится черным. Ничего не видно внизу, и только антенны радиосистем, расположенные на солнечных батареях, продолжают светиться в заходящих лучах солнца ярким-ярким красным светом.

Вот и солнце уже скрылось за горизонтом, но антенны еще продолжают светиться — правда, все слабее и слабее.

Вскоре «затухают» и они.

Кругом чернота, да такая, что порою теряешься, где Земля, где космос.

Начинаю вести наблюдения за звездным небом. С ним мне предстоит встретиться через несколько витков при проведении навигационных экспериментов.

Вот опять прямо передо мной созвездие Ориона с его яркими звездами по краям — Ригелем и Бетельгейзе. Несколько ниже — созвездие Большого Пса с самой яркой звездой Сириусом. Это основная наша навигационная звезда.

Стараюсь запомнить ее положение на небосводе. Первый эксперимент с ней.

На горизонте, почти касаясь выпуклой поверхности нашей планеты, просматриваются созвездия Большой Медведицы, в форме ковша, и Тельца.

Раньше в школе, на уроках астрономии, мне казалось немыслимым запомнить созвездия и тем более названия входящих в них звезд. Оказывается, можно. А для нас, космонавтов, это просто необходимо.

Ночью видны не только звезды, в виде ярких пятен просматриваются далеко внизу огни больших городов.

В полете нас неизменно сопровождают светящиеся частицы — правда, их совсем немного. Несравненно меньше, чем после разделения с третьей ступенью. Вот и сейчас в направлении вдоль антенны, расположенной на солнечной батарее, пролетели несколько мерцающих частиц и скрылись на фоне черного неба.

Открываю бортжурнал, плавающий рядом со мной, и делаю записи о наблюдениях. Ведь за пять суток полета материала накопится много, а запомнить все практически невозможно.

Записи в бортжурнале стараюсь делать как можно подробнее, иногда сопровождаю их необходимыми зарисовками. Все это может пригодиться специалистам на Земле.

Веду записи и в своем космическом дневнике. Специально такого дневника на борту нет, не предусмотрен по штатной документации. Для этих целей я выделил несколько свободных и чистых листков в бортжурнале.

Предлагаю вашему вниманию отдельные записи, сделанные на борту космического корабля, и комментарии к ним, занесенные уже на Земле.

Виток 2-й. 14 часов 36 минут. Корабль вышел из тени. Произвели включение ручной ориентации, и на двигателях малой тяги командир выполняет ручную закрутку солнечными батареями на Солнце. Расходы

рабочего тепла незначительные. Напряжение в системе питания в норме.

Движение Солнца можно наблюдать на экране оптического прибора. Солнце движется по часовой стрелке. Угловые размеры Солнца на экране невелики.

Виток 3-й. 16 часов 55 минут. При входе в тень наблюдали Австралийский материк. Видели огни городов, но очень редкие.

Наблюдается какое-то размытое, розоватого цвета пятно. Видимо, это тоже огни города, большого города, но закрытого облаками. А вот и знакомые, по рассказам товарищей, вспышки, возникающие то в одном месте, то в другом. Это грозы. Отсюда на них смотреть очень интересно. Зрелище красивое, но каково сейчас там, внизу! Не позавидуешь... Чередуются эти вспышки примерно с интервалом в 1 секунду. Днем увидеть подобное не удавалось ни разу.

17 часов 35 минут. На горизонте начинает появляться сероватая дымка. Звезды на фоне ее уже не просматриваются.

По краю Земли — ярко-голубая полоска начинает быстро расти по высоте. По мере удаления от края полоска теряет свою яркость и становится все более и более размытой.

За голубой полоской следует ярко-красная, а вслед за ней появляется маленький диск Солнца, на который можно смотреть без черных очков.

Потом как-то сразу вдруг все начинает светиться.

Горизонт Земли принимает обычную голубовато-синеватую окраску.

А Земля! Она играет всем многообразием своих красок, который трудно себе вообразить. Внизу проплывает сероватого оттенка океан. Видно даже волнение на нем. С высоты космического полета он выглядит мелкими белыми черточками — это, видимо, барашки на гребнях волн.

Если на Земле в холодный, морозный день подуть на стекло, то оно тут же запотеет. Что-то подобное происходит сейчас и с нашими иллюминаторами.

При переходе от наземных ориентиров к черному небу в связи с вращением корабля на иллюминаторе появляется небольшое пятно. Через несколько минут, примерно за один оборот, картина повторяется, но

уже в обратной последовательности. Пятно пропадает.

С помощью медицинской аппаратуры произвел контроль самочувствия и здоровья. Артериальное давление и частота пульса в норме. Самочувствие отличное.

Виток 5-й. 19 часов 30 минут. В кабине становится жарковато. Производим переключение настройки системы терморегулирования на более низкую температуру.

По программе полета производим включение основного двигателя для поднятия орбиты корабля. Это первое включение его, и поэтому важно, как он себя поведет. Но все в порядке. Двигатель включился в заданное время и отработал положенные секунды.

Работа его — точнее, включение — воспринимается как какой-то резкий хлопок, что-то похожее бывает при резкой остановке лифта или же эскалатора в метро.

В кабине появилось несколько пылинок. Это, наверное, из обшивки кабины.

Корабль ведет себя устойчиво.

Виток 6-й. 21 час 00 минут. Заканчиваются витки, которые мы называем «светлыми». Бывают еще и «темные». «Светлые» лежат в зоне связи с наземными пунктами на нашей территории. «Темные», соответственно, наоборот.

На них связи нет.

Надо готовиться ко сну, но предварительно устраиваем легкий ужин. Достаем из контейнера, расположенного в кабине корабля между креслами командира и инженера-исследователя, уложенный в целлофановые пакеты рацион.

Это делает Анатолий Филипченко. Виктор Горбатко и я в это время находимся в орбитальном отсеке.

— Ребята, держите! — Анатолий направляет к нам пакеты.

— А где вилки и ножи? Забыл? — обращается к нему Виктор.

— Нет, я их вожу с собой, — отвечает Анатолий.

Наконец он появляется и сам, держа в руке на

веревочках связку из вилок и ножей наподобие гирлянды воздушных шариков.

— Разбери! — предлагает он.

Соки в тубах и консервы в металлических баночках расположены в орбитальном отсеке и уложены в специальные гнезда под крышкой «дивана».

Такая укладка не позволяет им всплывать.

Располагаемся на ужин кому где удобнее. Я повисаю под «потолком». Рядом со мной, чуть ниже, — Виктор Горбатко, а командир почти что «по-земному» — на «диване». Спinoй он прижался к стенке отсека, а ногами уперся в стенку «серванта». Так никуда не уплывешь.

— Убери ноги со стола, — шучу я.

— Что поделаешь — такова жизнь, — отвечает Анатолий, и мы весело смеемся.

Стола у нас, конечно, нет, да он и не нужен.

Продукты раскладываем прямо перед собой, и они висят буквально под носом. Чтобы доставить себе удовольствие, иногда обходимся без рук. Ну чем не рыбы, только в воздушном океане!

С консервами так поступать нежелательно, тем более что их надо сначала открыть. Для этого у нас есть миниатюрный консервный ножичек, привязанный к общей связке за веревочку.

Ужин состоит из баночки консервов, кусочка сыра и, конечно, хлеба. На третье — кофе в тубах.

После ужина все тщательно убираем в специально приготовленный для этих целей мешочек.

Вилки и ножи укладываем на отведенное им место.

Полюбовавшись в иллюминатор окружающей нас картиной, готовимся ко сну. Но прежде надо сделать еще несколько пометок в бортжурнале.

Открываю нужную страницу. Внимание привлекает сделанная карандашом на полях надпись: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»

Узнаю руку одного из инструкторов.

Вот, молодцы, и тут успели! Вовремя поданная шутка очень многое значит, а особенно при выполнении космических полетов.

Спать решили в орбитальном отсеке. Я занял место на «диване». Просунув под резинки «дивана» спальный мешок, я залез в него и попытался устроиться поудобнее. Если средняя часть тела еще как-то была

прижата к «дивану», то с ногами и головой дело обстояло хуже: они всплывали. Начинаю искать какую-нибудь более или менее приемлемую позу. Нет, ничего не получается. Ведь нет подушки, к которой мы привыкли на Земле, а самое главное — не к чему прижаться.

Но выход все-таки найден. Ногами упираюсь в стенку отсека, а головой в корпус секстанта, стоящего тут же в кронштейне.

Анатолий устроился на боковой стенке «серванта», а Виктор залез в спальный мешок, привязав концы его тесемок к поручням. Он как бы подвесил себя между «потолком» и «полом». Получился настоящий гамак. Я ему не завидую. Завтра согласно установленной очередности моя очередь спать в таком положении.

Погасили свет, оставив только дежурное освещение, и через несколько минут мы уже крепко спали.

Проснулись, как по команде, проспав около шести часов. Даже не потребовался сигнал пробудки.

Небольшая зарядка, а затем туалет. Как он не похож на наш земной!

Подплываю к иллюминатору, находящемуся в противессолнечной стороне. Он сильно запотел. Достая марлевую салфетку и вытираю поверхность иллюминатора. Салфетка тут же становится мокрой. Теперь ею можно и самому утереться. Правда, это не по программе. Для таких целей в целлофановых пакетах лежат гигиенические салфетки, смоченные каким-то специальным составом.

Но естественная вода намного приятнее.

Несмотря на то, что мы спали всего шесть часов, самочувствие хорошее, настроение бодрое, как будто проспали не меньше десяти часов.

Это тоже своего рода загадка космоса.

Перекусив, расходимся по рабочим местам. Филиппченко занимает свое место в кабине корабля, мы с Горбатко остаемся в орбитальном отсеке.

Начались очередные космические будни.

Виток 15-й. 10 часов 45 минут.

Каждый занимается своим делом. Мы с командиром находимся в кабине.

Виктор в орбитальном отсеке, предварительно за-

крыв люк-лаз и погасив свет, перезаряжает фото-пленки.

— Вадим, — обращается ко мне Анатолий, — по-смотри-ка в иллюминатор, корабль вращается?

Я смотрю в темноту и пытаюсь что-либо понять.

— Подожди, надо выключить свет в кабине: слишком сильная засветка иллюминатора. Вот теперь другое дело. Мне кажется, что мы стоим, — говорю я. — Посмотри теперь сам.

Толя смотрит в противоположный иллюминатор. Сомнений нет, вращение корабля по непонятным причинам прекратилось.

Это уже совсем ни к чему.

— Ты что-нибудь делал? — спрашиваю я командира.

— Нет. А ты?

— Я тоже нет.

— В чем же дело, ведь все было нормально?

На всякий случай проверяем системы — и тут порядок.

— Может быть, что-нибудь там, у Виктора?

— Витя, поди сюда, — зовет инженера-испытателя командир.

Открылся люк-лаз, и показалась голова Виктора Горбатко.

— В чем дело?

— Ты ничего не нажимал на пульте? — начали допытываться мы.

— Да нет, только включал и выключал освещение, — ответил Виктор.

— А может быть, случайно в темноте и...

Все ясно. Случайно нажатая клавиша «Ручная ориентация» привела к тому, что были включены датчики угловых скоростей, сигналы с которых включили двигатели малой тяги, и вращение объекта было остановлено.

Ну что ж, бывает и такое. С каждым может случиться. Однако нам надо быть более внимательными. По выходе из тени вторично выполнили закрутку на Солнце.

Виток 17-й. С особым волнением мы ждали этого витка. В это время на Земле готовился старт третьего

космического корабля — «Союз-8». Вскоре в космосе будут находиться одновременно три корабля — семь космонавтов. Такого еще мир не знал! Еще через сутки начнутся наши совместные маневры на орбите. Но о них я расскажу позднее. А пока мы вслушиваемся в передачи, идущие с Земли.

Вот оно, сообщение ТАСС:

«13 октября 1969 года, в 13 часов 29 минут московского времени в соответствии с общей программой пилотируемых полетов на орбиту вокруг Земли выведен третий советский космический корабль «Союз-8».

Космический корабль пилотирует экипаж в составе: командира корабля, Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника ШАТАЛОВА Владимира Александровича, бортинженера Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, кандидата технических наук ЕЛИСЕЕВА Алексея Станиславовича, участвовавших в январе этого года в полетах кораблей «Союз-4» и «Союз-5».

В ходе группового полета предусматривается выполнить ряд важных научно-технических задач, в том числе:

- провести комплексные одновременные научные исследования в околоземном космическом пространстве по широкой программе;

- отработать сложную систему управления групповым полетом одновременно трех космических кораблей;

- осуществить взаимное маневрирование кораблей на орбитах с целью решения ряда вопросов по отработке пилотируемой космической системы.

По докладу летчика-космонавта тов. ШАТАЛОВА, самочувствие космонавтов отличное.

Впервые на околоземной орбите совершается групповой полет трех пилотируемых кораблей, на борту которых находятся семь летчиков-космонавтов.

Намеченная программа научно-технических экспериментов и исследований дает новые сведения об околоземном космическом пространстве и будет способствовать совершенствованию космической техники и использованию ее в научных и народнохозяйственных целях».

Итак, Володя Шаталов и Леша Елисеев в космосе! Через сутки мы начнем сближение с ними, а пока наша работа продолжается...

Виток 18-й. 15 часов 45 минут.

Произвели выключение осушителя, входящего в систему регенерации и кондиционирования воздуха. Он теперь нам понадобится только на участке спуска.

Провели заранее запланированный телерепортаж. Знакомили телезрителей с экипажем нашего корабля.

15 часов 50 минут. Произвели откачку выпавшего конденсата системы терморегулирования в отведенный для этих целей бачок. Эту операцию нам придется выполнять в течение всего полета.

Откачка производится с помощью небольшой ручки. Усилия требуются не очень большие, но время на откачку составляет около трех минут: это тоже своего рода физзарядка.

Откачку делаем по очереди.

Виток 20-й. Контролирую ввод установки на блоке цифровой информации. Установка определяет величину импульса, а по нему и время работы основного двигателя, который будет включен для выполнения программы маневра.* Время включения программы нам задано по радиogramме с Земли — 19 часов 15 минут 00 секунд.

До начала выдачи команды вместе с командиром производим расчеты, связанные с выполнением программы.

Виктор Горбатко заполняет таблицу об исходном состоянии систем.

Виток 21-й. Программа маневра прошла нормально. Все системы корабля работали четко. Корабль очень послушен в управлении.

При прохождении команды на разаретирование гироскопов где-то под нами был слышен какой-то тулой стук. Сперва это нас несколько насторожило, но затем мы поняли, что это в приборно-агрегатном отсеке, где находятся блоки гироскопов.

На 20 часов 29 минут показания микроклимата в кабине были следующие:

Кислород — 180 мм ртутного столба.

Влажность — 60%.

Показатели почти земные.

Так как во время выполнения маневра вращение корабля было приостановлено, то сразу же после выхода из тени в 20 часов 34 минуты произвели ориентацию и закрутку корабля на Солнце.

Виток 22-й. 21 час 34 минуты. На фоне черной Земли наблюдаем очень много красных огней. Иногда между ними вклиниваются и белые. Что это такое — понять трудно. Записываем координаты места наблюдения. На Земле выясним.

Витки 23—27-й. Опять «темные» витки. По программе полета предусмотрен сон.

На сей раз я сплю уже в «гамаке». Горбатко почему-то многозначительно улыбается:

— Это тебе не диван!..

Залезаю в спальный мешок, затягиваю «молнию» практически до конца. Это земная привычка. Люблю спать, накрывшись одеялом с головой. Но куда же положить голову? К чему ее прижать?

Нет, так не пойдет, что-то надо придумать. Открываю «молнию» и выплываю наружу. Вспомнил, что в одном из ящичков «серванта» лежит большой кусок толстого поролонa. Достаю его и перевязываю тесемкой. Этот рулон будет служить мне на сегодняшнюю ночь подушкой. Возвращаюсь на свое спальное место. Крепко прижимаюсь ухом к поролону, обхватив его двумя руками.

В таком состоянии и засыпаю. На этот раз спал совсем спокойно.

Виток 28-й. 18 часов 45 минут. Проводили самоконтроль состояния своего здоровья. Давление 60/100, частота пульса 54. Это несколько ниже, чем на Земле.

— Вадим, — обращается ко мне Горбатко, — у тебя не болит поясница?

Только сейчас я почувствовал, что действительно что-то есть.

— Немножко, — отвечаю я. — Сейчас сделаем зарядку — и все пройдет.

Закрепив ноги на «полу», засунув их под ремешки, несколько раз сгибаю и разгибаю туловище. Действительно, стало лучше. Потом мы и совсем забыли об этой боли. Видимо, она связана с неудобным положением тела во время сна.

18 часов 50 минут. Температура в корабле наконец упала. Теперь не так жарко, и «климат» в объекте вполне приличный.

По программе готовимся к выполнению кинофотосъемки.

Виток 29-й. На борт получили радиограмму. В ней говорится, что на следующем витке предстоит выполнение очередного эксперимента. Работу будем проводить по звезде Канопус. Для этого по выходе из тени предстоит выполнить ориентацию с заданным курсом.

А пока мы в тени.

8 часов 13 минут. Пролетаем Южную Америку. Опять наблюдаем очень сильную грозу. Вспышки молний, как разрывы снарядов в воздухе, чередуются с большой частотой, освещая значительную площадь.

В созвездии причудливо выгнутого Стрельца наблюдаю планету Марс. Из космоса она выглядит менее красного цвета, чем при наблюдении с Земли.

А вот и знакомые созвездия Большого Пса, Ориона, Малого Пса и Киля. С ними работать нам на следующем витке.

В 8 часов 25 минут на Земле стали появляться и распознаваться первые ориентиры.

Приступаем к ориентации согласно радиограмме с Земли, с заданным курсовым углом. Для этого включаем систему ручной ориентации, останавливаем вращение — точнее, закрутку — корабля на Солнце.

Анатолий Филипченко начал развороты корабля в нужном направлении. Это заняло много времени. Теперь можно включить гироскопы, и корабль останется в таком положении до тех пор, пока мы их не выключим. «Корабль стоит на гироскопах» — называем мы это состояние.

Наступает райская жизнь. Нет закрутки корабля. Тебя уже не тянет к «потолку», и можно спокойно висеть в воздухе, где и как захочешь. Пропадает

неприятное ощущение прилива крови к голове. Правда, не сразу, а постепенно.

В 9 часов наблюдал внизу действующий вулкан. Очень красивое зрелище. Что это за вулкан, понять трудно, да такой задачи и не ставилось.

Незаметно пролетел «день», и вот уже начинается постепенный переход от света к тени.

9 часов 10 минут. Корабль вошел в тень. Только антенны продолжают светиться в лучах зашедшего за горизонт Солнца, подобно плавящемуся в домне металлу.

Виток 30-й. На иллюминатор орбитального отсека устанавливают секстант. Отыскиваю навигационную звезду Канопус. Она несколько внизу относительно моего поля зрения. В 10 часов 36 минут включаю звездный датчик, работающий автономно, независимо от секстанта.

— Толя, начинай ориентацию, — говорю я, обращаясь к командиру.

Он сейчас находится в кабине корабля и, глядя в иллюминатор, выполнит грубую ориентацию на звезду Канопус. Ему это удобнее сделать, так как поле зрения его иллюминатора значительно больше поля зрения секстанта, через который я сейчас веду наблюдения.

На пульте навигации, расположенном на «серванте», загорается транспарант «Захват»: звезда попала в поле зрения звездной трубки, а значит, и в мой прибор.

Дальнейшую ориентацию, уже более точную, выполняю я сам тоже с помощью ручки управления, но только из орбитального отсека.

Звезду надо загнать точно в перекрестье прибора. Выполнено. «Ставим» корабль на гироскопы, для чего подаем команду на «разаретирование гироскопов». Корабль «запоминает» это положение и будет так стоять. Правда, есть некоторые отходы от заданного положения за счет орбитальной скорости.

По звезде Канопус провожу настройку и оценку точности прибора и только после этого приступаю к замеру угловых величин между звездами, звездой и горизонтом и т. д. Данные записываю в борт журнал.

11 часов 46 минут. Эксперимент окончен. На горизонте появился слой яркости, и звезды пропали из поля зрения прибора.

Виток 31-й. На этом витке провожу еще один эксперимент по навигации. Он заключается в том, чтобы с помощью бортового звездного глобуса опознавать заданные звезды и созвездия, затем определять время пересечения ими слоя яркости.

15 часов 45 минут. Находимся в орбитальном отсеке и обедаем. Я решил совместить приятное с полезным. Подплыл к иллюминатору и стал смотреть на звездное небо.

Но что это? На фоне знакомого созвездия Тельца появилась довольно-таки яркая звезда порядка первой звездной величины.

Говорю об этом ребятам.

Обед прерван. Оставив все висеть в воздухе, мы прилипли к иллюминаторам.

Неужели это корабль «Союз-8»? Наши друзья сутки назад стартовали с Земли и сейчас должны быть где-то поблизости.

Каково же было наше разочарование, когда мы наконец поняли, что принимаемая нами за «Союз-8» звезда была всего лишь светящейся частицей.

Обед пришлось, конечно, ускорить. Не предусмотренный программой случай не должен был выбить нас из графика.

— Будем обедать по ходу дела, — сказал Анатолий Филипченко и доплыл на свое место в кабину корабля.

— Ну что за жизнь пошла! Ни поесть, ни поспать по-человечески. И все из-за тебя, — ворчит Виктор Горбатко.

— А ты «по ходу дела», как сказал командир, — пошутил я.

Виток 32-й. Впервые за весь полет почувствовал, что на мне надет медицинский пояс. Стали беспокоить датчики, расположенные на теле. К этому мы уже были готовы. Такое явление предусматривалось еще на Земле.

— Витя, помоги! — прошу я Горбатко.

Совместными усилиями передвигаем датчики с од-

ного места тела на другое. Место раздражения кожи протираем специальным влажным тампоном. Стало немного полегче. Можно продолжать работу.

А работа предстояла очень интересная — по программе взаимные маневры и сближение с кораблями «Союз-6» и «Союз-8». Но об этом я расскажу немного позднее.

Виток 47-й. Есть на свете такие явления, мгновенные вспышки, которые не можешь схватить и осмыслить сразу. К ним потом уже, спустя много лет, тебя непременно и еще не раз приведет память.

Именно такой вспышкой был для меня голос Земли. Это случилось на 43-м витке. Обыкновенные рабочие минуты. Внизу надвигалась ночь. Смотрю на бортовой глобус. Наш корабль пролетает над Южной Америкой.

Слежу за приборами, иногда бросаю взгляд через иллюминаторы на летящую в темноте Землю. В шлемофонах характерное потрескивание эфира. Как будто большой и невидимый человек задышал у тебя над ухом. Какой-то таинственный и непонятный. А потом на какую-то долю минуты в эфире и, казалось, в мире все смолкло. Наступила мгновенная тишина.

Внизу летела земная ночь. И вдруг из этой ночи сквозь толщу воздушного пространства, которое, как спичечные коробки, сжигает самые тугоплавкие материалы космических кораблей, оттуда донесся лай собаки. Обыкновенной собаки, может, даже простой дворняжки. Показалось? Напряг весь свой слух, вызвал к памяти земные голоса — точно: лаяла собака.

Звук еле слышим, но такое неповторимое ощущение вечности времени и жизни...

Не знаю, где проходят пути ассоциаций, но мне почудилось, что это голос нашей Лайки. Попал он в эфир и навечно остался спутником Земли. А может, это лай других четвероногих космонавтов? Пчелки. Мушки? Сигналы первого космического корабля с манекеном на борту?

...А потом (я говорю «потом», хотя прошло не более нескольких секунд) стал отчетливо слышен плач ребенка. И какие-то голоса. И снова совсем земной плач ребенка.

Жила вселенная. И летела Земля. И где-то на Земле плакал ребенок. И была внизу женщина, которая уговаривала и ласкала его. И лаяла собака, охраняя жилище.

Объять все это было невозможно. Почувствовать — да. Может, единственный раз в жизни...

Самое сильное и, я бы сказал, какое-то необычное, странное ощущение начинает вдруг смущать и тревожить душу после взгляда из глубины космического океана на Землю.

Понимаете, наша обжитая, большая для нас планета выглядит отсюда совсем иначе. И удивительным кажется, что на этом маленьком, летящем в вечности космоса крохотном куске материи живет свыше трех миллиардов человек, дымят города, растет колос.

И тем более вдруг кажется невероятным, что за тысячелетнюю историю люди не смогли договориться. Люди, живущие так тесно и так мало, огнем и мечом уничтожают друг друга. Сотни малых войн и две мировых, не много ли это за не такую уж длинную историю человечества?!

Различаем берега Северной Америки. Под нами Соединенные Штаты. Здесь живет и трудится, ест, спит, жует резинку, смеется и плачет одна из самых цивилизованных наций планеты. Мы огибаем половину земного шара. Под нами Индокитай. Вьетнам, Камбоджа, Лаос. «Самая цивилизованная нация» пускает кровь народу, живущему на другом конце Земли, сжигает посевы, жилища, скот, убивает людей. XX век! Непостижимо!..

Виток 50-й. Наблюдал заход Солнца.

До того как скрылся краешек солнечного диска, над горизонтом Земли появилось сразу несколько полосок.

Непосредственно прилегала к поверхности горизонта полоска красного цвета, чуть выше — оранжевого, переходящая затем в темно-синюю и дальше в черную.

Затем эти краски постепенно стали тускнеть, и, наконец, над поверхностью Земли появилась довольно широкая полоса серого — точнее, даже пепельного — цвета.

Сквозь нее стали даже проглядывать звезды. На небосводе в созвездии Скорпиона появился тоненький серпик Луны.

После полного восхода Луны рядом с серпиком стал распознаваться и остальной контур нашего естественного спутника Земли.

Цвет его был тоже какого-то пепельного тона; этот пепельный цвет пропадает сразу же, как только появляется Солнце, и остается только видимым серп.

Очень красивое зрелище представляет и заход Луны за горизонтом. Я имею в виду, конечно, серп Луны. Так она выглядела в октябре, во время нашего полета.

К моменту захода ее за горизонт появляется причудливой формы белый след, дающий от горизонта в глубь материка белую дорожку, высота которой имеет внушительные размеры.

Мне это явление почему-то напоминало утренний туман, стелющийся над рекой у нас на Родине, в средней полосе России.

...На небосводе хорошо видно созвездие Южного Креста. В наших земных северных широтах мы его никогда не видим. Сразу же вспомнились книги научных фантастов. Может статься, и нам придется летать к звездам?..

Виток 57-й. Ночь. Пролетаем Кавказ. Очень сильное освещение западного побережья Черного моря создает такое представление, будто видны даже набережные курортных городов.

Виток 59-й. ...Впрочем, довольно. Всего все равно не расскажешь. Столько впечатлений!

Чтобы дать более полное представление о той насыщенности программы, которую нам приходилось выполнять, остановлюсь конкретно на одном из витков.

Этот виток представляет интерес хотя бы потому, что на нем проводился эксперимент по фотографированию геолого-географических объектов.

Открываю бортжурнал и смотрю расписанную еще на Земле программу на виток.

Начало витка — 11 часов 45 минут.

Время входа в тень — 12 часов 10 минут.

Время выхода из тени — 12 часов 45 минут.

Конец витка — 13 часов 15 минут.

Как говорится, это только «рыба». Основное записано в интервале между началом и концом витка.

В сеансе радиосвязи с Землей, а он начинается где-то около 12 часов и длится около 15 минут, мы должны будем доложить на Землю:

— о выполнении ориентации для проведения предстоящего эксперимента;

— о выполнении экспериментов по проведению навигационных измерений на прошлом витке;

— передать радиограмму по форме три о состо. ии параметров и систем корабля.

Это все надо передать очень быстро и четко, самое основное, учитывая, что времени в нашем распоряжении не так-то уж и много.

В этот же сеанс связи мы должны принять с Земли две радиограммы, а может быть, и больше, если в этом появится необходимость. Одна из телеграмм содержит данные на проведение эксперимента, связанного с фотографированием геолого-географических объектов земной поверхности с одновременным исследованием спектральной яркости этих объектов и их контрастности в видимой области спектра.

Так звучит этот эксперимент у специалистов. К нему мы готовы были еще на Земле, где на тренировках неоднократно отрабатывали все то, что необходимо было для его выполнения. Не считая, безусловно, теоретических занятий, проводимых с целью понимания физики явления.

Согласно программе в течение этого витка нам предстоит выполнить три режима полета.

Первый — режим полета корабля на гироскопах. Другими словами, корабль будет сохранять то положение, которое было у него в конце предыдущего витка, во время проведения навигационных измерений. В таком состоянии объект будет находиться до момента входа в тень, примерно до 12 часов 17 минут. В течение этого времени каждый из нас занят своим делом: командир осуществляет связь с Землей, переда-

ет на пункт управления различную информацию, принимает радиogramмы на борт; я записываю в борт-журнал результаты эксперимента, выполненного нами на предыдущем витке, ведь их надо не просто записать, а еще и обработать, как-то прокомментировать. После этого готовлю аппаратуру к проведению следующего эксперимента по отработке методов автономной навигации с секундомером.

Начало работы определено сразу же по входу корабля в тень Земли. Нетрудно подсчитать, что на все это мне отведено всего 25 минут.

Инженер-исследователь в это время, используя благоприятный момент, когда корабль не вращается, а находится в застabilизированном положении, выполняет эксперименты, связанные с фотографированием.

Большой интерес и ценность представляли наблюдения и фотографирование тропических циклонов, которые мы видели как гигантские облачные вихри с вертикальной осью вращения. Мы много слышали на Земле о том, какими ураганными ветрами и катастрофическими наводнениями они сопровождаются.

Как правило, они образуются над поверхностью океанов, как раз там, где практически не ведутся метеорологические наблюдения. И поэтому изучение природы возникновения этих интересных и опасных для человека атмосферных явлений с борта космического корабля имеет неопределимое значение.

Наблюдать циклоны из космоса и фотографировать их не так уж сложно. Единственное, что требуется, — это вовремя заметить и опознать его. Обнаруживались циклоны по характерному спиралевидному рисунку облачного покрова, да и Земля помогала нам, передавая целеуказания о предполагаемом районе возникновения циклонов.

Один из таких тропических циклонов наблюдался нами у побережья Южной Америки, о чем и было сообщено на наземные пункты связи.

Фотографирование на цветную и черно-белую маркированную пленку облачного покрова Земли должно было дать материал для изучения пространственного распределения и строения облачности.

Другая задача — это получение пространственного распространения снега в горах.

После проведения съёмки в бортжурнал записывались с максимальной точностью номера кассет, сюжет съёмки, виток и время фотографирования первого и последнего кадра.

Эта кропотливая работа требовала внимания и собранности. Ведь незначительная ошибка в записи могла усложнить и без того сложную работу тех людей на Земле, которым после нашего полета предстояло анализировать полученные материалы.

В 12 часов 20 минут начался эксперимент по автономной навигации. Анатолий Филипченко сориентировал корабль так, чтобы оптический иллюминатор, расположенный в кабине, был направлен на Землю.

При таком положении корабля иллюминаторы орбитального отсека, те, которые находятся над «сервантом» и «диваном», оказались направленными на полюсы орбиты.

Эксперимент заключался в следующем. Надо было в двух случаях — перед и после захода в тень Земли — наблюдать и опознавать в иллюминаторы не засвеченные Солнцем звезды, находящиеся в полюсах орбиты.

Освещение орбитального отсека, чтобы не мешало наблюдению, выключалось. Для безошибочного опознавания созвездий и звезд я пользовался бортовым звездным глобусом и навигационными картами.

Бортовой звездный глобус выполнен в виде небольшой сферы с нанесенной на нее картой звездного неба. Прибор имеет внутреннюю подсветку, что позволяет работать с ним и в темноте.

Помимо этого, с помощью секундомера я фиксировал время захода опознанных звезд за горизонт Земли и их восхода. Во время выполнения этого эксперимента в полюсе нашей орбиты, если смотреть в иллюминатор орбитального отсека, расположенный над «сервантом», лежало созвездие Возничего с яркой звездой Капелла.

Градусов на 10 выше горизонта расположилось созвездие Близнецов с известными, наверное, всем звездами Кастором и Поллуксом.

Если приблизиться к иллюминатору вплотную, то в верхней части поля зрения хорошо видно созвездие Тельца, а чуть правее — созвездие Ориона.

Сразу же, как только появляется Солнце, созвездия и звезды пропадают из поля зрения и становятся труднодоступными для наблюдения. Иллюминатор зашвечивается, даже если нет прямого попадания солнечных лучей на него. Засветка идет от самого корпуса корабля, солнечных батарей и многочисленных антенн, придающих кораблю сходство с ошетилившимся ежом.

12 часов 47 минут. Сразу же после выхода из течи командир корабля А. Филипченко меняет ориентацию корабля — теперь боковой иллюминатор смотрит на полюс орбиты, а в поле зрения иллюминатора, расположенного над «сервантом», видна Земля.

Разворот корабля был выполнен на 90° вокруг продольной оси очень четко, и Филипченко оставалось только уточнить размер отклонений, которые могли появиться в процессе этого маневра по тангажу и рысканью.

В радиограмме, принятой нами с Земли, было указано точное время начала и конца нового эксперимента и сообщены координаты предполагаемого района фотосъемки и спектрографирования.

Время начала — 13 часов 20 минут.

Фотографирование ведется на черно-белую пленку. Фильтр оранжевый. Спектрографирование производится специальным усовершенствованным, по сравнению с тем, который стоял на борту «Союза-5», аппаратом. Съемки — сериями, из пяти кадров каждая.

Такова задача, и теперь мы должны были отыскать на карте указанный район и опознать его на поверхности Земли.

Достаем карту. Так и есть — старый знакомый залив на Каспийском море — Кара-Богаз-Гол. Значит, район эксперимента остался тем же, к которому нас готовили на Земле.

Большое значение имело время начала эксперимента.

Дело в том, что одновременно с нами съемки заданного района должна была проводить наземная научная экспедиция. Для этих целей было выделено несколько самолетов гражданской авиации, оборудованных всем необходимым для выполнения запланированного эксперимента.

Съемки должны были проводиться с высоты 8—9 тысяч метров. Исход и результаты этого эксперимен-

та во многом зависели от четкой координации действий всех групп, которые принимали участие в нем.

До начала эксперимента остается несколько минут. Я занимаю свое рабочее место в кабине космонавтов около бокового иллюминатора. А. Филипченко находится рядом со мной в центральном кресле. В. Горбатко занял место у иллюминатора орбитального отсека. Оба иллюминатора, и тот, в который смотрю я, и тот, у которого поудобнее располагается сейчас Виктор, направлены на Землю. Их оси строго перпендикулярны к поверхности Земли, лежащей сейчас под нами.

Моя задача в этом эксперименте сводится к фотографированию заданного района. Фотоаппарат я уже приготовил и держу в руках. Еще раз проверяю установку нужного объектива, ставлю заданную диафрагму и соответствующую выдержку.

Записываю все эти данные в бортжурнал. Но это не все. Надо записать еще номер кадра, с которого начну съемку. Строго помню указание, что фотографирование надо вести аппаратом, плотно прижатым объективом к стеклу иллюминатора. Допустимое отклонение от этого положения не должно превышать 15—20°.

Стараюсь занять такую позу, которая была бы наиболее удобной в момент фотографирования; но сделать это в невесомости не так-то просто. Наконец и это мне удалось.

Докладываю командиру:

— Толя, я готов!

— Скоро начнем. Как там у Виктора дела? Он что-то молчит... — беспокойным голосом спрашивает Анатолий.

Беспокойство его мне кажется напрасным. Я совершенно четко себе представляю, чем сейчас занят Виктор Горбатко. Ведь в процессе подготовки на Земле мы занимались таким образом, чтобы в реальном полете в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств каждый из нас мог заменить один другого.

Вот сейчас он достал спектрограф из кармана патронташа, проверяет наличие и установку кассеты. Затем вскрывает крышку часов, заводит их и фиксирует в бортжурнале показания часов прибора и точное бортовое время. Поудобнее установив наглазник, смотрит в объектив прибора. Теперь ставит поляроид

прибора в положение «минимум». Поляроид — это своего рода фильтр. Он бывает плотным и слабым. Сейчас он должен установить слабый поляроид. Положение поляроида «максимум» ставится тогда, когда производится спектрофотометрирование дневного горизонта, то есть тогда, когда дело связано с Солнцем и его яркими лучами.

Как я и предполагал, все это Виктор проделал точно, как положено. Его исполнительности могут позавидовать многие из нас.

— Командир, — как бы в подтверждение моих мыслей раздается голос В. Горбатко. — У меня все готово!

— В 13 часов 20 минут приступаем к работе, — напоминает А. Филиппченко.

Смотрим вниз. И что же мы видим?!

Вместо ожидаемой картины восточного побережья Каспийского моря — сплошное белое «молоко».

Неужели облака мешают нам работать? Стрелка часов уже перескочила срок начала эксперимента.

Решаем пока работу не начинать. Бессмысленно тратить впустую дефицитную в космических условиях фотопленку.

Внизу по-прежнему не видно ничего, кроме белой подушки облаков. И когда мы вконец отчаялись в возможности проведения эксперимента, природа словно сжалилась над нами: внизу показались знакомые очертания наземных ориентиров северо-восточной части Каспийского моря.

— Начали! — кричу Виктору.

Защелкали спуски фотоаппаратуры. По времени пора бы уже кончать. Но мы еще на несколько минут затягиваем съемку, как бы компенсируя те мгновения, в течение которых Земля была закрыта облаками.

Нам в какой-то степени повезло. Как было выяснено после возвращения на Землю, наше решение оказалось правильным. Не сговариваясь с Землей, мы работали с очень небольшим рассогласованием по времени.

Вскоре после полета результаты проведенного эксперимента были опубликованы в нашей и зарубежной печати, вызвав большой интерес ученых. В мае 1970 года, на Международном съезде — КОСПАРа, проходившем в Ленинграде, академиком К. Я. Кондратьевым и мною были сделаны соответствующие до-

клады на эту тему. Так что можно сказать: эксперимент был проведен нами вполне прилично.

Теперь у нас появляется 20 свободных минут для второго завтрака и затем — снова за работу. Заканчивается очередной виток. Самое трудное и ответственное еще впереди.

Я не напрасно говорил о том, что основные работы у нас еще впереди.

Дело в том, что одной из самых главных задач, которая решалась в этом групповом полете, было взаимное маневрирование кораблей на орбите. Цель этого маневрирования — разрешить ряд вопросов, связанных с дальнейшей отработкой пилотируемых космических систем.

Одновременно с этим наземные службы связи и обеспечения полетов отрабатывали возможность управления сразу тремя космическими кораблями. Вот почему мы с нетерпением ожидали выведения на орбиту спутника Земли космического корабля «Союз-8» с космонавтами Шаталовым и Елисеевым на борту. Для них это второй полет в космос; и, как рассчитывали специалисты на Земле, их опыт предыдущего полета должен сыграть основную роль для выполнения сложного и не совсем обычного задания.

В момент старта корабля «Союз-8» мы находились где-то недалеко от этого района. Хорошо слышим в наушниках знакомые голоса:

— «Заря», я «Гранит». Все идет нормально! Самочувствие отличное.

Это Владимир Шаталов докладывает в Центр управления.

— Значит, ребята уже пошли, — говорит Анатсий Филиппченко.

Некоторое время эфир молчит.

— «Буря», я «Гранит» — на связи! — раздается наконец долгожданный вызов.

Значит, все в порядке. Экипаж «Союза-8» на орбите! Теперь нас уже в космосе сразу семь человек. На душе стало веселее.

Первая задача выведения на орбиту трех кораблей с интервалом в одни сутки выполнена на «отлично».

— «Гранит», я «Буран», слышим вас хорошо! От всей души поздравляем!

— Филипп, здорово! — это уже Владимир Шаталов чисто по-земному обращается к Анатолию Филипченко.

— Как у вас дела? Как настроение? — спрашивает друга Анатолий.

— У нас порядок! Все в норме! «Буран-два» и «Буран-три» вас тоже поздравляют!

— Поняли. Рады за вас! Сейчас начну устанавливать связь с «Антеем». Надо узнать, как они там.

— «Антей», я «Гранит»! — Это Владимир Шаталов начал устанавливать радиосвязь с экипажем «Союза-6».

Через несколько минут на Землю полетела наша первая коллективная радиограмма:

**ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КПСС
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ**

От имени экипажей космических кораблей «Союз» докладываем Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, Президиуму Верховного Совета СССР и Советскому правительству:

Сейчас в околоземном космическом пространстве успешно осуществляют групповой полет пилотируемые корабли «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8».

Семь советских космонавтов приступили к выполнению широкой программы научно-технических исследований, наблюдений и экспериментов. Наш дружный космический коллектив уверен, что намеченная программа по изучению космоса будет выполнена полностью.

Настроение отличное, чувствуем себя хорошо.

Горячо благодарим ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Советское правительство за оказанное доверие.

*Космонавты: Шонин, Кубасов, Филипченко,
Волков, Горбатко, Шаталов, Елисеев.*

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВА КОСМОНАВТАМ

товарищам ШОНИНУ Георгию Степановичу, КУ-
БАСОВУ Валерию Николаевичу, ФИЛИПЧЕНКО Ана-
толию Васильевичу, ВОЛКОВУ Владиславу Николае-
вичу, ГОРБАТКО Виктору Васильевичу, ШАТАЛОВУ
Владимиру Александровичу, ЕЛИСЕЕВУ Алексею Ста-
ниславовичу.

Дорогие товарищи!

От имени Центрального Комитета Коммунистиче-
ской партии Советского Союза, Президиума Верховного
Совета СССР и Совета Министров СССР горячо поздрав-
ляем вас с успешным групповым полетом космических
кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8».

Впервые в истории освоения космического простран-
ства на околоземной орбите находятся одновременно
три пилотируемых корабли. Это выдающееся достиже-
ние в области космонавтики служит новым доказатель-
ством высокого уровня развития советской науки и
техники, неисчерпаемых творческих возможностей со-
ветского народа.

Весь наш народ желает вам успешного выполнения
задания и благополучного приземления.

Обнимаем вас и ждем на родной Земле.

Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин.

ОТВЕТ НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Сердечно благодарим Центральный Комитет КПСС,
Президиум Верховного Совета СССР и Совет Мини-
стров СССР за теплые приветствия и заботу. Задание
Родины будет выполнено.

Космонавты: Шонин, Кубасов, Филипченко,
Волков, Горбатко, Шаталов, Елисеев.

До чего же здорово звучит — семь космонавтов на орбите! Целый коллектив советских людей, объединенных одним желанием — как можно лучше выполнить поставленную перед ними задачу. Несмотря на то, что мы разные все по характеру и по своим увлечениям, у нас нет и не может быть разногласий. Правда, споры между нами бывают, и довольно жаркие. Но, как известно, именно в спорах, творческих дискуссиях и рождается истина. Верх всегда берет коллективное мнение — и в этом наша сила. Сила в коллективизме, в чувстве товарищеского локтя, в общности цели. Я это говорю не для красного словца.

Предстартовая подготовка особенно сдружила нашу семерку. Не было в ней разделения: летчики с летчиками, инженеры с инженерами, которых в шутку военные иногда называют «профсоюзами».

Мы всегда были вместе. Хотя, казалось бы, должны были проявиться личные привязанности: ведь Георгий Шонин и Виктор Горбатко пришли в отряд космонавтов одними из первых — они старожилы отряда.

Владимир Шаталов и Анатолий Филипченко, оба отличные в прошлом летчики, давние знакомые по годам учебы в спецшколе ВВС, вместе летали в авиационных частях. Да и в отряд космонавтов они пришли одновременно.

Инженеров в нашей семерке трое: Алексей Елисеев, Валерий Кубасов и я... Елисеев закончил МВТУ, мы же с Кубасовым выпускники МАИ. Давно знаем друг друга, часто бываем вместе. К старту нас вела одна дорога: мы после К. П. Феоктистова и Б. Б. Егорова были первыми гражданскими космонавтами, и нам первым предстояло доказать «право на жизнь в космосе» людей нашей профессии.

Выделить кого-либо из семерки я не берусь. Не знаю, смог ли бы сделать это кто-либо другой из нас. Наверное, нет. Да и незачем. У каждого из нас свой, присущий только ему характер. Спокойный, с застенчивой улыбкой Георгий Шонин. Замкнутый упрямец Валерий Кубасов. Временами задумчивый, вечно нацеленный на юмор Алексей Елисеев. Серьезный и собранный Владимир Шаталов. Молчаливый и рассудительный Анатолий Филипченко. Открытый и добродушный Виктор Горбатко...

Простые, надежные ребята, они ни от чего не уклоняются. Когда трудно, они не стараются показать, что им легко, а когда весело, не притворяются, что сейчас не до смеха.

Настоящие рабочие космоса.

С такими легко, интересно жить и работать...

Но я отвлекся. Скоро предстоит встреча на орбите. Определяем параметры движения корабля, рассчитываем величины корректирующих импульсов, их направление. Это наша работа — бортинженеров. Я на «Союзе-7», Леша Елисеев на «Союзе-8», Валера Кубасов на «Союзе-6». Стараемся выполнить эту работу быстро, с высокой точностью.

Обнаружить на фоне черного неба среди бездны звезд корабли наших товарищей — задача далеко не из легких.

Не лучшим образом обстоит дело и днем, на белоголубом фоне нашей планеты.

— «Буря», я «Гранит»! Мы сейчас будем выполнять коррекцию орбиты. Через несколько минут начнем с вами сближение, — передал Володя Шаталов. — Вас больше, будьте внимательнее!

Мы хорошо поняли экипаж «Союза-8». Они предлагали установить за ними наблюдение. Ведь у нас глаз то действительно больше, а значит, и больше сфера обзора.

Перебираемся с Виктором Горбатко в орбитальный отсек и занимаем свои наблюдательные посты каждый у одного из иллюминаторов, лежащих во взаимно перпендикулярных плоскостях.

Обязанности распределены следующим образом: Виктор обследует участок темного звездного неба, я же пытаюсь обнаружить корабли на фоне светлой земной поверхности.

— «Гранит», я «Буря»! Мы сейчас пролетаем над океаном. Внизу под нами группа островов. Один вытянутой формы. Вы его прошли или еще нет? — Это командир корабля Анатолий Филиппченко пытается помочь всем нам, оглаживая тем самым зону нашего наблюдения.

— «Буря», острова видим, мы к ним сейчас только подходим. Длинный, вытянутый остров несколько впереди и справа от нас! — несется в наушниках ответ «Гранита».

Плоскость орбиты у нас одинаковая. Значит, надо искать «Союз-8» где-то сзади по полету, на фоне звездного неба.

— Витя, смотри в оба! «Гранит» должен быть с твоей стороны! — подсказывает Анатолий.

По времени мы уже вышли в заданный район встречи. Где-то здесь должны быть наши товарищи. И вот наконец радостный и взволнованный голос Виктора Горбатко:

— Вижу, вижу! Вот он! Вадим, смотри! Вот он, видишь?

В этот момент Виктор напоминал, наверное, Христофора Колумба, произнесшего свою всемирно известную фразу: «Земля! Я вижу землю!»

Какое-то трепетное волнение охватило меня в этот момент.

...Я подплыл к Виктору, впившемуся в иллюминатор, и, чуть отстранив его, прильнул к стеклу.

— Вадим, видишь? Смотри быстрее, быстрее, а то потеряем его! — торопит меня Горбатко.

Сердце бьется учащенно. Грудь распирает от нахлынувшего чувства восторга. На фоне знакомого созвездия вижу не похожую ни на что и по своим размерам, и по своей яркости мерцающую звезду, летящую звезду, которая старается догнать нас.

Сомнений не может быть. Это «Союз-8».

— Толя, иди сюда! Это точно, «Гранит», — позвал я командира.

И, не удержавшись, кричу в микрофон:

— «Гранит», я «Буран-два»! Видим вас отлично! Вы несколько сзади нас. Постараемся не потерять вас! Поняли?

— «Буран», вас поняли. Мы вас тоже видим, как звездочку. Поздравляем! — донеслось с борта «Гранита».

Только теперь я окончательно понял, насколько прав был Андриян Николаев, когда его спросили после полета:

— Как вы восприняли старт Павла Поповича?

Он тогда сказал:

— Одному в космосе хорошо, а вдвоем все же лучше. Как-то веселее становится на душе.

Это же чувство испытали и мы, увидев корабль «Союз-8».

Теперь мы совсем рядом — правда, в масштабах космоса это «рядом» пока весьма относительно.

Но эмоции эмоциями, а работа прежде всего.

С момента взаимного обнаружения нужно было немедленно определить параметры относительного движения кораблей: расстояние, скорости сближения.

Начинаем программу сближения и маневра с «Гранитом». Сейчас он уже виден далеко внизу под нами на фоне белых плотных облаков планеты. В лучах Солнца он похож на сувенирный самолетик: такой же крылатый и блестящий.

Когда смотришь на него, начинаешь ощущать громадные космические скорости, с которыми летят наши корабли, — 28 тысяч километров в час!

Мне кажется, что он вот-вот обгонит нас и скроется из поля зрения в безбрежных просторах вселенной. Но это только кажется. На самом деле мы ведь тоже движемся с такой же скоростью.

В заданное время «Гранит» производит ориентацию корабля и включает корректирующую двигательную установку.

Мы непрерывно следим за их действиями.

Начинается сближение. С помощью специальной аппаратуры Леша Елисеев с борта «Союза-8» и я с борта «Союза-7» производим измерения расстояния и скорости сближения между нашими кораблями. Наши измерения сверяем по радиоканалу.

— Леша, у меня около трех тысяч метров. Как у тебя? — запрашиваю я у Елисеева.

— Вадим! Тебя понял! Данные совпадают! — слышу в ответ.

И так в течение всего сближения.

Вот уже хорошо видны знакомые очертания корабля «Союз-8». Меня поразила его окраска. На Земле она смотрится совсем по-иному: я бы даже сказал, несколько мрачноватой. В космосе же корабль просто неузнаваем. Он какого-то бело-зеленого цвета, весь переливается в лучах Солнца и отраженного света Земли. Многочисленные антенны корабля торчат во все стороны блестящими иголками.

Хорошо виден спускаемый аппарат, сжатый с одной стороны приборно-агрегатным, с другой — орбитальным отсеками. Падающие на иллюминаторы солнечные лучи при покачивании корабля возвращаются

к нам веселыми зайчиками, которые не останавливаются, а продолжают лететь дальше.

В центре корабля, как рог у носорога, торчит наружная часть оптического прибора. При спуске с орбиты эта часть корабля отстреливается, а сейчас она на месте и переливается всеми цветами радуги. Ну чем не драгоценный камень!

«Союз-8» уже совсем близко.

— «Буран», я «Гранит»! Будьте внимательны: скоро тень. Продолжим маневры после выхода из нее, — слышим мы голос Шаталова.

«Союз-8», подобно самолету, с небольшим креном прошел где-то над нами и пропал из виду: мы вошли в тень.

— «Гранит», я «Буран». Ты куда-то потерялся, — сообщает Филиппченко. — Мы тебя пока не видим.

— Сейчас включу огни. Наблюдайте, — слышим в ответ.

— «Гранит», видим вас! Хорошо виден мигающий оптический индекс.

— Вас поняли. До встречи, «Бураны»!

Потянулись томительные и напряженные минуты. Мы с Горбатко менялись на посту возле иллюминатора. Наша задача — не потерять из виду «Гранит».

Но это было только начало маневров. Они продолжались и на следующих витках. Все три корабля покорно подчинялись воле экипажей, которые разворачивали «Союзы» относительно центра масс при ориентации в заданном направлении, могли повернуть корабли относительно любой из осей, увеличить или погасить скорость, стабилизироваться в нужном положении.

«Союз» — отличный космический корабль, большой, сложный, умный и необычайно послушный. Раскинув, словно крылья, панели солнечных батарей, тройка «Союзов» бороздила космос. Сотни тысяч километров шли мы вместе, можно сказать, почти рядом.

Уже позже, как-то во время полета Андрияна Николаева и Виталия Севастьянова, я находился в центре управления космическими полетами. Вечером мы вышли на улицу и сели на скамейки. Стали вспоминать наш полет.

Один из товарищей сказал, обращаясь ко мне:

— А ты знаешь, до чего красиво было наблюдать за вами отсюда, с Земли? Поднимешь голову и видишь три звездочки, стремительно летящие среди множества неподвижных звезд. Как в сказке!

— Да, это действительно, наверное, красивое зрелище!

Программа маневрирования была выполнена полностью.

Получаем на борт указание с Земли — продолжать полет по программе.

Ну что ж, «Гранит» и «Антей», мы расстанемся с вами, но совсем ненадолго.

Через несколько суток мы встретимся снова, но уже на Земле, в нашем уютном доме «Космонавт» на Байконуре.

«Счастливого пути!» — пожелали мы друг другу.

ЗЕМЛЯ — НАШ ПРИЧАЛ

„Здравствуй, русское поле!“ ● Профессия или призвание? ● Будущее начинается сегодня ● Счастье трудных дорог

17 октября 1969 года Земля передала: «Ваше время истекает». Мы ждали этой команды. И тем не менее, когда она поступила, с искренним сожалением подумалось о быстротечности времени.

То ли оттого, что очень напряженной была работа, то ли потому, что мы уже привыкли к необычным условиям космоса, к нашему кораблю с его двумя жилыми отсеками, мы не обращали внимания на время.

Но... позади пять суток полета. Закончена наша программа. Все, что так скрупулезно записывалось в бортжурналы, имеет пометку «выполнено». Может быть, где-то надо было бы и больше, и лучше делать, но, во-первых, опять же время, а во-вторых, надо учитывать — полет-то первый. Опыт сразу не приходит. И наш звездный командир Анатолий Филипченко отдает приказ по кораблю, правда, несколько не по уставу:

— Ну что же, ребята, пора готовиться. — И добавил с улыбкой: — Как здесь ни хорошо, а дома лучше.

Мы привыкли к космосу, который не лишил нас самого главного — работоспособности, и мы могли бы летать еще и еще. Но приказ есть приказ, программа есть программа. И как ни уговаривали руководителей полета дать поработать еще, ничего из этого не вышло.

Их можно понять. Еще неизвестно, кому тяжелее приходится — тем, кто руководит полетом с Земли, или нам, летающим в космосе...

Мы хорошо знаем тех, кто сейчас находится на наземных пунктах связи, тех, кто осуществляет управление полетом из Центра. Сейчас они там, внизу, с напряженным вниманием и волнением следят за окончанием нашего полета. И не уйдут отдыхать до тех пор, пока не услышат простые, земные слова, за которыми будут и бессонные часы и минуты, и напряжение нервов, и усталость: «Корабль приземлился нормально. Космонавты чувствуют себя хорошо»...

Конечно, мы очень соскучились по дому, по родным и близким. Мысль все время возвращалась к жене и сыну: как они там? Небось Володька не отходит от телевизора и наверняка тискает и мучает любимца нашей семьи котенка Аполлона. Мама наверняка плачет. А отец молчит и будет все переживать в себе...

За многие дни космической вахты мы успели обрести колючей щетиной, которую лично я с интересом рассматриваю в зеркало, ребята шутят: «Борода-то у тебя татарская — черная и клинышком». На Земле нельзя было и подумать, чтобы не бриться столько времени.

С какой нежностью вспоминали мы парилку в «Сандунах», бочковое пиво в Доме журналистов и, конечно, как русские люди, — горячие наваристые щи или борщ. Но все это будет потом, там, на Земле, — и не один раз. А вот полетим ли еще?

Мы не раз толковали на эту тему за время нашего пребывания в космосе, и у каждого в сердце одна заветная мечта — летать еще и еще: «Столько, сколько позволят здоровье и знания». И хорошо бы этим же экипажем. Ведь ничто, наверное, так не сближает людей, как трудное и ответственное дело.

Мы привыкли друг к другу. Доверяли все самые сокровенные мысли и мечты. На корабле не было Филипченко, Горбатко, Волкова. Были Мы. Хотя каждый из нас продолжал оставаться самим собой, мы пред-

ставляли, как позднее сказал во время одной из встреч на Земле Виктор, одно целое.

Разумеется, не всегда мы сходились во мнениях. Но мы умели прощать друг другу промахи и находить единое, но правильное решение. Все житейские вопросы у нас на корабле решались голосованием. Что же касалось программы полета, то здесь слово командира было для нас непреложным законом.

— Давайте укладываться, — напоминает Анатолий, — да не забудьте чего-нибудь. Повнимательнее.

Это мы и сами понимаем. За пять суток полета много накопилось материала и, естественно, немало подсобралось и мусора. Да и лежало все не в том порядке, который был, когда мы вышли на орбиту. Многого просто уплыло в буквальном смысле этого слова.

Теперь нам все это предстояло аккуратно убрать. Часть, очень незначительную, самое-самое ценное, разместить в спускаемом аппарате, часть оставить в орбитальном отсеке, но непременно аккуратно все упаковав, перевязав, с тем чтобы ничто не могло помешать при закрытии люка-лаза и разделении корабля.

Работать начинаем в обратном порядке. То есть теперь все, что было вынуто из патронташей и ящиков «серванта», надо уложить обратно на прежние места.

Анатолию передали в спускаемый аппарат только отснятые пленки — кино- и фотокассеты, а еще небольшие сувениры, взятые нами в полет. И конечно, в первую очередь передали бортжурнал.

Жаль оставлять здесь, на орбите, такую дорогостоящую и уникальную аппаратуру. Очень жаль! Более безотказной нам не доводилось встречать. Но ничего не поделаешь, приходится мириться. Спускаемый аппарат не способен взять все, что вмещает весь корабль «Союз».

Вот, кажется, все и собрано. Вроде свободнее и светлее стало в обжитом нами за пять суток полета орбитальном отсеке. Я бы сказал даже, голо и неудобно.

— Ребята, заканчивайте, уже время, — торопит нас командир.

Смотрю на часы. Да, пора задраивать люк-лаз, проверять герметичность и приступать к заключительным операциям.

— Слушай, Вадим, а я что-то не вижу твоей коро-

бочки с горстью земли, той, что с Малахова кургана, — обратился ко мне Анатолий.

Эту землю привез домой мой сынишка, когда летом побывал в Севастополе с экскурсией из пионерлагеря. И я взял ее с собой в полет.

— Толя, не шути, я же тебе ее передавал. Она лежала в планшете.

— Куда же она могла задеваться?

Втроем обшарили весь корабль. Заглядывали в самые потаенные уголки, перебрали уложенную в спускаемый отсек аппаратуру — тщетно!

А времени в обрез, искать больше некогда.

И тут, словно удовлетворившись нашим раздосадованным видом, из-под кресла командира этак преспокойно, невозмутимо выплывает пропaja: коробочка с землей. Очередные козни невесомости!

На сборы ушло не так уж много времени, около получаса. Но вот интересная деталь: начали сборы над Черным морем, примерно над Крымом, а когда закончили, летели уже над северными широтами Америки...

Последний раз окидываем взглядом орбитальный отсек, мысленно прощаясь с ним. Ну что ж, он хорошо послужил нам и явился надежным местом работы и отдыха за время нашей космической вахты. Переходим в спускаемый аппарат и занимаем свои места.

Виктор помогает командиру закрыть крышку люка-лаза. Вдвоем они до упора закручивают штурвал.

Теперь надо проверить герметичность. Включаю клавишу «Сброс давления орбитального отсека» и засекаю время по секундомеру. Давление падает до 500 миллиметров ртутного столба. Падение давления в спускаемом аппарате не должно превышать заданных величин. Так оно и есть, норма!

Кажется, все в порядке. Герметичность полная. Теперь дело за командиром. Надо с высокой точностью сориентировать корабль по местной вертикали и по курсу. Бег Земли в оптические иллюминаторы должен быть как бы из-под нас. Это значит — корабль сориентирован по посадочному. Анатолий Филипченко, имеющий теперь большой опыт не только летчика, но и космонавта, отлично справляется с этим заданием.

Корабль сориентирован.

Включаем программу спуска и по индикатору конт-

роля программ начинаем следить за ее прохождением. Стрелка программника начинает свой ход по вертикали вниз до отметки «Включение двигателя».

Включились гироскопы. Прошла команда на их разаретирование. Включился интегратор. Автоматика работает четко. Сейчас должен включиться двигатель. Очень ответственный момент.

Толчок. И уже слышен ровный гул — заработала тормозная двигательная установка.

Секунда, еще секунда, еще...

Ведем отсчет времени. Точно в заданное время, через 146 секунд, происходит отключение двигателя по команде интегратора ускорений. Корабль «Союз-7» перешел на траекторию полета к Земле.

Начинаем проходить самый трудный и ответственный участок. Трудный потому, что мы устали, да и порядком отвыкли от земных условий. Ответственный — так как слишком много должно пройти команд от автоматики спуска, прежде чем корабль коснется земли...

Толчок.

Это произошло отделение спускаемого аппарата от орбитального и приборно-агрегатного отсеков. Мы, находясь в капсуле спускаемого аппарата, продолжаем стремительное падение вниз, к Земле.

В иллюминаторе промелькнули какие-то предметы. В одном из них я узнал обшивку орбитального отсека. Значит, разделение произошло нормально.

Еще один этап посадки пройден.

Сейчас в действие должна вступить система управляемого спуска, которая с помощью специальных двигателей, расположенных на корпусе спускаемого аппарата, будет разворачивать корабль. Это позволит, изменяя направление подъемной силы, управлять аэродинамическим качеством аппарата и обеспечить посадку в точно заданном районе с наименьшими перегрузками на участке спуска.

Скоро капсула должна войти в атмосферу. Так и есть. На одном из многочисленных табло загорается транспарант: «Атмосфера».

Начинают плавно нарастать перегрузки. Но пока они не превышают тех норм, к которым мы привыкли во время тренировок на Земле.

Изменился цвет стекла иллюминатора. Причем ментально, в какие-то доли секунды, он приобрел

оттенков, напоминающий окалину на металле. Видимость через него значительно ухудшилась. Это «шутки» бушующего за бортом огня. Мы видим языки пламени, напоминающие своеобразные трассирующие ленты, и знаем: температура за бортом велика — около 3 тысяч градусов.

Где-то внизу, под нами, начинает нарастать шум и треск. Такое впечатление, как будто из-под нас что-то с яростной силой отдирают. Это горит верхний слой теплозащитного покрытия спускаемого аппарата. Должен заверить: не самое приятное ощущение.

Наконец треск прекращается. Мы с Виктором пытаемся через иллюминатор продолжить свои наблюдения.

Спускаемый аппарат послушно разворачивается за счет реактивных двигателей системы управляемого спуска вокруг своих осей.

В иллюминаторе мелькает то желтоватая поверхность планеты, то голубизна неба. Создается впечатление, что аппарат погружается в толстую и мягкую пуховую подушку.

Система управляемого спуска работает надежно и устойчиво. Мы это прекрасно понимаем, потому что перегрузки лежат в допустимых пределах. Все три пары наших глаз устремлены на секундную стрелку бортовых часов. •

Наступает ответственный момент — ввод в действие парашютной системы.

Тупой стук по корпусу спускаемого аппарата. Это произошел отстрел крышки люка парашютного контейнера. Чувствительный рывок, затем другой говорят о том, что вступил в действие каскад парашютов — сперва вытяжной, затем тормозной. А теперь вот и основной купол раскрылся. Корабль завращался вокруг своей продольной оси, повис на стропах и стал медленно и торжественно раскачиваться под цветными шатрами.

При появлении солнца в иллюминаторе включаем секундомеры и пытаемся определить скорость вращения.

Высота нам примерно ясна. До Земли не больше 10 тысяч метров.

Вращение капсулы прекратилось. Докладываем по радиосвязи на Землю (и записываем на магнитную

ленту) о том, что все идет нормально. Самочувствие хорошее.

И вдруг совершенно неожиданно ощущаем какие-то перемены в кабине. Пока еще не понимаем какие, но чувствуем, добрые. Смотрим вопросительно, недоумевающе друг на друга. Что бы это могло означать? Наконец, вместе, разом понимаем. Открылось вентиляционное отверстие, и в кабину проник запах Земли, нашей родной и прекрасной планеты! Сумею ли передать это впервые захватившее нас ощущение? Это был запах жизни. Земля, которая тысячелетиями держала человека в своих объятиях, вдруг потеряла над ним свою власть. И вот он возвращается обратно к ней по ее зову. И она посылает ему свой первый подарок!

Но где же Земля? Ее не видно. Плотная белая облачность закрыла ее своим покрывалом.

Корабль опять начинает раскачиваться. Это уже буйствует ветер. Погода в районе посадки самая что ни на есть нелетная: плохая видимость и порывистый ветер, до 15 метров в секунду. Потом нам рассказывали, что снежные заряды задержали в Караганде вылет нескольких транспортных самолетов. Очень образно и точно писали журналисты в газетах: «Буран» садится в буран».

Но вот в иллюминаторе мы видим белый ковер заснеженной степи. Поверхность ровная.

Видим внизу полосу дороги.

— Ребята, скоро касание!

Крепко сжимаем руками рукоятки кресел и стараемся сильнее прижаться к ложементу.

Включаются двигатели мягкой посадки. Скорость погашена.

Резкий толчок — и вдруг... тишина.

Мы на Земле.

Ждали этого момента, надеялись. А вот не верится...

В последний момент Виктор отстреливает вторую стренгу, связывающую капсулу с парашютом, — это для того, чтобы он не тащил нас по полю. Первую командир успел отстрелить сразу же при касании.

Смотрю на товарищей. Виктор висит, привязанный в кресле надо мной, и блаженно улыбается. Вначале

толком разобрать ничего не могу. Свет в кабину проникает очень слабый. Смотрю в иллюминатор. Различаю снег. Темное желтое пятно. И тут вдруг замечаю зеленую травинку. Как она оказалась здесь, под нами, как уцелела? Уму непостижимо!

И эта зеленая хлипкая травинка под нами среди снега была очень дорога нам в этот момент! Вспомнилась сразу слова известной песни Я. Френкеля «Русское поле»...

Здравствуй, русское поле!
Я твой тонкий колосок...

Расчетная точка нашей посадки в 155 километрах северо-западнее города Караганды. Наш космический адрес, который совсем недавно звучал примерно так — Вселенная, область — Околосемная, город — Орбита, дом — корабль «Союз-7», теперь называется снова одним словом — Земля.

А сейчас надо попробовать отвязаться и открыть крышку люка-лаза, с тем чтобы выбраться наружу. Но это не так-то просто.

Пробую сначала поднять бортжурнал, выпавший из специального кармашка, нашитого на внутренней обшивке спускаемого аппарата. Но что это? Он стал необычайно тяжелым. Вынуть его совсем не просто. Оставляю лежать на месте.

Пробую поднять руку. Она тоже стала раза в два-три тяжелее. Значит, надо немного подождать: требуется время, чтобы снова привыкнуть к земному притяжению.

— Витя, — обращаюсь я к Горбатко, — ты подожди пока отвязываться, а то придавишь меня. Будем выходить, как нас учили. Сперва Анатолий, затем ты, и уж последним я.

Прошло совсем немного времени, и мы услышали, как кто-то снаружи подает условные сигналы, ударяя чем-то тяжелым по обшивке парашютного контейнера. И тут же кто-то из «землян», пока неведомый нам, начинает открывать крышку люка.

Анатолий помогает им изнутри. Наконец крышка откинута, и в кабину врывается студеной, свежий воздух. Люк открывается вовнутрь. Он закрыл от меня и командира и инженера-исследователя. Чув-

ствую только по учащенному дыханию Анатолия, как он отвязывает привязную систему и вылезает из кресла.

Кто-то, перегнувшись через люк, помогает ему покинуть корабль. За ним вылезает Виктор. Теперь очередь за мной. Плечом приподнимаю крышку и забираюсь на место командира. Передаю встречающим нас товарищам свой бортжурнал и с их помощью сажусь сперва на обрез люка, а затем плавно спускаюсь на землю.

Метрах в тридцати отстреленный нами красно-оранжевый купол закрывает собою большой участок снежной карагандинской степи. От него как-то безжизненно тянутся стропы. Ну что ж, он сыграл свою роль, обеспечив плавный спуск капсулы на Землю.

А надо мной небо...

Смотрю на него. Оно закрыто плотными облаками. Даже не верится: неужели мы были в космосе? И все вот так быстро кончилось. Как будто и не было нескольких лет напряженной подготовки и не было этих пяти суток космического полета.

Все это промелькнуло в сознании за какие-то доли секунды, все как во сне. В мыслях мы еще где-то там. Еще озабоченно думаем, совсем по-домашнему, не оставили ли что-либо в орбитальном отсеке (как на Земле: не забыл ли выключить газ?). А ногами, тяжелыми, свинцовыми ногами, уже здесь, на Земле. Нас обнимают, целуют, смеются, шутят, фотографируют, просят дать автографы.

На протянутых листочках бумаги рисую какие-то иероглифы. Пальцы не очень уверенно держат ручку. Она тоже страшно тяжелая. Пошатывается. Почва под ногами совершенно неустойчивая. Заботливые руки встречающих протягивают нам теплую меховую одежду. Снимаю полетный шлемофон и надеваю летную меховую шапку.

Врачи видят, как я неуверенно стою на ногах, и просят сесть на расстеленный тут же брезент. Хочется пить. Прошу воды. Может, будет полегче.

От стоящего невдалеке вертолета уже спешат с канистрой, наполненной холодной водой. Делаю несколько жадных глотков.

А теперь с помощью встречающих надеваю всю остальную одежду. То же самое делают и мои това-

рищи. Теперь мы похожи на зимовщиков, тем более с нашей пятидневной щетиной.

Встаю с брезента и подхожу к ребятам.

— Ну что, пойдем на память сфотографируемся у нашей красавицы? Больше ведь в ней нам не летать. Станет музейным экспонатом, — предлагаю я.

Толя подзывает одного из знакомых фотокорреспондентов:

— Сними на память...

И он снимает. Так мы и застыли — три уставших, небритых, но счастливых человека у лежащей на боку капсулы.

Уложены в мешки и переданы представителю поисковой группы часть оборудования, возвращенного из космического полета, а также различные материалы — итог пятидневной работы в космосе экипажа корабля «Союз-7».

— Эх, в баньку бы сейчас, попариться! — мечтательно говорит Анатолий.

Но об этом пока только можем мечтать. Сейчас надо идти к вертолету. Нас ждет Караганда.

От работающего винта в вертолете шумно, и поэтому объясняемся только мимикой и жестами.

Лезу в карман полетной куртки и нахожу свернутый листок бумаги с какими-то записями, сделанными карандашом. Разворачиваю его; это выполненная упрощенно карта звездного неба, которой я пользовался в полете. Бортинженер вертолета показывает мне руками:

— Подари на память с автографом.

— Ну что ж, вы первые, кто встретил нас на Земле.

На листке появляется надпись: «Экипажу вертолета, встретившему нас первыми на Земле. От экипажа космического корабля «Союз-7». Филиппенко, Волков, Горбатов».

Через полтора часа лета идем на посадку. Внизу — толпа людей и большое количество машин.

Выходим из кабины.

К нам бросаются многочисленные фото- и кинокорреспонденты, журналисты, многих из которых мы знаем.

— Не снимайте нас такими небритыми. И не истолкуйте превратно наше покачивание. Еще не успели поотвыкнуть от невесомости.

Оказывается, к невесомости легче привыкнуть, чем отвыкнуть от нее.

Обнимаю товарищей за плечи, шепчу им: «Так будет устойчивее».

Небольшая пресс-конференция, которую даем представителям радио и телевидения. Журналисты что-то записывают в свои блокноты. Мы уже примерно представляем характер вопросов и отвечаем по порядку.

— Наиболее яркое впечатление?

— Вид нашей планеты — Земли, восходы, закаты. Описать это трудно, не подберешь слов, это надо видеть самому.

— Если бы в вашем корабле находились разумные существа с другой планеты, могли бы они, увидев то же, что и вы, определить, обитаема Земля или нет?

Этот вопрос вызвал оживление. Анатолий Филипченко сказал, что сверху довольно отчетливо различаются города, лесные массивы, над Африкой перед взором проходят то пустыня, то джунгли. А Виктор Горбатко добавил, что он заметил даже вспаханные поля в северном полушарии.

— Видно все, — сказал я. — Жаль, что не было на борту настоящих журналистов и фоторепортеров.

— Каков «звуковой мир» космоса? Из чего он состоит?

Будто стараясь вызвать к жизни пережитое за эти пять дней, Анатолий Филипченко на минуту задумался.

— Полной тишины в корабле нет, можно уловить шум двигателей, обычный рабочий шум корабля.

— Расскажите о смысле и характере геолого-географических исследований.

— Это вопрос специальный, на него надо отвечать подробно. Вы знаете, что по характеру местности, а мы его различаем довольно подробно, геологи могут определить наличие полезных ископаемых.

— Что можно сказать о навигационном приборе, который, как известно, находился на корабле? — не унимаются дотошные репортеры.

Этот вопрос по моей части. Отвечаю:

— Сейчас нет возможности дать подробную характеристику этому прибору, но работал он очень хорошо и помогал нам ориентироваться.

— Когда вы вышли из вертолета, нам показалось, что вы неуверенно ступаете по земле; как быстро адаптируется космонавт к земным условиям?

— К невесомости, — пошутил Филипченко, — привыкли быстрее, чем к земному притяжению.

— Расскажите о вашем космическом быте.

Филипченко улыбается, вспоминая наш «быт».

— Мы быстро свыклись с новыми условиями. Пробовали спать на «диване», на «полу», привязывались, как у нас говорят, «на двух нитках». Однако при невесомости удобнее всего спать, прижавшись к чему-то твердому.

Виктор Горбатко сообщает журналистам некоторые секреты нашей кухни и наших вкусов:

— Как ни странно, мы оказались сладкоежками, даже Владислав, который любит мясо. Мы так избаловались, что перед спуском позавтракали только деликатесами.

— Беседовали вы перед спуском с Владимиром Шаталовым?

Анатолий Филипченко несколько удивился этому вопросу.

— Обязательно. Он пожелал нам мягкой посадки, и мы пожелали ему того же.

Ну и в конце пресс-беседы, если можно так выразиться, журналисты остались верны себе и задали «провокационный» вопрос:

— Как начали бы вы интервью при встрече с космонавтами?

— Вопросом «Как вы себя чувствуете?».

Мой ответ вызвал веселое оживление.

О многом, видимо, хотели бы еще порасспросить корреспонденты наш экипаж «Союза-7», но космическая медицина непреклонна. Нас торопят врачи, требуя, чтобы мы быстрее садились в машины.

К машинам идем сквозь живой коридор встречающих нас гостеприимных карагандинцев.

Через несколько часов наш самолет берет курс к месту старта.

Прощай, «мягкая» земля Караганды, наша «космическая гавань»!

Часто нас спрашивают о том, как стать космонавтом. Об этом спрашивают и дети и взрослые. Трудно, наверное, в нескольких словах или в нескольких строчках дать какие-либо рекомендации по этому поводу. Мне хотелось бы сейчас на страницах этой книги поделиться некоторыми соображениями на этот счет, а выводы пусть читатели сделают сами.

История появления на свет первых работ о космонавтике полна драматизма. 3 апреля 1881 года, когда петербургские цветочницы на набережной Фонтанки предлагали первые весенние цветы, во дворе Петропавловской крепости веревочная петля самодержца «всёя Руси» захлестнула шею сына священника Ивана Осиповича Кибальчича, участника убийства царя Александра II — Николая Кибальчича.

Выдающийся изобретатель, народоволец Николай Кибальчич оставил потомкам проект реактивного летательного аппарата.

В предисловии к своему смелому научному трактату он записал:

«Находясь в заключении, за несколько дней до смерти, пишу я этот проект. Я верю в осуществимость моей идеи...

Если же моя идея после тщательного обсуждения учеными-специалистами будет признана исполнимой, то я буду счастлив тем, что моя идея не погибнет со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью».

Н. И. Кибальчич впервые высказал предположение о возможности использования выбрасываемых ракетой газов в качестве тяги, движущей аппараты обтекаемой формы.

«Звездными часами человечества» назвал Стефан Цвейг мгновения наиболее ярких вспышек человеческого разума. До «звездного часа» Юрия Гагарина был «звездный час» Константина Эдуардовича Циолковского, патриарха космонавтики планеты Земля. Эпиграфом к мировой космической эре стоят его смелые и страстные слова: «Земля — колыбель человечества, но человечество не может вечно оставаться в своей колыбели». И не случайно эта эра началась на родине великого ученого — в СССР.

Впервые в истории мировой науки К. Э. Циолковский теоретически обосновал возможность осуществления межпланетных полетов и преодоления земного притяжения.

В годы Советской власти трудами его ученика и последователя Цандера, а затем и других ученых была создана первая группа по изучению реактивного движения (ГИРД), которая поставила перед собой задачу создания первой жидкостной ракеты. От запуска этой первой ракеты до создания мощной трехступенчатой ракеты прошло около 22 лет. Под руководством и при непосредственном участии С. П. Королева в октябре 1957 года был осуществлен запуск первого искусственного спутника Земли.

Наверное, тогда впервые по-серьезному был поставлен вопрос о запуске в космическое пространство человека. Впервые в группу будущих космонавтов были набраны молодые, физически крепкие летчики. Не каждый из них тогда верил в возможность осуществления столь фантастически дерзкой мечты. Многие, даже пройдя медицинскую комиссию, возвращались назад, в свои родные полки. И только самые упрямые фантасты и реалисты одновременно, искренно решившие посвятить себя новой, казалось бы, несбыточной мечте, которую даже мысленно трудно было себе представить, попали в первый отряд космонавтов. Имена их теперь стали известны не только в нашей стране, но и во всем мире. В числе их находился и первооткрыватель космических трасс, первый человек, преодолевший земное притяжение на космическом корабле «Восток-1», Ю. А. Гагарин.

Что можно добавить ко всему сказанному? Ответ мне видится простым и кратким: чтобы стать космонавтом, надо быть до предела целеустремленным и преданным избранному делу. Надо быть фанатиком в том самом добром смысле слова, когда вера имеет глаза.

В 1967 году на смену космическим кораблям «Восток» и «Восход» пришли новые, современные и многоцелевые корабли, получившие название «Союз». Эти корабли, располагающие большими возможностями, позволяли существенно увеличить объем и качество проводимых на борту научных исследований и наблюдений.

Одному человеку становится уже трудно справиться со всем тем комплексом задач, которые ложатся на него в процессе полета. Сложность и многообразие аппаратуры управления, связи, жизнедеятельности и т. д. выдвинули на повестку дня вопрос о необходимости быть на борту космического корабля человеку, способному проводить техническое обслуживание сложного бортового оборудования, а также способного в любой момент взять на себя функции по управлению кораблем и обеспечению посадки на Землю в случае возникновения не предусмотренных программой и жизнью обстоятельств.

Так впервые в составе экипажей космических кораблей «Союз» появился человек, который именуется сейчас как бортинженер корабля.

Помимо отменного физического состояния, от нас требовали отличного знания всех бортовых систем корабля, умения правильной эксплуатации их и способности к анализу обстановки на борту в самых неожиданных условиях полета. Кроме этого, мы должны были иметь в своем активе определенное количество прыжков с парашютом и налет часов на современных реактивных истребителях.

Трудным был наш путь до взлета. Трудным хотя бы потому, что очень многие сомневались и откровенно побаивались: смогу ли я перенести то, что казалось под силу только летчикам-профессионалам, и не просто перенести, а полностью сохранить свою работоспособность?

Нам повезло: нами руководил такой замечательный человек, дальновидный руководитель, как Сергей Павлович Королев. Нас готовили к космическим стартам замечательные люди, среди которых мне в первую очередь хотелось бы отметить летчиков-космонавтов СССР, уже побывавших в космосе, летчиков-испытателей новой техники, таких, как Герои Советского Союза Юрий Гарнаев и Сергей Анохин, и многих, многих других отличных специалистов своего дела.

Как показали полеты, инженеры-испытатели и инженеры-исследователи с честью выдержали испытания и вместе со своими товарищами по кораблю сделали все, чтобы выполнить возложенное на них задание. И как итог еще один вывод: нужны знания и еще раз знания. И не только знание систем корабля, но и

многих других специальных и общеобразовательных наук — вот что необходимо настоящим и будущим космонавтам.

Сегодня наряду с научными исследованиями пока еще идут так называемые «доводочные испытания» космических кораблей, и поэтому в составе экипажа нет «чистых» представителей других профессий. Но такой день обязательно настанет, и в космос для проведения научных исследований будут подниматься люди самых различных специальностей и профессий.

Будущие космические корабли, и особенно орбитальные станции с длительным временем существования, будут комплектоваться целым коллективом людей. Будут в этом коллективе астрономы и метеорологи, геологи и картографы, врачи и связисты и многие, многие другие специалисты. И очень важно, чтобы эти люди отлично понимали друг друга, могли прощать один другому мелкие ошибки и слабости, уважали в каждом чувство собственного достоинства и жили единым дыханием, единым порывом.

То, что иногда допустимо в отношении людей на Земле, совершенно недопустимо в космосе. Я вспоминаю полет нашего экипажа в составе трех человек. В течение всего полета, если не считать самых незначительных мелочей, мы работали как один человек, доверяя и помогая друг другу. И это, безусловно, помогало нам в процессе выполнения программы полета вдали от родных, близких и друзей.

И когда сейчас заходит речь о проблеме, которую впервые поставил перед учеными Ю. А. Гагарин — «психология и космос», — надо исходить из того, что влияние космоса на психологию человека прямо пропорционально времени и ответственности задания, полученного на Земле. Космос — великий лекарь открытых и скрытых психологических недугов и несовершенств человека, при обязательном участии всех его волевых качеств.

Когда меня после посадки спросили:

— Что бы вы могли сказать о своих товарищах по экипажу?

Я, не задумываясь, ответил:

— Если бы нам была предоставлена возможность вновь летать, не задумываясь, выбрал бы их — Ана-

толия Филипченко и Виктора Горбатко — еще и еще раз.

Молодежи, стремящейся посвятить свою жизнь делу освоения космического пространства, хочу пожелать: цените дружбу, берегите ее и умейте ею распоряжаться. В этом один из секретов успеха.

В процессе выполнения космического полета космонавты порой сталкиваются с самыми неожиданными ситуациями. Не все, безусловно, проходит гладко. В памяти людей всей планеты, и особенно в нашей памяти, его друзей по работе, навсегда останется светлый образ летчика-космонавта СССР Владимира Михайловича Комарова, трагически погибшего при выполнении задания Родины. Те, кто следил за полетом В. М. Комарова на корабле «Союз», помнят, с каким спокойствием и знанием дела проводил он первые испытания нового, современного корабля. Его полет дал путевку в жизнь этому замечательному детищу нашей отечественной науки и космической промышленности.

Последними словами Владимира Комарова были: «Программа полета выполнена. Начинаю приготовление к спуску. До скорой встречи на Земле!» Но трагическая случайность вырвала из рядов советских космонавтов замечательного человека. Володи Комарова нет среди нас... На смену ему пришли новые покорители космоса, но его имя будет жить вечно как образец служения делу, которому он посвятил свою жизнь, образец служения своему народу и родной Коммунистической партии.

Нашей молодежи, которой предстоит продолжить дело, начатое Ю. Гагариным, а затем его товарищами, есть с кого брать пример, есть у кого учиться мужеству, преданности партии и народу.

В наше время космонавтика развивается бурными темпами. Мы сами непосредственные свидетели и участники этого взлета. Сейчас уже трудно чем-либо кого-то удивить, разве если что уж чем-то сверхъестественным.

Полеты человека к Луне, автоматических аппаратов к Венере и Марсу, доставка на Луну первого «Лунохода» уже воспринимаются почти что как должное и обыденное. Сейчас будут уже волновать не сами полеты, а то, что несут эти полеты для человечества.

В одной из своих корреспонденций специальный корреспондент газеты «Красная звезда» М. Ребров, перечисляя составы экипажей космических кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8», написал: «Это рабочие нашего космоса». И в этих словах есть своя правда. Сегодняшние и завтрашние полеты будут направлены к одной цели — сделать жизнь на Земле еще более прекрасной.

Для этого мы пришли в космос, пришли один раз и навсегда. Космонавтика стала для нас профессией, такой же, как сейчас, допустим, профессия летчика-испытателя. И прав был летчик-космонавт СССР В. А. Шаталов, который сказал: «Нет большего счастья узнать, что тебе доверен новый полет, с новой программой».

И мне кажется, что не совсем правильно иногда люди ставят вопрос: «А что космонавт — это призвание?»

Конечно, чтобы стать хорошим специалистом, безусловно, надо иметь какое-то призвание и, конечно же, надо любить свое дело.

Однако суть здесь в другом. Космонавтами не рождаются. Космонавтами становятся те, кто, обладая соответствующим здоровьем и знаниями, стремится к цели и готов, понимая всю сложность и риск этой профессии, посвятить этому делу всего себя.

Закончен очередной эксперимент в космосе. Как сообщил ТАСС: «Экипажами космических кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8» проведена обширная программа по маневрированию космических кораблей на орбите с помощью систем ручной ориентации, привезен ценный материал по проведению научных и технических экспериментов. Космические корабли с экипажами на борту благополучно приземлились точно в заданном районе посадки»...

И вот мы снова на Байконуре — стартовой площадке космических кораблей. Наша «великолепная семерка», как в шутку окрестили нас журналисты, снова в сборе. И снова врачебные осмотры и медицинские обследования. Общее заключение для всех одно — здоровы.

В течение двух дней докладываем Государственной комиссии о проделанной работе, отвечаем на вопросы конструкторов и ученых. Нам есть о чем и что рассказать специалистам.

А потом прощание с космодромом. Едем в открытых машинах сквозь живой коридор стоящих вдоль шоссе людей. Отовсюду приветственные возгласы и прсщальные взмахи руками. Вдруг слышу из толпы свое имя: «Владик, Владик!»

Поворачиваю голову и ищу глазами, откуда несется знакомый голос. И вот наконец-то вижу. У самого края шоссе с двумя ребяташками — одного держит на руках, а другого за руку — стоит моя двоюродная сестра Галя. Она здесь живет с мужем уже много лет, но ни до полета, ни после у меня не было возможности встретиться с ними. Я вижу ее заплаканные, но радостные от счастья глаза. Комок подкатывается к горлу. Первые после полета родные. Посылаю воздушный поцелуй и приветственно машу руками.

На аэродроме садимся в современный воздушный лайнер, который доставит нас в Москву, на Внуковский аэродром.

Время пролетает незаметно. Скоро Москва. Все начинают заметно нервничать. Почему-то я не могу никак застегнуть ставшую мне ненавистной верхнюю пуговицу белой рубашки. Наконец кое-как совладал с нею. Где-то недалеко на подлете к Москве к нам подстраивается почетный эскорт из четырех современных реактивных самолетов, по двое с каждой стороны. Смотрим в иллюминаторы на них, видим даже лица летчиков. Молодые ребята сидят, даже не шелохнутся. Это отвлекло нас от предстоящей встречи, и мы несколько успокоились. А вот и Внуковский аэродром, делаем заход и идем на посадку.

Слышим, как к самолету подается трап. Заняли свои места у двери. Никак не могу унять опять откуда ни возьмись появившееся волнение.

Да что такое! «Возьми себя в руки», — твержу себе. Посмотрел на ребят. Они, по-моему, тоже далеко не в самом лучшем состоянии.

Распахнулась дверь, и знакомая песня донеслась до нас:

На пыльных дорожках далеких планет
останутся наши следы.

Волнующая встреча с членами правительства и родными... Трудно передать словами чувства, которые в этот момент охватывают тебя, кипят в груди и готовы вырваться наружу!..

А разве можно с чем-нибудь сравнить теплую встречу с москвичами и незабываемый прием в Кремлевском Дворце съездов?!

Временами казалось, что все это какой-то сказочный, прекрасный сон: настолько почести, оказанные нам, были велики. Нас, космонавтов, иногда называют «гражданами Земли». Но, к великому огорчению любителей метафор, мы не чувствовали себя просто «землянами». С гордостью, каждой клеточкой своего существа ощущали — мы россияне, граждане Советского Союза.

И по сей день у меня в памяти сохранилось лаконичное сообщение ТАСС: «Сегодня, 17 октября 1969 года, в 9 часов 25 минут космический корабль «Союз-7», выполнив намеченную программу, благополучно приземлился в 155 километрах северо-западнее города Караганды. Самочувствие космонавтов хорошее».

Мало сказано, но сколько кроется за этим. Выполнили программу, самочувствие хорошее... Все это годы упорных и кропотливых тренировок по изучению систем корабля и подготовки своего организма к необычным условиям космического полета.

Когда мы после посадки вылезли из корабля, я окинул взглядом степь. Кругом, куда ни кинешь взор, до самого горизонта поля и поля, бескрайние просторы нашей необъятной Родины. Земля припорошена только что выпавшим белым снегом. Кое-где отдельными островками виднеется желто-зеленая примятая трава.

Посмотрел на небо. Оно забито низкими плотными облаками. Стало как-то немножечко грустно. И не верилось, что совсем недавно я видел Землю с высоты космического полета, а затем и из кабины корабля, раскачивающегося под парашютом. Неужели вот так все и закончилось?..

Мои мысли прервали встречавшие нас врачи, журналисты. Последние часто спрашивают нас, космонав-

тов: не страшно ли летать в космос? «Вы же понимали, что все может случиться, а у вас семья...» Ну что сказать по этому поводу?

Чувство страха понятие относительное. Нет такого человека, который бы вообще ничего никогда не боялся. Но есть люди, которые умеют побеждать это неприятное чувство — страх. Мы, космонавты, абсолютно верим в те аппараты, на которых нам приходится летать, — в наши космические корабли — и никогда не думаем о худшем. Ну, а в жизни — на то она и жизнь — бывает очень много нелепых случаев... Кстати, и на Земле можно попасть под машину и сломать себе голову, но никто ведь не избегает из-за этого ходить по улицам.

Что касается вопроса о наших родных и близких — это уже гораздо сложнее. Я почему-то полностью уверен, что нам, когда мы находимся во время полета в космическом корабле, легче, чем тем, кто руководит и обслуживает наш полет, чем тем, кто внимательно следит за программой выполнения полета и нашим самочувствием. И конечно, совсем тяжело нашим матерям, отцам и женам. После полета я узнал, что мама плакала целыми днями, а отец даже слег в постель от напряжения.

Один товарищ рассказал мне, что когда моя жена смотрела по телевидению старт нашего корабля, то она так крепко вцепилась в его руку, что надолго оставила ему на память следы об этом.

Ну, а сын, тот, как настоящий мужчина, скрывал свои чувства, но зато, когда я приехал домой, стены комнаты были увешаны моими портретами с плакатов.

Милые мои! Много мы доставили вам волнений и переживаний, которые даже не могла затмить радость встреч на Земле.

Но в этом и заключается счастье трудных дорог...

С каждым шагом проникновения в глубины космоса расширяются границы и возможности нашего познания. Мы познали, например, невесомость. Но пока, к сожалению, можем только сказать, что это состояние для человека — одна из многих великих загадок. А плавание в открытом космическом пространстве, пребывание длительное время вне пределов космического корабля? Плавание не ради самого плавания,

а направленное на определенный род полезной работы? То самое плавание, которое японские ученые окрестили «леонизмом» (от фамилии первого звездного «плывца», советского космонавта Алексея Леонова)? Какие сюрпризы готовит оно человечеству? Какую дань востребует космос за эту дерзость землян? Пока неизвестно. И в этой непознанности скрыт неодолимый двигатель человеческой мысли и неотвратимость новых, еще более смелых и глубоких экспериментов. Одним словом, космонавты без работы не останутся, и хватит ее еще многим и многим нашим поколениям.

Ясно одно: космонавт всегда летит в чуждую для живого человека среду. И мне очень понятны, например, слова академика Б. Н. Петрова, когда он говорит о том, что хотя на Земле до мельчайших деталей разрабатывается каждый полет — это путешествие в неизвестность.

Решению великих задач всегда сопутствовала мечта. Великим мечтателем был Ленин. Мысль не может существовать без полета, без фантазий. Королев был рациональнейшим из реалистов, но у своих учеников воспитывал широкий диапазон свободного мышления — фантазию. Академик В. В. Парин часто начинал свои выступления именно с разговора о мечте:

— Я грешен: люблю фантастику. Считаю, что она многое дает не только молодежи, но и нам — людям старшего поколения.

Может быть, эта черта по наследству перешла нашим космологам от К. Э. Циолковского. Писатель В. Шкловский, лично встречавшийся неоднократно с Константином Эдуардовичем, вспоминает такой эпизод из его жизни:

«У него был друг — аптекарь. У аптекаря умер сын. Старик Циолковский пришел к гробу и сказал другу: «У тебя горе. Он мертвый. Но сядем и будем говорить о звездах. Небо человека утешает. Нам нужно жить широко».

Космос влияет не только на психологию человека, но и накладывает заметный отпечаток на характер его мышления. Эти изменения вызваны той позитивной информацией, которая поступает к человеку.

Простейший пример. Вот характеристика вопросов, задаваемых при встречах первых космонавтов:

— Заметно ли, что Земля круглая?

— Чем питались в полете?

— Что такое невесомость?

— В чем выражалась перегрузка?

И т. д. в том же роде.

А вот вопросы, которые задавали ученым и космонавтам через 10 лет, на встрече в Центральном лектории общества «Знание» в канун Дня космонавтики 11 апреля 1971 года:

— Почему космические корабли на орбите вращаются вокруг своей оси?

— После посадки «Венеры-7», кроме данных о температуре, получены ли какие-либо другие?

— Когда полетят люди на Марс?

— Как будут сооружаться в космосе постоянные орбитальные станции и лаборатории?

... — Разработаны ли средства защиты космических кораблей в космическом пространстве от захвата их пришельцами других планет?

Все логично: характер вопросов определялся запасом информации о космосе. Потому и не удивительно, что людей интересовала на заре космических полетов только первая сигнальная система космонавтов — их ощущения (что чувствовали, что видели, какова на вкус космическая пища и т. д.).

Прошло всего 10 лет со времени полета первого человека в космос Юрия Гагарина, и не ученые, а просто «болельщики космоса» спрашивают: «А что планируют на 1978 год, когда три планеты солнечной системы — Венера, Марс и Земля сблизятся и будут на минимальном расстоянии друг от друга?»

Безусловно одно: открытия человека в космосе вызвали необычайный интерес к астрономии, астрофизике и значительно расширили кругозор простых людей Земли, вызвали живой интерес к познанию вселенной, то есть значительно приблизили их к атеизму. И это только начало. Только первые шаги в глубины теперь уже шестого по счету океана — безбрежного космического океана.

Как-то я услышал одну фразу школьника, а дети всегда прямодушнее и доверчивее взрослых. Парень сказал своему приятелю после встречи с космонавтами: «Подумаешь, слетал в космос! Два дня — и уже Герой!»

Мальчик мой хороший, за этими двумя днями стоит вся жизнь, которую мы прожили!

Готовимся мы очень долго. Много нелегких шагов приходится отмерить по земле, прежде чем сделать тот, хотя бы один, в небо.

Но мы шагаем.

Да, бывает сложно. Да, бывает трудно. Порой, кажется, невыносимо трудно... Но тысячу раз прав мой коллега и товарищ Алексей Елисеев, когда он говорит: именно потому, что трудна наша профессия, именно потому, что сложна, — именно поэтому мы ее выбрали. И служим ей.

А земная жизнь идет своим чередом. У космонавтов нет перерыва, профессия не кончается. Она просто не может прекратиться. Как сама жизнь. И снова Звездный городок, снова тренировки в барокамере, термокамере, на центрифуге, прыжки с парашютом, полеты на самолетах, тренировки в самых различных географических условиях. Это, так сказать, специфическая подготовка космонавта. Ну и, конечно, не прекращаем занятия по общефизической подготовке.

Надо ли объяснять, что одновременно продолжаем грызть науку, и уже не азы осваиваем, а проникаем в самые сложные ее стороны.

И это изо дня в день. Но приходит воскресенье, иногда даже это бывает в субботу, и выдается отдых, возможность побывать дома.

И вот я снова дома. Вбегаю в подъезд и буквально нос к носу сталкиваюсь с моим соседом и любимым артистом Юрием Владимировичем Никулиным.

Юрий Владимирович, весело подмигнув, перекинул авоську из правой в левую руку, коротко приветствует:

— Явился? Ну-ну... А я вот — в цирк.

Я успел ему крикнуть:

— Заходи, Юрий Владимирович, сегодня вечером, поболеем!

(Как раз было в разгаре первенство мира по хоккею.)

Никулин заулыбался (болельщик он отменный), ответил:

— Ага, приду. Я люблю... футбол.

Дверь лифта нехотя, с металлическим скрипом ушла в стену и тут же закрылась, как я вошел. Подъем. Удивительно медленный, можно подумать, что я взбираюсь на сотый этаж. У двери отдышался (опять старая привычка). Поправил воротник плаща. Пропел колокольчик за дверью. Как долго не открывают...

Люся стоит, опустив руки, улыбаясь, и чуть растерянная, и вроде незнакомая в новом платье и с новой прической. Смеется.

— Заходи уж, прогульщик, так и быть, пустим.

Володька берет портфель. Я снимаю плащ, долго не могу найти вешалку. Прохожу.

Ничего как будто не изменилось. Все так, как было. Все так же ровен глухой шум за окном. Все такие же вкусные щи на столе. И по-прежнему доверчиво-веселы глаза Люси. И Володька, как всегда, чуть-чуть застенчив в обращении со мной. Но чувствую, что-то не так. Но что? Случайно смотрю вниз, на пол, — и все понимаю. Напротив меня сидит мой любимец Аполлон, уже почти взрослый, но не по годам хитрый кот. Замечаю в его глазах какой-то нездоровый блеск. По-моему, он начинает тихо и грустно ненавидеть меня за невнимание.

Утром собираемся гулять. И тут узнаю неожиданную новость. Люся говорит, что надо покупать Володьке туфли. Машинально спрашиваю: «Какой размер?» Спокойно отвечает: «Сорок четвертый». Вот так-так! Это наш шестиклассник.

Как же я это пропустил? Времени нет? Разумеется, лишнего не отпущено. Но, видимо, мы, молодые отцы, слишком часто призываем в свидетели своей мужской сдержанности время. Надо будет заняться парнем. Завтра же. Нет, сегодня. Ему уже тринадцать. Скоро ему шагать в свое небо...

ЛЮБИТЬ СВОЕ ДЕЛО!

Беседа корреспондента «Известий» Б. КОНОВАЛОВА с летчиком-космонавтом СССР Владиславом Николаевичем Волковым перед его отъездом на космодром

Мы сидели с Волковым в маленькой комнатке, отделенной от холла профилактория Звездного городка стеклянной перегородкой. На встрече с журналистами после полета «Союза-9» из этой комнатки отвечали на наши вопросы А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов, а мы были за перегородкой — врачи опасались инфекции. Тогда мне подумалось, что, может быть, после этого полета мы тоже будем разговаривать с Владиславом Николаевичем через стеклянную перегородку. Но преграда получилась другая... И беседа с ним приобретает сейчас особый смысл. Теперь уже в этой магнитофонной записи слышатся оттенки завещания героя всем, кто снова пойдет в космос продолжать дело, которому отдали свои жизни Г. Т. Добровольский, В. Н. Волков и В. И. Пацаев.

— Какими качествами должен обладать космонавт на современном этапе развития космонавтики, когда она действительно становится профессиональным делом?

— Во-первых, мне кажется, что космонавт — это человек, который решил себя посвятить космонавтике и должен любить свою профессию, должен понимать все сложности, трудности, связанные с ней. Поэтому основной критерий этой популярной сейчас в наш век профессии — любовь к своему делу. Впрочем, как и в любой другой профессии.

Каким должен быть космонавт? Здесь, наверное, нужно говорить о нескольких вещах. Прежде всего космонавт должен знать хорошо ту технику, на которой ему придется летать, то есть он должен быть технически грамотным инженером. Это первое условие. Второе необходимое условие — знание многих других дисциплин, с которыми, может быть, человек, решивший себя посвятить космонавтике, раньше не стал-

кивался. Я имею в виду такие науки, как астрономия, небесная механика, физика, химия, баллистика, — очень много дисциплин, трудно все перечислить.

Третье. Безусловно, космонавт или человек, который хочет стать космонавтом, должен обладать здоровьем, позволяющим ему совершить космический полет. Трудно сказать точно, какое здоровье, — это дело медиков. Они определяют критерии отбора космонавтов. Безусловно, что здоровье должно играть не последнюю скрипку в этом гармоническом сочетании.

Вот, пожалуй, главные качества, которыми должен обладать космонавт. Это на мой взгляд. Ну и, безусловно, он должен очень любить — я еще раз подчеркиваю — то дело, которому он решил посвятить себя, любить свою Родину, любить свой народ.

— Расскажите о членах экипажа, о ваших товарищах.

— Государственная комиссия оценила нашу последнюю зачетную комплексную тренировку самым высоким баллом — «отлично», не сделав ни единого замечания. Думаю, это в какой-то степени показывает, что экипаж подобран неплохой.

Командира экипажа Георгия Тимофеевича Добровольского я знаю давно, хотя прежде нам никогда не приходилось работать вместе. Это человек, имеющий большой опыт полетов на самолетах. Очень хороший товарищ, на мой взгляд. Умеет вести себя с людьми: корректный, выдержанный. Эти качества командиру просто необходимы. Мне с ним очень легко работать.

С инженером-испытателем Виктором Ивановичем Пацаевым мы работали вместе долгие годы. Виктор тоже очень хороший парень, очень порядочный человек. Мне особенно нравится в нем большое трудолюбие. Он очень дисциплинирован. Я думаю, что качества моих товарищей, о которых я сейчас рассказал, позволят нам вместе создать тот просто категорически необходимый ансамбль, который сможет выполнить ответственную и очень сложную работу в предстоящем полете.

— Что в жизни приносит вам удовлетворение?

— Вопрос очень общий. Ну, а в принципе, конечно, удовлетворение получаешь, главным образом, от своей работы. Работа трудная, тяжелая, серьезная. Редко выдается свободное время, чтобы провести его

с семьей. Но, несмотря на это, такая загруженность приносит большое удовлетворение. Когда чувствуешь себя нужным или полезным для дела, понимаешь, что ты нужен людям, наверное, это и есть высшее удовлетворение.

Если говорить о том удовлетворении, которое получаешь от отдыха, здесь у меня круг интересов довольно обширный. Я очень люблю, например, спорт, с удовольствием посещаю спортивные соревнования. К тому же я президент Федерации акробатики Советского Союза. Эта работа тоже приносит удовлетворение, хотя она очень сложна и времени отнимает много. А у меня его, к сожалению, не хватает. Очень мало приходится бывать с семьей. И поэтому для меня высшее удовольствие — побыть дома, вместе отдохнуть, вместе сходить в кино.

Хотелось бы, чтобы мой сын, которому сейчас тринадцать лет, вырос настоящим человеком.

— А каким вы себе представляете настоящего человека?

— По-моему, это человек и физически крепкий, и способный, и целеустремленный, и тактичный... Понимаете, очень много таких компонентов, которые входят в характеристику настоящего, гармонично развитого человека. Своего сына я хочу сделать, во-первых, порядочным человеком. Хочу, чтобы он был культурным, здоровым, любящим людей. Все остальное, я думаю, приложится.

— Был ли у вас любимый литературный герой?

— Как каждый мальчишка, я, например, в детстве восхищался книгой Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». Было время, когда я с группой своих друзей и школьных товарищей организовал тимуровскую команду у себя во дворе. Так она и называлась «Тимуровцы с Войковской» — эта команда. Я был «Тимуром». Этот литературный герой был для меня примером.

Если говорить еще о героях, то безусловно, Павел Корчагин и его прототип Николай Островский. Человек большой воли, который в таких тяжелых условиях, почти абсолютно парализованный, слепой, создал два замечательных произведения. «Как закалялась сталь» — настольная книга не только для меня сейчас, но и для многих молодых парней нашей страны.

Еще герои гражданской войны — Чапаев, Щорс, Котовский, Фрунзе. Эти люди тоже всегда восхищали меня.

А если уж говорить о самом ярком герое, то для меня это, безусловно, Феликс Эдмундович Дзержинский. Это тот человек, который не перестает восхищать меня своей железной волей, своей необычайной эрудицией, необычайной преданностью делу, которому он себя посвятил.

— Как вы считаете, что может дать нам в конце концов освоение космоса и каким путем оно пойдет?

— Основное, что дает освоение космоса, — это мое личное мнение, — существенное расширение наших познаний об околоземном космическом пространстве. Это, безусловно, скажется на укладе жизни на всей планете, окажет влияние на жизнь не только нашего народа, но и народов всего мира. Это не громкая фраза, хотя и может показаться, что она звучит патетически.

С помощью космических аппаратов, которые будут совершать полеты вокруг Земли, — тем более когда будут созданы крупные орбитальные станции с длительными сроками существования, можно будет решать очень много народнохозяйственных задач. Это позволит облегчить ту трудную работу, которой человек занимается на Земле ради того, чтобы сделать жизнь прекрасней.

Можно здесь упомянуть, например, проблемы геологии, поисков полезных ископаемых, вопросы предупреждения людей о начавшихся грозных явлениях природы, которые несут большие разрушения, — я имею в виду тайфуны, цунами. Их можно наблюдать с космических высот и предупредить людей заранее, можно сигнализировать о лесных пожарах.

Если говорить о будущем, то мне кажется, что человеку присуще стремление постоянно быть в поиске. Мы исследуем нашу ближайшую спутницу Луну для того, чтобы разобраться в проблеме происхождения нашей солнечной системы. Человек устремится и в дальний космос. Мне хотелось бы напомнить слова Циолковского о том, что человечество не останется навечно на Земле, а в погоне за светом и счастьем оно преодолеет земное притяжение и устремится в космос. Я перефразирую несколько слова Константина

Эдуардовича, но смысл в том, что человечество будет искать выход из нашей земной обители. Безусловно, будут полеты и к другим галактикам. Это, конечно, потребует очень больших усилий, очень большого времени, и, наверное, к сожалению, мы до этого не доживем, а наши дети, наши правнуки, я уверен, доживут до тех дней, когда человечество начнет осваивать другие галактики.

— Кому вы обязаны в жизни больше всего? Кому вы благодарны?

— Безусловно, я всему и во всем прежде всего обязан своим родителям. Я стремился брать пример с отца — человека необычайно эрудированного, всю жизнь проработавшего в авиации. Безусловно, я обязан всей той среде, которая меня окружала. Школе, где учителя, не жалея сил, учили нас, далеко не тихих парней, — дали нам образование. Ведь это же не случайность, что у нас в классе было человек сорок, а из них больше половины поступило в авиационный институт. Многие стали учеными. То, что было заложено в нас институтом, мы несем с собой всю жизнь — это та база, без которой немислим настоящий инженер, настоящий специалист.

Затем мне посчастливилось работать под руководством Сергея Павловича Королева, общаться с ним, с людьми, которые его окружали. Они, собственно, и дали мне путевку в космос, эти люди.

Все мы, молодые парни, вышли из комсомола. Я считаю — и мы об этом всегда говорим, — что стартовой площадкой в космос для нас явился комсомол, который привил нам любовь к своему народу, к своей Родине. И конечно, я бесконечно благодарен нашей партии. Ей и комсомолу мы обязаны всем тем, что было сделано для нас.

Если говорить о том, что сделано для меня лично, как для космонавта, то могу сказать: с большим уважением и благодарностью отношусь к тем людям, которые тратили многие дни и годы для того, чтобы подготовить меня к космическим полетам.

Это была предпоследняя беседа с Владиславом Николаевичем. С Георгием Тимофеевичем и Виктором Ивановичем так и не успел толком погово-

рить в Звездном — беседовали на космодроме. Добровольский, когда мы его спрашивали, что главное в профессии космонавта, сказал: ответственность. И откровенно признался: «Ответственность я чувствую сейчас громадную». Пацаев говорил, что профессия космонавта самая интересная, на его взгляд, хотя и трудная. Сейчас эти их слова, как и слова Волкова, поражают своим глубоким смыслом, и до конца понимаешь, насколько были самоотверженны эти люди, которые будут служить образцом для всех космонавтов Земли, для всех, кто идет на трудное и благородное дело.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. А. С. Елисеев	5
Почему я начал писать эту книгу	7
ГЛАВА I. СЕРДЦЕ ПОПОЛАМ	
Небо в отсветах войны. Школьные годы. Тимуровцы с Войковской. Юность комсомольская моя. Испытание наукой. Нет друга лучше	11
ГЛАВА II. ВСЕ-ТАКИ ПОЛЕЧУ!	
В памяти навсегда. Право на мандат космонавта. Звездный открывает двери	50
ГЛАВА III. ВОТ КАКОЙ ТЫ, КОСМОС!	
У порога космической орбиты. Нас осталось пятеро. Ночь перед стартом. Воскресенье, 12 октября 1969 года. Счастливого пути, мушкетеры!	70
ГЛАВА IV. ЗВЕЗДНАЯ ВАХТА	
Корабль на орбите. Будни космической работы. Только один виток. «Видим вас, «Гранит» и «Антей»!»	100
ГЛАВА V. ЗЕМЛЯ — НАШ ПРИЧАЛ	
«Здравствуй, русское поле!». Профессия или призвание? Будущее начинается сегодня. Счастье трудных дорог	142
ЛЮБИТЬ СВОЕ ДЕЛО! (Беседа с В. Н. Волковым)	167

Дед Михаил Васильевич.

«Особенно большое удовольствие мне доставляла езда на трехколесном велосипеде...»

В пионерском лагере.

«Я очень любил петь и еще в детстве научился играть на баяне».

На верхнем снимке — семья Волковых: отец — Николай Григорьевич, мать — Ольга Михайловна с Владиком; на нижнем — семья Владислава Волкова — жена Людмила и сын Владимир.

После окончания школы.

Каждую осень студенты отправлялись на уборку картошки...

«Футбол — это моя слабость...»

Курсант аэроклуба. Первый вылет.

А после всех занятий и тренировок — прогулка с сыном по зоопарку.

Веселая компания: космонавты (Ю. Гагарин, А. Николаев, Б. Волинов, В. Волков) и журналисты.

На одном из экспериментов.

А иногда и у космонавтов бывают свободные минуты...

Мама!
 Это тебе письмо
 Ты мне не забывай
 На том что написано
 как мне писать и писать
 написать мне как папаша
 Алексей Емеев.

24.11.65г.

В.Васильев
 13.10.65г.

По традиции космонавты перед отлетом сажают на космодроме дерево.

А тренировки продолжаются...

Только что удачно приземлился с парашютом.

Георгий Береговой вручает Владиславу Волкову удостоверение космонавта.

Андрей Николаев сдает за этой дверью экзамен...

Это их будущий дом — космический корабль «Союз».

Будущие космические кинооператоры.

В монтажно-испытательном корпусе.

Корабль «Союз» следует к стартовой площадке.

В. Волков, В. Горбатко и А. Филипченко и во время прогулок продолжают обсуждать предстоящий полет.

Старт

★
СССР

РЕДАКЦИЯ
Центрального органа
Министерства обороны Союза ССР
ордена Ленина, Краснознаменного,
ордена Красной Звезды газеты
КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

5 октября 1969

№ 670

Имя Специальный корреспондент ВОЛКОВ
Владимир Николаевич

С. Изучением темы предлагается Вам отправиться в Космос
по орбите вокруг Земли
для выполнения задания редакции на космическом
корабле "Союз-7"

Срок командировки 12 дней с 5 октября 1969

по 19 октября 1969

ОБ ОРБЫТИ ДОНЕСТИ

Основание _____

Для призыва выданы требования из приказа № _____

Послужный список и удостоверение личности (красно
армейский билет) _____

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ПОДПИСАЛ Владимир И. СИДЯЧЕНКО

Журналистское удостоверение,
выданное «Красной звездой».

В. Шонин — командир космического корабля «Союз-6».

В. Кубасов — бортинженер космического корабля «Союз-6».

А. Филипченко — командир космического корабля «Союз-7».

В. Волков — бортинженер космического корабля «Союз-7».

В. Шаталов — командир космического корабля «Союз-8».

А. Елисеев — бортинженер космического корабля «Союз-8».

В. Горбатко — инженер-исследователь космического корабля «Союз-7».

И вот экипаж «Союза-7» снова на Земле. Первая встреча в Караганде.

Москва. Внуково. 20 октября 1969 года.

На приеме в Кремле.

Пресс-конференция.

Калуга. Венок на могилу К. Э. Циолковского

И вот вся семья снова в сборе.

«Нет друга лучше...» Отец — Николай Григорьевич.

Владислав Волков с любимцем семьи — котом Аполлоном.

В издательстве «Молодая гвардия».

На XVI съезде ВЛКСМ.

В гостях у самых маленьких граждан нашей большой страны.

Начальник комсомольско-молодежной станции «Северный полюс-19» Артур Чилингаров поделился своим опытом зимовщика с «великолепной» семеркой космонавтов.

На встрече в ЦК ВЛКСМ.

И снова встречи... с моряками.

В гостях у хоккеистов-спартаковцев.

С академиком Тихонравовым.

В цирке.

Владислав Волков с сыном Владимиром.

На даче.

У моря.

Экзамен перед первым полетом в космос.

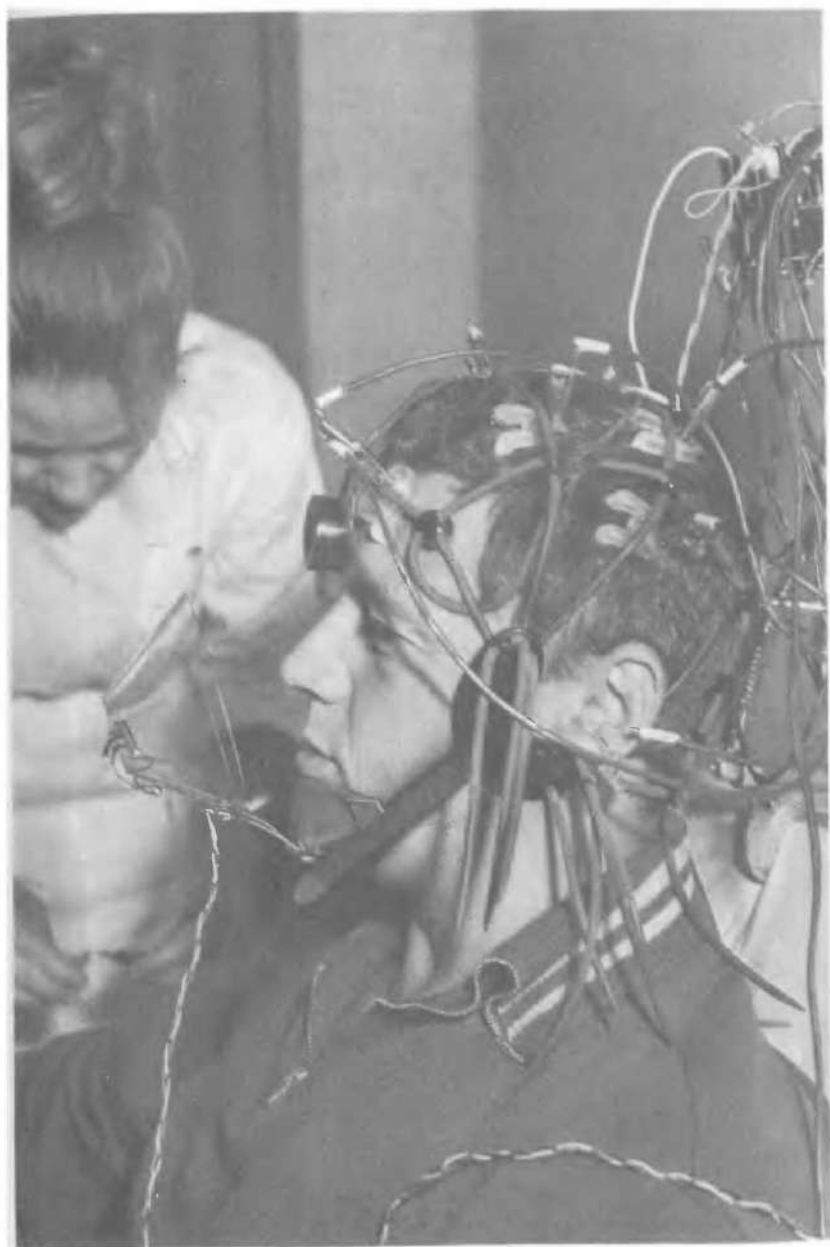

Сегодня у сына
день рождения.

И снова подготовка к новым стартам.

Очередные занятия космонавтов.

В тренажере.

И снова на космодроме.

Экипаж «Союза-11» перед полетом.

В. Пацаев, Г. Добровольский, В. Волков.

Волнов Владислав Николаевич

ШАГАЕМ В НЕБО. М., «Молодая гвардия». 1971.
176 с. с илл.

676

Редактор **В. Таборно**

Художник **Н. Михайлов**

Художественный редактор **Л. Белов**

Технический редактор **И. Соленов**

Корректор **А. Долидзе**

Сдано в набор 25/VIII 1971 г. Подписано к печати 26/XI 1971 г. А01360. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5,5 (усл. 9,24)+24 вкл. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 120 000 экз. Цена 54 коп. в ледерине с суперобложкой 80 коп. Заказ 1874. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушчевская, 21.

54 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ